

**Crème de la Crème**





Катрин Колом

# Время ангелов

*Перевод*

*Ирины Мельниковой*



*Kolonna Publications*  
*Митин Журнал*



ББК 84.4 Швейц



**Catherine Colomb**  
*Le Temps des anges*

*Редактор: Дмитрий Волчек*  
*Корректор: Кирилл Путресцинов*  
*Обложка: Алексей Кропин*  
*Верстка: Полина Кручёных*  
*Руководство изданием: Дмитрий Боченков*

*В оформлении обложки использована гравюра Отто Дикса "Труп лошади" (1924)*

ISBN 978-5-98144-266-7

© CRLR, Universit de Lausanne, 2016  
© Kolonna Publications, 2020  
© Ирина Мельникова, перевод, 2020

Ангелы, мерный шум их мощных крыльев Жозеф слышал, едва проснувшись. И даже семейство Гонтрана Будивилля слышало шум крыльев, несмотря на понтон и дамбу, защищавшие Поссесьон. Папаша Гонтрана, прогуливаясь однажды вдоль живописного берега – в каждой бухточке кованые кресла для отдыха – заметил маленький парусник, терпящий крушение. И уже снимая редингот – жена спешила навстречу, кожаные ботинки с пуговицами сборились на щиколотках, и кричала: ради всего святого! не надо лезть в воду в новых штиблетах – понял, что слишком поздно узнал привязанную к мачте рубашку своего младшего сына. В результате наследников состояния Будивиллей стало на одну ветвь меньше, и, как говорил кто-то из приглашенных на свадьбе Гастона, простофили, недоумка: о! думаю, с этой особой детей у него не будет, и богатство получит везунчик Гонтран, или вы считаете, акробатка успеет все промотать? Акробатка? Не смешите меня, она продавала билеты в кассе. Подождите, Валери, что вы городите? Разве вы были тогда в цирке с Гастоном? Ну вот!..

Если бы два Бородача только знали, чем обернется для них тот вечер! Звон колокольчика, сразу прибежала прислуга, жившая в каморке, еле отапливаемой угольной печкой с висевшими по бокам утюгами. Кто звонил? Старуха? Или Гастон опять упал? Или Годфруа? Или Гюстав? Отец Бородачей и недоумка родился в России, но однажды лодку, в которой его мать прогуливалась по Неве, перевернул какой-то диплодок, увы, кроме зонтика, обшитого кружевами Шантйи, так больше ничего не нашли. Дед Бородачей и недоумка уехал в Швейцарию, где вскоре умер. Их отца, сироту, звали Николая. Святая Россия! Он-то и построил городской дом Будивиллей, WC, обшитый дубом, унитаз с механизмом спуска, смывным краном и надписью: *Aspera ad astra*\* в чаше, расписанной розочками. Господа Бородачи прохаживались по тротуарам, постукивая тростями с золотыми набалдашниками, отгоняя детей и собак; жили в самом красивом в городе доме с каменными, похожими на воинов, уже вооружавшихся на востоке, масками над окнами. Но дети думали: разве длинные носы, разве темные глаза этих масок не такие же, как у мадмуазель Валери? В тот вечер соседи, покинув дома, укрытые от непогоды белыми, рифлеными как паруса навесами, отправились в гости. И чета Будивилль из Поссесьон, Гонтран с женой, разумеется, тоже. На двери

---

\**Per aspera ad astra* (лат.) – Через усилие к победе.

желтый латунный молоточек в виде кулака, рядом небольшой подсвечник, который зажигали по вечерам, если господа выезжали. Тридцать первого декабря господа, трясясь в коляске, удостоили похвалой ряженных, танцевавших на улицах фарандолу.

– Гастон, вы действительно хотите заглянуть на минутку в цирк?

Гастон, младший, недоумок, сидел спиной к кучеру, два Бородача прятались в глубине. Мы и автомобиль? Автомобиль – это для торговцев.

– О! Я знаю, Годфруа, вам меня не понять, вам и Гюставу ничего, кроме вашего фарфора, не интересно.

Их имена начинались с одной буквы: таков обычай, вспомните дочерей египетского царя! Мать, явно сердясь, плотнее запахивала накидку из гагачьего пуха.

В общем, Годфруа приказал кучеру возвращаться.

– А я? А цирк? Я хочу на представление. Доктор мне разрешил.

– Какой доктор?

– Доктор.

Он бы и ногой топнул, если бы не грелка с горячей водой на полу коляски. Кучер взмахнул кнутом, стегнул лошадь; выгнутая шея крупного странного зверя плыла вровень с соломенными шляпками в витрине, а толку? ни вправо, ни влево не посмотреть, знай вращай под шорами большими мутными глазами без ресниц. Полакомиться бы такими

шляпками, но увы! Давным-давно маленькая девочка, сидевшая на заборе, уронила похожую шляпку, которую тут же сожрали свиньи, а она, она звала у окна, кутая плечи в черную шерстяную шаль. Кто это сказал? кто говорил? кто сказал, что она выглянула из окна, моя королева, смысл моей жизни, истинная любовь моя?

8

– Ну ладно, Гастон, идите в ваш цирк.

– О! А вы не пойдете?

– Нет, мы выпьем грогу и скажем Селестине – верная служанка, одиннадцать братьев убиты на войне, теперь в савойской деревушке нет ни одного мужчины – Селестине дождаться вас. Тетя Урсула наверняка уже сердится. Вы не забыли о цикламене, Гюстав? Выходите же, наконец, Гастон, да не споткнитесь о грелку с горячей водой. Вот. Зайдите же в балаган, Гастон! Я вам приказываю. Не будьте посмешищем для всех этих торговцев... Мсье Соломон.

Он чуть коснулся полей шляпы.

– Бедный Гастон! Бедный маленький Гастон! Такой впечатлительный, такой... Да не оборачивайтесь же, Гюстав, будет вам! Вы же помните, что нам всегда повторяла няня, воспитавшая, кстати, князя Нарышкина, она повторяла: «Никогда не оборачивайтесь, дети, с чем бы вам ни пришлось столкнуться на улице, не оборачивайтесь».

В итоге благодаря ее совету одного из четырех братьев убил разъяренный бык, который, выскочив на Гранд-Рю, увидел красную



курточку Гаэтана, бросился на него со спины и проткнул рогами. Бедный маленький Гаэтан!

– Гастон... меня огорчает. Я все думаю, что за доктор его консультировал? Кто посмел разрешить ему не спать по ночам, ходить в театр? Невероятно! Да еще в канун Нового года!

– Давненько он нас не огорчал своими... глупостями, уже лет десять как, вы помните? 9

– О! Надо отдать вам должное, вы моментально приняли меры.

– Вы помните его крики?

Гастон в отчаянии проводил взглядом удалявшуюся коляску. Не лучше ли просто прогуляться по набережной? Грустное зимнее озеро баюкало лебедей и город в каменных объятьях дамб. Нет, Годфруа узнает, у него ведь глаза на затылке; сколько раз видя торчащий из-за бархатной спинки кресла лысый череп, похожий на овальное лицо без носа и губ, Гастон совал руку в карман и нервно крутил цветной мелок: сейчас подойду и дорисую все, что надо, и нос, и рот... Но тут он встретался взглядом с тетей Урсулой, тетя Урсула – слишком шустрая в свои девяносто лет, похудевшая на миндалины, матку, желчный пузырь, в серебряном гвозде, фиксировавшем шейку бедра, тоже весу немного – бывало резко подхватывалась и, опершись на палки с резиновыми наконечниками, спешила прочь из гостиной. Два Бородача продолжали беседу.

– Малерб, – сказал Гюстав, помахивая «Фигаро литтерэр»...

Тетушка Урсула вернулась в гостиную.

– Обратите внимание, Гюстав, на ваш французский. В милой Франции произносят не Малерб, а Мальзерб.

– О! Вы полагаете, тетя?

10 – Я не полагаю, я знаю точно. Перестаньте качаться на стуле, Гюстав, вы сломаете прекрасную спинку-лиру, такой же стул, кстати, стоит в Малом Трианоне. Вот что я вам скажу: ваш отец знал этого Мальзерба, прятавшегося в наших краях во время революции. У него и яхта имелась, и собаки, и лошади, и машины. Неплохой был человек...

Она с мечтательным видом – палка над полом – замерла на секунду.

– Хотя, наверное, в школах теперь разрешают произносить Малерб.

Сливовые шторы с кремовой сатиновой подкладкой приглушали шум, доносившийся с улицы, но сегодня перед Новым годом дом наполнился громкой барабанной дробью и звуками труб.

– Скоро кончится этот их карнавал? разве не одинаковы все дни? и ночи? и годы?

– А где же Гастон? Как? Он не вернулся с вами?

Она кричала, что это, черт побери, крайнее безрассудство. В цирке! У него хотя бы есть деньги? Он уже перед тем несколько раз заявлялся в библиотеку: Я хочу получить свои деньги! Имею право так же, как и вы.

– Конечно, Гастон, кто тебе отказывает в деньгах? Бери, если хочешь купить конфет.

– Нет, нет, я имею в виду много денег. Чтобы ходить в банк. Платить кучеру. И все такое.

– Но послушай, мой маленький Гастон, разве ты не пользуешься коляской? Ты не обогрет? Не накормлен? Тебе темно?

Тебе, бедному маленькому Гастону, отдали самую красивую комнату! на южной стороне, как у тети Урсулы: она часами смотрела в лорнет на озеро, лебеди качались в порту, а детям на берегу казалось, что качается весь мир. А Оноре уже построил корабль со стеклянным дном? Ну, помилуйте, какая глупость, конечно нет, он ведь еще не родился.

– У вас, у вас деньги в кошельке. А у меня пусто.

Годфруа открыл кошелек: один франк шестьдесят сантимов.

– Смотрите, Гастон, что у нас остается, мы же платим слугам, и налоги, и остальные расходы на нас.

Разве Годфруа не передал кое-что Гюставу, а Гюстав разве не сунул это кое-что себе под задницу?

– Встань, Гюстав.

– Зачем, мой друг, вы хотите, чтобы я встал? да не кричите так! Закройте дверь, ради Бога! опять он повалился на пол!

Гастон закатил глаза, наполовину, чтобы можно было разглядывать маленькие лепные пирожки по периметру потолка, отреставри-

рованного в тысяча девятисотом году, когда уже вроде бы искоренили чуму и войны, а сбор винограда проходил гладко, как по расписанию, принося каждый октябрь сто тысяч литров под прессом.

– Бедный маленький Гастон! Мой бедный брат! от кого он унаследовал эту ужасную болезнь?

12

– Эту благородную болезнь? Не мне вам напоминать, Гюстав, что удары судьбы сыплются на голову... что нашего отца звали Николя... От него Гастону и передалось... ну в чем дело, малыш? ничего в кресле нет. Вам померещилось, Гастон.

Потом они шептались за ширмой, стоявшей рядом с его кроватью, за ширмой, которую, как они утверждали, поставили от сквозняков, а не для того, чтобы в любое время дня и ночи незаметно просовывать в дверь бородастые головы и морщинистые шеи и шпионить за дорогим братцем.

– Спрашивается, что он там так долго делает?

Гастон вошел в цирк, удивляясь собственной храбрости и шатаясь, как пьяная курица – курам дают пропитанные вином кусочки хлеба, потом мелом чертят круг, и те не смеют из него выйти, пока на террасах в первые дни мая идет пир горой: винодел рассчитался, прекрасный выдался год! Она тоже там, в последний раз, кутает плечи в черную шерстяную шаль, лебеди берут разгон, вытягивают шеи и, хрипло крича, гонятся друг за другом

по волнам, словно белые кони. Гастон увидел отражение девушки в зеркале и обомлел. Никто так никогда и не узнал, как он осмелился подойти к ней, к ней такой, в дурацком пальто, с покрасневшими от холода коленками, длинными, ниже плеч, волосами и маленькими беззащитными руками. Оба Бородача спали, повесив головы на грудь, калорифер погас, тетя Урсула положила челюсть в стакан с голубой водой и поджала деревянные ноги к сморщенной заднице. Она, бродячая акробатка, жила в убогой комнате над булочной.

– Явился! Вот и наш Гастон! Гюстав, проснитесь, черт возьми! Как? он не поднялся к себе? не лег спать? Безобразия! что ему нужно?

– У меня иногда возникает мысль, что, если бы мы и дальше были его опекунами... нелегально... Достаточно всего лишь... Тихо, он идет.

Он лавировал между кадушками с пальмами: садитесь, Гастон, вы наверняка замерзли. Что? Хотите обсудить вашу жизнь? к чему начинать с незапамятных времен? Бородач постучал по столу золотым карандашиком. Смотрите-ка, он говорит, о! о! и не теряет нить, однако, мы, похоже, недооценили нашего братца. О чем он, господи, о чем он? Боже милосердный! Что? танцовщица? он собрался жениться на танцовщице? Он окончательно спятил. Сколько раз я уже задавался вопросом: правильно ли мы себя ведем? Нет, мы недостаточно о нем заботимся: нам

следовало его изолировать, он серьезно болен, но что бы на это сказала наша бедная матушка? Он же был ее любимчиком. Нельзя ни в коем случае терять нить разговора, надо брать пример с рыб в озере, они не вертят головой ни вправо, ни влево, не смотрят вверх на Большую медведицу, которая там в небе считает себя центром мира... так, не смей отвлекаться на рыб и звезды, думать только о дурацком пальто, о крепких коленях, о мускулистых ногах, покрасневших от холода. Ладно, слушаем дальше его бред: вот он сидит в балагане, мне кажется, я его прямо вижу: руки сложил на трости, у которой вечно отлетает набалдашник, и он бы давно его потерял, если бы нас не было рядом, жаль, что у него нет бороды, как у нас, правда, Гюстав, гормонов ему не хватает, хотя уши вот шерстью заросли. Ну, ну: Гастон Будивиль сидит воскресным вечером на представлении, зажатый со всех сторон нищесбродами. Господи, о чем он? Рта не закрывает, наш дорогой маленький братец, рассказывает, что танцовщица произвела на него неизгладимое впечатление, засек объект, как говорят военные, кстати, хоть бы Эрнестина не забыла достать и проветрить мою военную форму, из-за этих огромных лип у нас в парке расплодился моль, но, черт побери, что он горюдит? похоже, в конце представления наш дорогой братец проскользнул за кулисы, потеряв по дороге шляпу и золотой набалдашник трости. О! господи боже, он познакомил-

ся с танцовщицей?! о! зачем мы отпустили его одного?! да еще и в канун Нового года. Со всеми этими ряжеными. Голос у нее низкий, коричневое пальто не по размеру и с дырявой подкладкой, волосы длинные, ниже плеч, он проводил танцовщицу до порога убогой нетопленной комнаты – зачем топить, тепло идет от булочной внизу, объяснила хозяйка – ноги у нее замерзли в серебряных туфельках, промокших от снежной каши – серебряные туфельки! не то что у Валери ботинки box-calf на плоской подошве!

– Гастон! Гастон! Ты бредишь! Очнись! Гюстав, на помощь, хватит храпеть в кресле. Нет, Гастон, не говори, что ты хочешь на ней жениться, подумай о Валери, с которой ты практически помолвлен...

– Помолвлен? Нет, Годфруа, вы же отлично знаете, что Гастон... вы меня все время будите, черт побери. Гастон собрался жениться? на Валери? Это смешно.

– Нет, не на Валери. На танцовщице.

– Ну, разумеется, Валери танцует. Помните? Она какое-то время брала уроки танцев и вальсировала на семейных праздниках, впрочем, мне никогда не нравилось. С ее длинным носом и большими ступнями...

– Если бы вы прекратили зевать, Гюстав, я бы вам объяснил. Представьте себе, мой дорогой, что Гастон, вот он, собственной персоной – смотри, она! *любимая моя, она живет в моем доме и выходит иногда по ночам из стены, черная шерстяная шаль цепляется*

за деревянные панели... о! опять она растворяется в воздухе, о, Боже! – наш милый братец хочет жениться на акробатке, на бродячей артистке из какого-то жалкого цирка.

– Это смешно.

– Мы допустили оплошность, оставив его одного на минуту. Не зря я волновался. Ну, Гастон, хватит шутить. Пей тизан и иди спать. Ты потерял золотой набалдашник трости, видишь, что происходит, когда нас нет рядом.

16

– Но я хочу на ней жениться, кто мне может помешать?

– Гастон, вы же понимаете, по состоянию здоровья вы... Ой! Прекратите! Что он делает, господа помилуй!

Ваза Галле\*, стоявшая на камине, летела прямиком в голову одного из Бородачей. Какая жалость, что во время войны завод разрушат и прекратят выпускать прозрачные розовые с листиками плюща вазы – господин Галле, добившийся успеха своим горбом, еще до трагических событий успеет унести секрет в могилу, где будет держать его, крепко прижав к сердцу – разоренное кладбище превратится в место сражения, и обнажатся белые как мел внутренности земли. Бородачи почти не спали, Гастон, сидя на кровати, грыз кулаки. А если Гастон примется крушить *furniture*? Сдать его в сумасшедший дом? Невозможно,

---

\* Эмиль Галле (1846–1904) – французский дизайнер, реформатор художественного стекла, пользовался техникой «лунного света».



черт возьми! Принимал ли Гастон позавчера за обедом таблетки? К нему подвинули корзиночку с пузырьками, но он послал всех к черту и сказал, что больше не собирается пить лекарства.

– Я превосходно себя чувствую. Я хочу жениться.

– Неужели, Гастон? Как интересно! и на ком же, скажите, пожалуйста?

Годфруа, макая белый хлеб в кофе с молоком, как мамаша Мак-Миш\*, косился на другого Бородача.

Гастон крикнул, что с него довольно их переглядываний и что теперь, наконец, дверь рядом с кроватью, через которую они постоянно за ним подглядывают, заперта на ключ.

– Неужели, Гастон? И как же вы ее заперли? Ключ надежно спрятан.

– Ну, я... неважно. Важно одно: я женюсь.

– На ком же, Гастон? На ком вы хотите жениться? на бедной Валери? Она вас ждет уже давно.

Валери! Огромные ступни, кожа вокруг глаз темная, а если присмотреться – в мелких коричневых точках, и кто-то хочет, чтобы я на ней женился, упаси боже!

– Нет. Я женюсь на девушке, с которой познакомился вчера вечером. В конце кон-

---

\* Мамаша Мак-Миш – персонаж романа графини де Сегюр «Добрый маленький чертенок» (1864), сварливая старуха.

цов, я ей обещал и не понимаю, как могу взять свое слово обратно. Я же Будивилль.

– О! Вы – Будивилль? Судя по тому, как вы себя ведете...

– Годфруа, честь нашей матери...

– Что тут, по-вашему, затрагивает честь нашей матери?

18 Имена детей должны начинаться на одну букву, – твякнул голос из прошлого, – вы забыли, каких вы кровей, мой дорогой? Послушайте, вот, например, дочери египетского царя...

– Но если вы, как мне показалось, предполагаете, что Гастон может быть не Будивиллем, значит...

– Пустой спор! Учтите, Гюстав, я никогда не говорил ничего предосудительного о нашей матери.

– Да, но если вы предполагаете...

– Я себе такого не позволил бы...

Они горячились, их лица почти на треть окрасились в опасный пунцовый цвет. Больше эмоций, советовал между тем доктор, давление слишком высокое, никаких гор. Мы? И горы? Хлористый кальций, если все-таки когда-нибудь решитесь! И вот однажды принц Гонто-Бирон проездом из Эвиана после нескольких бессонных ночей за игорным столом высадился со своей яхты на частном причале Поссесьон и за обедом, между грушей и сыром, выразил желание совершить ознакомительную прогулку в горы. Прогулка заняла весь день, Бородачи и Гонтран взяли

коляску и ехали вдоль гор по долине. На лесопилках возвышались башни из досок, сложенных вперекрест, как руки в игре в жгуты, вдруг туча закрыла солнце, наступила ночь, пахнувшая сыростью и мхами. А уж какие только ароматы не источала низкая трава, веками растущая между каменными глыбами, забытыми здесь со времен сотворения мира. Бородачи страдали молча, лица на треть закрыты от солнечных лучей откидным верхом коляски. Принц вернулся в Эвиан красный как омар, тетя Урсула долго стояла у окна, провожая его яхту взглядом. Мало-помалу острая обида – замуж не взяли – притуплялась, таяла, предсказывая близкую смерть. Но, черт возьми, как ей-то сообщим? Что братец решил жениться на укротительнице львов? Она лишит нас наследства. Заладил безумец: красавица, красавица. Если женщина красивая – это что, повод жениться на ней? Досадно, имя наше исчезнет, род угаснет, как изящно выражаются французы, тетя Урсула тоже ведь не нашла себе мужа. Молчаливые чопорные родители – всегда, даже в самую сильную жару, в черном платье с настоящим кружевом и воротниками из китового уса – возили ее на воды. Напрасно. Все эти благородные Нивернэ, Пуатевен, Оверна были католиками. Они возвращались в пахнущий сусликом дом, сбор винограда заканчивался, урожай, поместье, виноградники – вечные, как рай, но, господи боже, друг мой, наша Урсула! Ей же скоро тридцать. Господи боже, друг мой,

а этот эльзасец, навещавший нас недавно? Но, черт, побери, он продает сельскохозяйственные машины! Да, понятно, но...

20 Они, вздыхая, написали родителям эльзасца, тоже уже не слишком молодого человека с золотым лорнетом. То ли письмо потерялось, то ли ничего не разобрал его отец, аптекарь, живший в квартире с окнами во двор, с турецким туалетом на лестнице, с неповоротливой и огромной, как кит, ванной в кухне, с коврами вместо занавесок из-за того, что соседские окна слишком близко – единственный солнечный луч среди лета в пять вечера, говорила она с улыбкой, немного запыхавшись, кутая плечи в шерстяную шаль, о! позвольте, позвольте мне приблизиться к ней, ухватиться за одного из множества ангелов, летающих в пространстве, позвольте мне оставить этот безумный мир, скачущий на деревянных лошадках, и говорить только о ней, о той, чью могилу осквернили и окружили рвами, но по одной малюсенькой косточке можно угадать ее облик, смысл моей жизни, истинная любовь моя – в общем, жених так и не вернулся, и тетя Урсула со своими миллионами осталась незамужней. И теперь придется рассказать тете Урсуле об идиотском плане этого мерзавца Гастона! Боже, как она воспримет? Она лишит нас наследства, зачем, черт побери, мы оставили его одного да еще в новогодний вечер?..

– ...вместо того, чтобы привезти домой, уложить в кровать и напоить как обычно тизаном?

Последний, кто осмелился поднять глаза на Урсулу, был учитель младших классов! но он очень быстро женился на девице из своего окружения, Урсула выбросила фисгармонию, на которой играла с ним дуэтом, а Будивилли, онемевшие от изумления, стали свидетелями душераздирающего спектакля: три дня и три ночи их дочь провела в комнате с задернутыми шторами, отказываясь от пищи.

– Это же не по моей вине, Годфруа.

– Не по моей вине, не по моей вине, что вы заладили. И не по моей тоже, разве не так? Ладно, пусть вина не ваша, но как, скажите, объявить новость тете Урсуле? Ну, ну, решайте, ищите. Ничего на ум не приходит? Невеста-циркачка? Разве мы не можем ему запретить? Есть же какая-нибудь процедура? Как другие поступают? О! Почему вы не закончили юридический? Никто не собирался отправлять вас в адвокатскую контору (Будивиль – канцелярская крыса! – абсурд), но вы бы хоть фермеров, которые воруют у нас все, что могут, на место поставили, и разобрались бы с этими Островами... но *davon später*\*. Как запретить... Думаю, надо бы доказать, что он не... что он не совсем... Но где доказательства, Годфруа? Ничего серьезного с ним не случилось, ну, несколько раз падал на пол, и мы всегда говорили слугам, что это они виноваты, мол, слишком сильно натерли

---

\* *Davon später* (нем.) – Об этом позже.

паркет. Нет, правда, Гюстав, что у вас за память? настоящее решето! Кроме тех несчастных падений, ничего и не было, помните, последний раз, когда у нас ужинала польская баронесса-беженка? Вы помните? Как он замечтался, качая нож на пальце? Бедняжка в ужасе на него смотрела, схватила бы, наверное, свой лорнет и убежала – и как ей удалось спасти лорнет, пересекая границу под пулями? – если бы не была хорошо воспитана. Правда, чай пила, не вынимая ложечки из чашки, но, думаю, в Варшаве все так делают. Но... эй, Гюстав? Вы меня слышите? Честное слово, между вами и Гастоном разница невелика.

Бедный Гастон смотрел невидящим взглядом на белые облака, бегущие по черному небу, и на качавшихся на черной воде белых лебедей, зимовавших в порту с беженцами, мертвыми, живыми, без ноги или без глаза, распластанными на земле, цеплявшимися за корабельные цепи – о! боже мой, где синей небесной зимой она нашла себе убежище, к счастью, ей в гроб положили черную шерстяную шаль.

– Послушайте, Годфруа, что я вам сейчас скажу: окошко в укромном местечке выходит на площадь; так вот, площадь пустая, только дворники метлами машут, цирк уехал.

– Вы читаете мсье де Токвиля в укромном местечке?

Бедный Гюстав, прячась от Годфруа, подолгу сидел в туалете, читая мсье де Токвиля

или старые новости на квадратиках нарезанных газет, висевших на веревочке.

– И я вам, Гюстав, сейчас кое-что скажу: они уехали, но танцовщица осталась. Как, Гюстав, вы этого не знали? А что же слуги вам не донесли? Ну, ну, не краснейте. То, что с нами случилось, слишком важно, чтобы я вас сейчас ругал за разговоры с садовником и кухаркой.

23

– Должен же кто-то следить за хозяйством.

– Ха, ха! Мой маленький Гюстав взял обиженный тон.

– Да, кто позаботится о хозяйстве? наша тетя...

– Боже мой! наша тетя! Как она воспримет? Прощай наследство, если только тетя не умрет сразу при первом же упоминании об этой девице. Я точно знаю, если она не составила завещание... Тссс, наш маленький братец.

Не задев ни одной пальмы, Гастон благополучно приземлился в кресле, выбритый, собранный, бледный, нервный. Конечно, я не буду трогать фарфорового shepherd – увы! именно пастушка он и тронул, взял его дрожащими руками, пастушок упал на черную мраморную плитку и разбился.

– Ладно, Гастон. Ничего страшного, правда, Гюстав? Пастушок достался нам от дедушки, а тот в свою очередь получил его от великой графини Алексии Федоровны, долго он у нас тут простоял. Но что поделаешь?

кажется, в Британском музее есть его копия, значит, на свете точно существует еще один пастушок, и это главное. Бедный пастушок! *Alas! Poor Yorick!* мы попросим Селестину его склеить. Ох! Дом приходит в упадок, Гюстав, это предзнаменование. Гюстав, отодвиньте немного в сторону фарфоровый ночник.

Гастон приподнял фарфоровый ночник, перевернул, посмотрел марку, Гюстав, стоя у брата за спиной с растопыренными руками, повторял все его движения.

– В общем, так, я полон решимости. Ничто мне не помешает, я всегда был страшно несчастным, а Сильвия меня любит, нет, пожалуйста, Годфруа не возводите глаза к небу, документы у нее в порядке, я собираюсь пойти к нотариусу, он объяснит, что надо делать, и все! Потому что положись я на вашу помощь...

– Но мы вам поможем, Гастон, вы же знаете, мы оставили вас дома, заботились вместо того, чтобы...

– Я не сумасшедший! С чего? Что со мной не так? Ладно, мне, в конце концов, плевать на ваши разговоры.

– Гастон! а наша тетя!

– Понимаю, но что поделать, бог мой?

Гастон грыз кулаки, Годфруа перешел в наступление и строго спросил, подумал ли он об имени Будивиллей, но он и на Будивиллей плевать хотел, по другую сторону Юры полно Будивиллей и, кстати, среди них и бродяги, и пьяницы встречаются.



– Замолчите, это святотатство. Если и есть где-нибудь в Европе какие-то Будивилли, то только незаконнорожденные, беспородные. Теперь поднимайтесь к себе, примите душ, мы вернемся к нашему неприятному разговору после ужина.

Годфруа, усевшись у огня, рассеянно пнул осколок пастушка. Он – последний настоящий Будивилль! Уж точно не Гюстав, старый девственник, и не болван Гастон! А ведь их родной дед, придерживая на морозе дрожащей рукой высокую шапку, смотрел, как поднимались и опускались в седле грозные спины лакеев на шести лошадях, вверх-вниз, деда мутило, бум, бум, бум, это – бомба? по донесению шпионов дед встретился с мадам Будивилль, темные волосы, декольте, родинка над губой, намек на усики, в охотничьем павильоне, когда на Неве или на Москве-реке с грохотом сталкивались последние льдины. Мой бедный дядя, моя тетя, мои кузины убиты в доме Ипатьева! О! равнины вместо гор! Избы вместо шале! Он простирали вперед руку и хмурил брови, копируя своего предка, Ивана Грозного; в воскресный божий день русские крестьяне в косоворотках выходят из изб, торопятся, толкаются, самый младший падает и бьется рахитичной головой об изумрудные бульжники, скачут русские по поместьям размером с кантон, озера у них как моря, ручьи как реки, ожерелья как пояса, луна гигантская, желтая, звезды метут хвостами землю и охраны по шестьдесят тысяч

человек. Довольно, пора вернуться на улицу дю Лак в маленький дом Будивиллей с масками над окнами, с маленькими креслами, с маленькой тетей Урсулой, до того напичканной лекарствами, что смерть ее не берет, и Гастоном, попросившим у нее аудиенции!

А если она все-таки умрет, когда узнает? А если она уже умерла? – Гастон в страшном волнении грыз кулаки.

26

– Вы меня пугаете, пойду проверю.

– Оставайтесь!

Гюстав покраснел, так, что видно было даже сквозь густую поросль, которую он выгуливал с рассвета до заката каждый день. Во фраке и цилиндре, и он, и второй Бородач обязательно.

– Вы доели яблоко?

Гюстав, быстро проглотив последний кусок, на мгновение представил, как Годфруа назидательно продолжает: если съесть одно яблоко в день... или же: вы должны съесть яблоко на ночь, лучше будете спать.

Спать! К чему рассказывать тупице о дерзких мечтах, посещавших его во время бессонницы в огромной, почти в половину стены, деревянной кровати с загнутыми как у морской раковины, краями и высоким, похожим на навес над церковной кафедрой изголовьем.

– Тсс! Он тут.

На пороге появился Гастон. Пока другие продавали вино, ремонтировали дом, вы-

корчевывали неплодоносные лозы, он по-прежнему топтался в коридорах детства.

– Ну, Гастон, надеюсь, вы оставили свою безумную затею. Разговора с тетей Урсулой было достаточно, чтобы поставить точку в этом деле. Нашей тете Урсуле здравого смысла не занимать.

– Да... Гм... она мне сейчас сказала: какое счастье, давно пора омолодить наши ряды...

– Тетя Урсула? и военный лексикон? Вы шутите, Гастон.

– ...и ей не терпится познакомиться с Сильвией. Сильвия! Любимая! Придет ли она, голые красные от холода ноги, дурацкое пальто? некрасивое маленькое платье из ярко-синей саржи с пятнами пота под мышками и пристегивающийся воротничок вместо украшения; тетя Урсула – облысевшая голова спрятана под черным кружевным чепцом – неужели я, правда, старуха? когда подкралась старость? ночью, как вор? – взяла Сильвию за руки и усадила в красное бархатное кресло. Неслыханно! Чтобы Будивилли женились на циркачкетанцовщице, такого еще не бывало! я пишу вам из кабинета, из окон которого вижу статую нашего предка, он в могиле переворачивается – о! боже мой! Она и ее шерстяная шаль! Я почти забыла о ней с этими цепкими как плющ Будивиллями. – Но разве на Гастона не имела виды кузина Валери? И как теперь, когда в семье завелась бродячая артистка, выдать замуж нашу Луизу?

я тоже, я тоже, – кричала Шанталь, – почему вы мне запрещаете брать уроки танцев? я тоже хочу стать танцовщицей, как наша новая кузина, посмотрите, что в итоге: нашла себе завидного жениха. О! удачная партия? разумеется, сколько лет они живут, палец о палец не ударив, на доходы с виноградников, только я все думаю, что скажет тетя Урсула-Поль, не та тетя Урсула, которая живет с кузенами, кстати, с ней-то что будет, ведь танцовщица, предполагаю, поселится в их доме, и, позвольте спросить, куда деваться тете и Бородачам? Гастон ведь не совсем... да, что скажет другая тетя Урсула, тетя Урсула-Поль очень суровая! с густыми бровями! А дядя Поль, ее супруг, тридцать лет назад сгинул среди дикарей!

О! Как все насмехались надо мной, когда я подплыла к Мысу Старых дев – по сравнению с ним Мыс Бурь\* – тихая заводь. Теперь очередь Валери. С ума сойдет от злости эта Валери, увидев мою очаровательную, мою чудесную Сильвию. Она вошла в старый дом на улице дю Лак, пахнувший овсом и плесенью, личико, подвижное как родник, вся жизнь у воды, у ручьев, у рек. Гастон поднимался по лестнице, держа ее за руку. Она, что же, немая?!

– Она очень робкая. И тетя Урсула нашла ее прелестной.

– У нее вообще есть документы?

---

\* Мыс Бурь – прежнее название мыса Доброй Надежды.

Бородач надел цилиндр. Нотариус с бакенбардами сидел в обитом искусственной кожей кресле, которое при первом же весеннем солнце жгло задницу.

– Нет, мой дорогой друг...

Друг?!

– Нет, господин Будивилль, похоже, единственный способ: запретить. На каком основании? вам самому надо подумать. Говорите, бродячие артисты покинули город? а эта особа осталась? Прелестное создание...

29

– О! прелестное...

– Ну да, высокая, фигура точеная, черные волосы, голубые глаза.

– Ах, неужели? Я не заметил, мне показалось, у нее маленькое сморщенное личико...

– О! Понимаю вашего брата, она, эта наездница, восхитительна: в черном длинном платье на белом коне...

– Послушайте, господин нотариус, нельзя допустить, чтобы Будивилль женился на циркачке. Это смешно. Я бы даже сказал, преуморительно. Неужели действительно ничего нельзя сделать?

– Красивая, высокая, все при ней. Иссиня-черные волосы, а какая посадка в седле! Видите ли, боюсь, что...

«Настоящая красавица, эта наездница, – бормотал он, вставая. – Господину Гастону очень повезло».

Выходя от нотариуса, Годфруа столкнулся с колонной маленьких калек, детей двадцать, а ног на всех тридцать. Да уж, если бы сви-

стун-плотник не пропилил два виноградника да не добавил бы к этому спирта, который его старая мать подливала в лампу, чтобы согреть глоток тизана перед сном, если бы занимался как должно плотницким делом и не оставлял бы месяцами у стены длинные доски – однажды ночью доски закачались и пошли прыгать по двору лесопильни – то не пришлось бы ему сдавать свою хибару сиротам, покалеченным войной. И если бы Даниэль, живший с двумя братьями, один – синдик, другой – умственно отсталый, не позарился на помпу для распыления сульфата, только что купленную родителями Эжени, а распылял бы сульфат по старинке с повозок, запряженных лошадьми, которых приходилось одалживать по всей деревне, то не торопил бы Эжени в феврале со свадьбой, а Эжени, беременная шесть недель, не встретила бы изувеченных детей, весело плескавшихся на берегу озера, и не родила бы ребенка без рук. О! главное не сбиться со следа улитки Годфруа Будивилля, возвращавшегося в слезах в дом с масками, хоть это и чертовски сложно, когда таких улиток, заползших в комнаты, живых и мертвых, сотни, когда мир состоит из слепых Самсонов, подпирающих стены, когда маленькая девочка горит у подножья склона и поляк увозит Жаклин на велосипеде в неизвестном направлении, когда толпы безумцев сбегаются, воют на полях, их тысячи тысяч, саранча, которую

гонит водэр\*, зяблики с Арденн, прилетающие внезапно вечером, смотришь: мартовские деревья сплошь в помпонах! Кто это сказал? Кто сейчас говорил? кто рассказывал об арденнских зябликах, о девочке в кольце огня, о колоннах изувеченных детей, о евреях, сбившихся в кучу на палубе корабля, которому не дают причалить – льдины в Архангельске быстро стягиваются в непробиваемую стену, чайки лапами вмерзают в лед и умирают, англичанка приносит чайкам горячий чай, англичанка ждет их каждую осень и бросает им хлеб – она кутает плечи в черную шерстяную шаль – кто, в конце концов, обвел белым кружком в размытой толпе лица Гонтрана и Гермину на фоне Поссесьон? У нас в Померании такая свадьба немыслима, отец никогда бы не допустил. Циркачка! Бедный Юнкер-длинные-ноги, его лорнет выбросят на *refuse-heap\*\**, после того, как самого Юнкера найдут в одной из комнат в Поссесьон на полу в странной позе с запрокинутой головой. Конечно, у вас жизнь легкая, и дома у вас из легких материалов, чтобы песок не засосал. Мужчины мяли бесформенные мясистые носы, ходили, еле передвигая ноги, северные березы опасно сгибались в дугу, олени и мамонты брели по брюхо в песке, девушки весной вместо майского дерева украшали лентами их бивни и рога. Западный ветер,

---

\* Водэр – резкий восточный ветер, дующий с долины Роны к озеру Леман.

\*\* Refuse-heap (англ.) – мусорная свалка.

не принесший дождя, направился в Китай, желтые тучи рассеялись, не уронив ни одной градины, огромные океанские ангелы шумно били мощными крыльями. В том краю вполне можно было бы спрятать отравленного Оноре и Сильвию, облитую серной кислотой: песок моментально засосет трупы, следа не останется. Небо-скуфья там давит невыносимо: эгей, слуги, на помощь! У нас скуфью ангелы держат ледяными крыльями. Единственная гора на равнине – *refuse-heap*, куда выбросили вставную челюсть и лорнет Юнкера, гора из кукольных париков, ржавых садовых ножиц, стрекозиных крыльев и до того высокая, что уже с октября на склонах лежит снег. У ее подножья копошилось целое племя слепцов; муж с женой, евреи, мечтали о ребенке, звали его ласково «костыль нашей будущей старости», пусть ребеночек сидит на скамье у печки рядом со старым отцом, парившим над котелком язву на левой руке. Слепцы! Уже построено точными ударами топора корабль, который до отказа набьют евреями, давка, руки опущены, здесь и там, стиснутые телами живых, стоят трупы. Ребенок умер сразу, его выкинули в море. Напрасно корабль пытался причалить, у каждого мола человек в расшитой золотом одежде запрещал вход в порт, молча подавая флажками сигнал: «нет, нет». Покойницы в шерстяных шалих, старые туфли горят вдоль берега, тоже нигде не могли причалить.

– Да, конечно, вы сами провели электричество, что, впрочем, было довольно легко...



но ваши дома дали крен, да, да, я видел трещины в гостиной. Это... забавно.

Гермина играла *Meeresstille und glückliche Fahrt*\* в четыре руки со своей кузиной Илзе фон Бонин.

– У нас дом, шато, построен на скале, а не на зыбучих песках.

– Зато у нас колодец для дождевой и талой воды, а в десяти минутах ходьбы в парке источник с питьевой водой, куда оленей кладут охлаждаться\*\*, конечно, не так все комфортно, как у вас, но вам тоже есть чему поучиться.

Ох уж эти круглые, как коровьи лепешки, города на высоте двух метров над равниной! Гонтран с Герминой сидели в саду Поссесьон и пели гимн утреннему солнцу. Белая матовая луна, которую видно днем, смеялась во весь рот на небесах детства. Гермина привезла пятьдесят пар чулок в чемодане: если отрезать ступню у нового чулка, получится чехол для плиссированной юбки! она, как куница, сплевывала виноградные косточки, вытирала носовым платком налет со слив, слегка морщилась всякий раз, когда садилась; после их возвращения с итальянских озер Гонтран у себя в кабинете, положив хлыст на Библию,

---

\* *Meeresstille und glückliche Fahrt* (нем.) – концертная увертюра Феликса Мендельсона «Морская тишь и счастливое плавание» (1832).

\*\* Речь об обычае класть после охоты тушу оленя в ледяной источник, как в холодильник.

раздумывал, не допуская сравнений, конечно: «не слишком ли она... холодна?» – потом открывал какую-нибудь философскую книгу: «о! боже мой, что у нас общего? мы катимся по параллельным прямым...» По улице поднимался странного вида человек, с виду монах, но на голове – черкесская папаха, да это же Гассо, мой кузен Гассо, сбежавший из Средневековья, где время от времени из окон выливают кипящую смолу, только что веселившийся торговец лежит теперь пластом посреди рыночной площади на мешке с зерном, напившись теплой крови, зерна успели прорасти до того, как тело бросили в яму.

– Но, Гассо, ты покинул *Gut*\*? это мой кузен, *Gutsbesitzer*\*\*.

– Гермина, нет больше *Gutsbesitzer*, наш дом поделили на три части, у нас *Notbewohner*\*\*\*, и мы теперь просто служащие. У Германии, неуверенной, центробежной, нет природных защитных барьеров до самого Китая: враги, колоннами пришедшие с Мертвого моря, пытались спрятаться за низкими, почти в человеческий рост, деревьями, местные жители как мухи падали на спину, тряся лапками, думая о том, что больше никогда не увидят своих громко плачущих детей, увязших в песке по самые коленки с ямочками. Странник шел широким шагом, юроди-

---

\* *Gut* (нем.) – поместье.

\*\* *Gutsbesitzer* (нем.) – владелец поместья.

\*\*\* *Notbewohner* (нем.) – зд. жильцы.

вый, сам себе пошил костюм, широкое белое платье, черкесская папаха, и в постель ложился обутым. Легко представить, как радуется уставший пилигрим приглашению к богато накрытому столу и служанке Розе, той самой Розе, Розетте, бросавшей на него косые взгляды и пахшей засохшей кровью, но нет, наш был адептом здорового питания, никаких консервов, а почему у вас фасоль... такого ярко-зеленого цвета? наверняка кислотой удобряли, чтобы быстрее росла. Ни одного приема пищи без литровой бутылки «Виттель» с красной этикеткой, на первый завтрак непременно Бирхермюсли. Ни уксуса, ни винограда, ни изюма, ни бобовых. До чего же чудно: льняные волосы, серые глаза с белесыми ресницами, а кожа словно дубленая. И складка вместо губ! Гермина хотела взять его на свадьбу Гастона с бродячей циркачкой! Он такой импозантный в широком белом платье из грубой шерсти, Годфруа и Гюстав были бы польщены. Но странник, божий посланник, юродивый вовремя исчез, отправился туда, где запад становится востоком, где сходятся параллельные линии – О! вот и она, в черной шерстяной шали! И маленькая Жаклин кричит: «мама», и собаке теперь незачем жить. Что до остальных, они празднуют нелепую свадьбу, бедная Валери с мокрыми подмышками, в панталонах, обвязанных крючком, и зонтиком с золотой ручкой, подаренным тетей Урсулой, почему все-таки никто не приударил за томящимися в зато-

чении тетей Урсулой, ее миллионами и зонтиком? На похожий зонтик оперлась, стоя на крыльце, и мать Валери; запахнула плотнее накидку из гагачьего пуха: «пока я жива, у моей дочери не будет платьев с карманами», поэтому бутылочку с серной кислотой, предназначенную танцовщице, невесте Гастона, бедной Валери пришлось положить в белый полотняный карман, подвязанный к нижней юбке! Помнишь, Валери, как ты сказала, что я слишком старая, чтобы носить шотландскую шаль твоей матери, помнишь, Валери? Капитанский бинокль на коленях: тетя Урсула глядит на огромное озеро: вот оно в синих складках, вот полное облаков, вот белые лебеди качаются на черных водах Тартара. А сейчас эфирное, спокойное, колыхается едва заметно, бледно-голубое озеро над нашими головами; тетя Урсула, пальцы унизаны драгоценными перстнями, смотрит в бинокль, смотрит на рыб, проплывающих, шурша чешуей, мимо окон, пока на глубине озера птицы носятся наперегонки за червяками, у Валери, особенно заметно в профиль, появился второй подбородок, а вместе с ним привычка приподнимать голову и вытягивать шею, бугристую шею, которая в первую очередь выдает возраст, мерзавка!

– Ты выглядишь уставшей, Валери!

– Ну вот еще, тетушка! Я вовсе не устала.

– У тебя месячные? Я имею в виду, у тебя еще есть месячные?

– Ну, конечно, тетушка. Что за вопрос!

– Значит, ты страдаешь запорами? Возьми у меня в коробочке таблетку «Динабила». Ой, мне кажется, у тебя волосы поредели с тех пор, как мы виделись в последний раз. Тебе лучше носить не прямой пробор, а косой, это придаст твоему лицу загадку, которой в нем нет.

Тетя Урсула поудобнее уселась в кресле. Сорок или восемьдесят, какая разница? Любовь, лодочник на озере, вальсы, рвущие сердце – всему конец, ах! женщины живут слишком долго! Она поглаживала горячую грелку на животе, сегодня пахнет весной, булочки и шорники, бросив прилавки, отвязывали лодки в дальнем углу сада, оставив своих помощников зевать и ковырять в носу на берегу.

– Знаешь, невеста Гастона – само очарование. Все при ней: волосы, глаза, ноги...

– Конечно, танцовщица...

– О! нечего дуться. Впрочем, понимаю, ты расстроилась. Знаешь, она мне рассказала, какая это ужасная профессия, не расслабишься. Да, она – девушка прямая, чистая... ну прямо как ты, Валери.

Тетя Урсула разразилась жутким смехом. Валери... на левом плече из-под ворота платья вылезла широкая бретелька комбинации из серого джерси.

– У нее, у этой малышки, забыла ее имя, будут дети, в отличие от нас с тобой.

И заплакала, тяжелые старческие слезы медленно текли из мутных глаз, давно уже умер Эмиль – красавец нотариус, вылитый

капитан карабинеров, которому, когда он овдовел, Урсула сделала предложение, и который в страшном смущении, извиняясь и кланяясь, проводил ее до двери конторы: Боже мой, вспомнить только этот бесконечный путь обратно, только бы не упасть на улице, только бы дойти до дома с масками, а теперь Эмиль лежит на песчаном кладбище по соседству с Будивиллями, языки холодного пламени лижут древние могилы, иногда на каком-нибудь участке экскаваторы откапывают озерных мертвецов – у одного скелета в ногах лежал крошечный скелет; мать утопилась с горя в ожерелье из камней: недоглядела, ребенок провалился в лунку! – перемешанный с костями песок добывают для стекольного завода, где день и ночь горит огонь – из-за этого карьера стоявший рядом с кладбищем дом дальних родственников Будивиллей сильно потерял в цене, дом, обычный, ничего особенного, в свое время достался им от тети-теософа, построившей у себя в саду курятник в форме спирали, голубятню с вогнутыми стенами, вокруг которой стаями летают вяхири... о, вот и она, спускается по садовой дорожке, вся в черном, седые волосы торчком, застывший взгляд... надо без сожаления пройти мимо нее, залепить уши воском, закрыть руками боковой обзор и смотреть только прямо на красивый дом Будивиллей в центре города, на кованого ангела на флюгере, на каменные маски, на пыльные, яркосиние подушки с кистями и бахромой в ко-

ляске, а не на несущийся незнамо куда мир и не на скачущие как козлята холмы; чайки, крича, хватают куски хлеба, которые она, кутаясь в черную шерстяную шаль, бросает им из окна, потом резко планируют вниз к воде и качаются на серо-зеленых, цвета ледников, волнах Дранс\*. Бракосочетание состоялось в бывшем замке, оба Бородача, разумеется, прекрасно знали его внутреннее устройство, графы Рива были их предками. Тем более эта свадьба – абсурд! Сильвия выглядела восхитительно, легкий ветерок обрисовывал ее длинные ноги под белым кашемировым платьем с тесьмой.

– Это моя мать.

Дама в розовом, с сеткой морщин, сильно напудренная.

– Добрый день, дамы-господа, надо же, какая хорошая погода, я из Кёльна приехала на свадьбу моей маленькой Лидии. Лидии? Ну, подумаешь, ничего страшного, Сильвии, где ваши прекрасные глазки, посмотрите на меня, вы меня любите? Вы прямая и чистая, вы станете лучом света в нашем старом доме. О! что касается меня, – кухня подняла фужер с портвейном, – по вечерам мой муж устраивается с газетой у огня – ну разумеется у нас есть центральное мазутное отопление, и ванна в нише, и все остальное – и забывает обо мне.

Она неуверенно засмеялась.

---

\* Дранс – река в кантоне Вале, приток Роны.

– ...и забывает обо мне, тогда я встаю с места, опускаюсь на четвереньки, потихоньку иду к нему, толкаю носом газету и кладу ему голову на колени. Как будто я – собачка, понимаете...

40

– Честно признаюсь, дорога оказалась очень долгой, Прага... Разве вы не из Кёльна приехали, дорогая теща? Ах! Конечно, из Кёльна, скажи, Лидия, малышка моя, сегодня же четверг?

– С утра был четверг.

– Я стою на четвереньках на ковре, толкаю носом газету, кладу ему голову на колени и говорю... В общем, она красивая, я считаю. В любом случае красивее Валери с ее головой – трофеем дикаря, вы понимаете, что я имею в виду: дикари сушат головы врагов, после сушки головы становятся как деревянные, размером с кулак и с выпученными как у бабочек, глазами. Нет, вы ошибаетесь, у *Schrumpfkopf*\* – мой дядя, капитан корвета, собрал целую коллекцию *Schrumpfkopf* – нет глаз. Сами посудите! Эти головы часами сушат в песке в зной, как, по-вашему, у них сохранятся глаза? В общем, я считаю, что в Валери есть некая загадка, а в этой кудрявой крошке – нет; странная у нее, однако, манера смотреть в упор и молчать, она – немая, честное слово. Бедная Валери! Вот она подходит к молодым, на месте невесты я бы поостерег-

---

\* *Schrumpfkopf* (нем.) – высушенный череп.



ся, что там у Валери в руке? *Desperada!*\* Когда мой отец был послом в Испании...

– Знаете, я только что говорил с матерью невесты, она вовсе не плохая, учитывая... Неплохая?! эта бабища?! Я невооруженным глазом вижу ее розовое трико, минуточку, сейчас я спрошу, какой номер она исполняет.

– Жемс! Подождите! Он глухой как тетерев. Что вы делаете? Жемс! Это не циркачка, это – баронесса!

Его пытались остановить, но он ругался: гром и молнии, неужели мне нельзя просто поздороваться.

– Не сходите с ума, мадам, вашего Жемса отлично принимают.

От Жемса разило винным перегаром, высокий, в черном костюме, сложенный зонт, нос – вороний клюв. Надо же, она говорит как мы, а ведь, по идее, у нее должны быть все акценты мира, Оливия, оставь меня в покое со своими знаками, о, боже! Жемс всегда так себя ведет, помните, на последнем концерте виолончелистки, у которой одна грудь была выше другой?..

– Вам нравится эта страна?

– Э! Я не глухая. Абсолютно нет. Меня сюда семья прислала. Мерзавцы!

– На свадьбу?

– На какую свадьбу?

– Вы изрядно помотались по свету?

---

\* *Desperada* (исп.) – отчаянная.

– Помоталась? Откуда вы знаете? Вы что из полиции?

– Ха, ха! очень смешно, нет, я – банкир.

– Без разницы, все мерзавцы.

– Октавия, что ты от меня хочешь? Оставь меня в покое, Октавия, я что не могу поговорить с матерью невесты? Она – само очарование, такая непосредственная. Но это – не она, идиот, это – сумасшедшая баронесса, фу, глупости, что баронессе делать у Будивиллей? Их бабушка шила дамам панталоны! Надо же, и впрямь баронесса, с ее привычкой повторять к месту и не к месту: «мерзавцы».

42

К месту и не к месту. Туфли в грязи, война погоняла ее хлыстом, густые седые пряди трепали ветра и дожди, как она добралась до Будивиллей? Она вдруг заплакала, вспомнив сына в гипсовом корсете, лежавшего плашмя на животе и пытавшегося поднять голову черепашонка.

– Ну, Лидия, я пойду? Меня тошнит от этих людей.

– Воля ваша, но все сочтут странным, если моя мать уйдет так рано.

– Слушай, Лидия, я сделала все, что смогла, говорю откровенно, я к тебе пришла с радостью.

– Неужели вы уходите, мама?

Когда он зовет меня мамой, мне страшно смешно, я своего ребенка в коляске всего денек катала, даже не знаю, где его могила.

– Признаюсь, Гастон, это не совсем моя мать...

– Ну, я так и подумал, но с вашей стороны было очень мило представить нам хоть какую-то мать. Вы больше не одна на белом свете, одиночество осталось в прошлом. Вот ваши братья...

Подошли Бородачи, полные бороды крошек от слоеных палочек с тмином.

– ...и ваши кузены, Гонтран и Гермина...

Эта парочка всегда выступает как на параде. Да, Гастону пора было жениться. Детей канатоходка вряд ли родит, а муженька наверняка переживет, чертовы бабы, такие крепкие. Впрочем, Лидия очаровательна, повезло нашему олуху Гастону, меня вот никто не любил! А ведь Гермина часто рассказывала, что влюбилась в его фотографию, стоявшую на пианино в пансионе, где она учила французский; у ее родителей был *Gut* в Померании, у самого берега в сентябрьском тумане плыли парусники, красавца Гонтрана, трефового короля, не отрастившего пока бороды, несколько удивил большой квадратный дом, который хозяева называли замком, чаши унитазов с розочками, *Morgenstund hat Gold im Mund\**, конюшни, да, но, видимо, с утра пораньше лошадей впрягают в плуг, черный хлеб с топленным салом, желудевый кофе: о! мы сами делаем кофе, сами провели электричество, простые лампочки свисали с потолка – о! а у нас поместье, настоящий

---

\* *Morgenstund hat Gold im Mund* (нем.) – Кто рано встает, тому Бог подает.

замок, виноград вместо картошки, сто тысяч литров в нынешнем году. – Вы сушите виноград? Или пускаете его под пресс? – Увы, черный флаг филлоксеры уже поднят над выкорчеванными лозами...

– Моя дорогая, познакомьтесь с Валери.

44 Валери закусила удила, она и впрямь похожа на кобылу. Бедная Валери! С изумлением обнаружила, что стареет, а вокруг столько девушек!

– О, думаю, с этой потаскухой у него никогда не будет детей. Кто унаследует состояние? Ну, Гонтран с женой, разумеется. Говорю вам, не будет у нее детей. Не уверен, она еще нас всех переживет, посмотрите на ее ноги, совершенная форма, какие мускулы, понятно, она же танцовщица на канате, а вы представляете, что значит танцовщица на канате, это значит вырезать все, чтобы не иметь детей. Не уверен. О! Если вы еще раз скажете, что вы не уверены, я...

– Гонтран, успокойтесь, я вас умоляю, не устраивайте тут спектакль, Гонтран. Мой отец никогда бы...

– Плевать мне на вашего отца.

– Гонтран!

– Акробатка она или нет, ноги у нее красивые, и кажется, даже мадмуазель Урсула очарована... Огромное состояние у мадмуазель Урсулы! дом, виноградники, бесценная мебель и акции в банке...

– Где Жюль?! Пора домой.

– Портвейну, кузен Жюль?

– О! доктор запретил ему алкоголь, пойдем, Жюль, пока мы прощаемся, посиди в углу и подожди нас.

А между тем мать, вышивавшая под секвойей, когда Жюль приносил ей маргаритки и клал голову на колени, повторяла, глядя его по щеке: «Жюль заговорит, когда захочет». На похоронах его, Жюля, матери, где, конечно, присутствовал и старший сын, трефовый король – ее тоже, по их уверениям, похоронили, о, боже мой! и шерстяная шаль расплетается, гниет в могиле, петля за петлей – Жюль подошел к пахнущей сырой землей яме: что он делает, черт возьми! Он хочет выставить себя на посмешище, остановите его, он снимает цилиндр...

45

– Ты знаешь, Жюль, алкоголь тебе строго запрещен. Не наливайте ему, Роза.

Роза, кастелянша, маневрировала между гостями в тихом бешенстве из-за того, что на ней черное платье и белый фартук прислуги, а красивое, цвета зеленого яблока платье висит в шкафу. Она заговорщицки шныряла глазами по сторонам, пахла потом и засохшей кровью.

– Ну, моя дорогая, вы видели ваших братьев? Потому что теперь это ваши братья, – твердил олух-Гастон. – О! Оба меня не любят, но, к счастью, старуха...

После свадебного путешествия Гастон, сама гордость, само счастье, нос не такой красный, как обычно, занял две комнаты на втором этаже. Сильвия каждое утро сту-

чала в дверь тети Урсулы: что за красавица! Поделом тебе, Валери, какое удовольствие для меня, отказавшейся от удовольствий, на закате дней видеть это милое лицо, эти маленькие груди, выступающие под простым серым платьем, да, что касается одежды, тут она очень скромная, мы ей подарили кое-какие украшения, Селестина обнаружила их в спальне в куче чулок. Вот опять у мадам Гастон жемчужное ожерелье валяется как попало. Оставьте, оставьте, Селина, изумрудное кольцо я ей подарю, когда...

И, кстати, скорей бы она уже привыкла к нашему образу жизни и перестала ходить на кухню пить черный чай с домработницей, впрочем, какая очаровательная простота! Возможно, мы необъективны.

– Как поживает ее брат?

– Чей брат, дорогая?

– Брат домработницы.

– О! она рассказывала вам о брате? Она им очень гордится, впрочем, он и вправду славный парень, он – лодочник-перевозчик, по-нашему *basoini*<sup>\*</sup>, все, что он умеет делать, это плавать за камнями Мейлери<sup>\*\*</sup>, утром переплывает озеро, а ночью возвращается с грузом. За шесть часов обычно управляет-ся, но многое зависит от ветра. Как она меня

---

\* *Basoini*, слово из романского диалекта – лодочник-перевозчик на озере Леман (Женевском озере).

\*\* Мейлери – область на французском южном берегу озера Леман.

слушает! Какая милая девочка! Моя жизнь изменилась с тех пор, как по утрам на лестнице раздаются ее легкие шаги. Валери лопнет от злости. У нее руки принцессы. Она слишком хороша для нашего несчастного Гастона, слава богу, он уезжает на военные сборы, мне кажется, она устала, мой цветочек, под глазками синяки, понимаете, сладкая моя, у нас все проходят военную службу, ваш Гастон – офицер, в день отъезда вы увидите его в форме. Пропахшей средством от моли. Селестина, ворчунья, ее уже достала. Не пора ли и нашей сладкой чем-нибудь заняться? Гуляет по берегу озера часами, а хозяйство, по-прежнему, на мадмуазель Урсуле. Оставьте ее в покое, с рождением детей у нее дел будет невпроворот. Дети! Я вас умоляю...

– Вы будете писать мне, Сильвия?

Она смотрела на него непроницаемым взглядом. Кто-нибудь когда-нибудь слышал, чтобы она смеялась? Гастон уехал в легком волнении, китель из толстого блестящего синего сукна жал в пройме, а черные брюки с красным кантом оказались до того узкими, что в поезде он не решался сесть и стоял несколько часов кряду как журавль на болоте.

– Мадмуазель, мадам Гастон не вернулась, нужно ли закрыть дверь?

– Оставьте открытой, я ее дождусь, у меня все равно бессонница, оставьте открытыми все двери, у нее нет ключа.

Лебеди круглый год качаются на черном озере, ныряют, толкаясь, за кусочками хлеба

или обрывками шелковой бумаги, и по утрам, хрипло гогоча, гоняются друг за другом, разрезая воду, была весна, потоп, старуха держала бинокль дрожащими руками: неужели, она – та самая Урсула, которая апрельским вечером каталась с Эмилем в красивой лодке под парусом и ждала, естественно, признания в любви? Полночь! Она не вернулась, дорогая моя, мой ненаглядный цветочек! Господи боже! с ней что-то случилось! Она, наверное, решила прогуляться до Буарон\*. К счастью, луна ярко светит, все видно, как днем, вот последняя лодка возвращается, а, это *basouni* плывет обратно с грузом камней Мейлери.

– Селестина! Селестина, закройте двери, я...

– Но разве мадам Гастон...

– Замолчите, сделайте, что я сказала! – таким страшным голосом, что лопнул сосуд, и она стала харкать кровью: тем лучше, пусть я умру. К счастью, Сильвия оказалась достаточно гибкой, чтобы пролезть в приоткрытое окно гостиной, хотя и не была акробаткой, а продавала билеты в кассе. Она такая же акробатка, как вы или я. На следующей день акробатка, танцовщица, кассирша, как обычно, поднялась, чтобы постучать в тетушкину дверь. Селестина делала вид, что метет лестницу.

– Но... тетушка Урсула разве еще не проснулась?

---

\* Буарон – река в кантоне Во рядом с городом Нион.



– Мадмуазель никого не принимает.

Сильвия медленно спустилась. Чем заняться? Поспать немного? Соорудить себе шляпку? Зевать у окна? Треугольные паруса над волнами тянули за собой корабли. Напрасно она, желтый шейный платок, красивые руки, загоревшие под летним солнцем, стучала в дверь тети Урсулы, пока довольная Селестина наблюдала за происходящим. Селестина, бросьте эту фотографию в огонь. Как странно, говорил Годфруа журавлю, приехавшему в воскресный отпуск, тетя Урсула души не чаяла в... вашей жене, Гастон... Однажды вечером они втроем, Годфруа, Гастон и акробатка, сидели на скамье перед домом в саду, конечно, не как деревенские у всех на виду, а за кустами, и вдруг акробатка почувствовала, как кто-то украдкой просунул ей руку под мышку и осторожно пощупал грудь, с тех пор жизнь в хоромах Будивиллей уже не казалась мадам Гастон такой скучной. Гастон, гордый до невозможности, окружил ее заботой, даже тазик подносил, и если акробатке в июле хотелось яблок, он покупал и не бледно-зеленые сезонные, а прекрасные, сорта Боскоп, по заоблачной цене, отказывая себе в сигаретах, между тем она дурнела, лицо – желтая маска, волосы сальные нечесанные, отвечала односложно, поднимая на собеседника непроницаемые синие глаза. Гастон по воскресеньям молился в церкви, стоя, закрыв лицо цилиндром, пропахшим брильянтином.

– Гермина! Где вы? Спускайтесь немедленно.

– Но, Гонтран, я плохо себя чувствую.

Естественно, сегодня же дует фён, черт побери! Она заперлась в спальне, а Роза собирает записки, просунутые под дверь.

– Идите сюда, или я...

50 Она спустилась, бледная, опухшая. Заставить ее выйти из спальни, когда дует фён! Понятно, у вас мигрень; а вы хоть знаете? – Что? – Вы еще спрашиваете? Разве вы не знаете, что эта потаскуха ждет ребенка? Что мы будем делать? Только победили филлоксеру, а у нас уже милдью! Подскажите мне какой-нибудь выход, черт побери! О! вы никогда мне не помогли. Но, дьявол, вы похоже даже не понимаете... Нет, нет, понимаю, Гонтран, уверяю вас, но это невозможно, невозможно, вы же сами говорили, что Гастон... не совсем... и как же так? Что, как же так? Вы разбираетесь в законах? В законах нашей цивилизованной страны? Я вот разбираюсь, я работаю, я читаю в библиотеке Рюйера, Бергсона, Фабра, Библию, пока вы в постели читаете *Roman-Quelle*\*. Я знаю... ребенок от внебрачной связи... О! Это слишком! Ты работаешь, ты честный, благородный, ты никому не делаешь зла, и из-за какого-то дурака, тупицы, наследство, на которое ты имеешь полное право, уплывает у тебя из-под

---

\* *Roman-Quelle* – иллюстрированный журнал, выходивший в Швейцарии.

носа. И Гюстав еще недавно умер. О! знаю, всякое еще может случиться... Ладно, возвращайтесь к своим мигреням.

Откинувшись на спинку кресла возле окна в кабинете, он ковырял в зубах ножичком из слоновой кости для разрезания бумаги, привезенным тетей Урсулой-Поль из Египта. О! вот и мсье! О! я их всех вокруг пальца обведу; что мсье ищет? Просто мыло, Роза, да, мне нужен один из тех больших кусков «Санлайт», что вы складируете на бельевом шкафу, да, просто кусок мыла, почему вы на меня так смотрите? Нет ничего необычного в моей просьбе. Я хочу почистить египетский разрезной нож.

51

Из кусков мыла на шкафу были сложены такие же замки, как из кубиков в детской. Вы помните?.. тот день, когда светленький кудрявый кузен спрятался в шкафу? Маленький Гонтран запер дверцу на ключ. Колокол прозвонил ужин. Где маленький кузен? Да где же он? Нашли бездыханного в шкафу, и каждый раз, когда бедный Гонтран пытался стать депутатом, кто-нибудь из левых припоминал этот давний эпизод. Ну, наконец, мсье с мылом ушел. Я бы могла заполучить любого кавалера, какого захочу, хоть, к примеру, доктора, приходившего к нам вчера... Уж я-то всех их вокруг пальца обведу.

– Ну, Гермина, вам лучше? Как ваша мигрень? Ладно, ладно. Я тут подумал, все наши семейные ссоры смешны, не позвать ли нам в гости эту... Сильвию? Она еще не видела

Поссесьон. В конце концов, она же моя кузина, да уж! Смешно! если не сказать пресуморительно! – как говаривал наш уважаемый Гюстав, – у меня, Гонтрана Будивилля, кузина – танцовщица на канате. И не говорите мне, что она продавала билеты в кассе, а то я за себя не ручаюсь. Впрочем, не все ли равно. Я сейчас ей позвоню. Меня? Пригласили к Гонтранам? пришлют за мной коляску, нет, вы понимаете? Вы слышите, тетя Урсула? Да, да, Селестина, хорошо, я ухожу, не нужно хлопать дверью у меня перед носом.

Трефовый король собственной персоной ждал ее у порога: синие подушки с бахромой и кистями по-прежнему были набиты пылью. Мы выпьем чаю в библиотеке, освежело, дайте мне руку, кузина, я помогу вам подняться по лестнице, у нас шикарнее, чем у Гастона, деревянная обшивка, высокие окна, огромная Библия, слуги забыли на ней хлыст после уборки. Во время чаепития она держала чашку, оттопырив мизинец.

– Не хотите ли прогуляться по саду? Гермина, вы только после болезни, не спускайтесь. Ах! Боже мой! что с вами, кузина?

– О! ничего страшного, я гибкая, привычка, знаете ли... Я поскользнулась на вашей лестнице...

Потаскуха! Тем же вечером Роза, поскользнувшись на ступеньках, вывихнула ногу, пришлось вызвать доктора и срочно за день по заоблачной цене, именно сейчас, когда урожай винограда обещает быть скром-

ным, нанимать ей замену, ведь старую кухарку со свиной головой давно уволили, поймав на слове эту Розу, Розетту, которая, понаблюдав исподтишка за бедной Гертрудой, заявила, что тоже могла бы готовить яйца под соусом бешамель и жарить кур. Наконец, ребенок родился, в один из тех октябрьских вечеров, что пахнут навозом и цирком, никогда еще Сильвия не была такой разговорчивой.

53

*Баю-бай, Колен, мой братик,  
Спи, а завтра получишь пирожок.*

– Довольно! – кричала тетя Урсула, стуча палкой в пол. – Замолчите, или я... Очень странно, тетя Урсула ведь души не чаяла в вашей... жене, Гастон. Тетя Урсула с трудом передвигалась на ржавых шарнирах и, все глубже заходя в невидимую воду, спотыкалась о мертвых рыб старости. Мадам Гастон, потаскуха (по-другому не скажешь) уже встала? Страшные крики! Огни порта отражались в черной воде. Она одна, без мужа, без детей. Эмиль, вместо того чтобы объясниться в любви, целовался с другой под жасмином, невыносимо больно, до такой степени, что когда садовник – в то время они еще нанимали садовника, жившего в хорошеньком домишке буквально в метре от них: да, вот уж горе у него – младшая дочь умерла! Он потом часами напролет сидел на могиле, а у Жака, утонувшего в Буарон, могила, как у кошек или у кукол. «Он не вернулся, уплыл однажды в утреннюю даль», – гласит надпись на камне, окруженном фиалками... садовник... там кто-

то плачет: ребенок горит у подножья горы, похожей на сахарную голову, нет, надо обойти их стороной, и тебя с твоей шерстяной шалью тоже – так вот, когда садовник с гордостью принес жасмин, чтобы посадить его вместо старых кустов белых роз, погибших в жуткие февральские заморозки – если такие заморозки повторятся, мы скоро яблоки с айвой только в музее увидим, виноградник тоже пострадал, в лесу деревья померзли – тетя Урсула вырвала у него этот жасмин и растоптала: что вы на меня так смотрите?! я не сумасшедшая, мне просто не нравится жасмин.

– Клянусь, вы не поверите, Роза, мадмуазель ни разу не видела малыша, а ведь она так хвалила Сильвию в начале, все приговаривала: «на пользу нашей голубой крови, нашей изнеженной породе».

Кстати, она не слишком расстроилась из-за смерти мсье Гюстава. А ведь мсье Гюстав – святой человек! – подытожила с возмущением кухарка, выплеснув черный как чернила чай из обитого чайника в раковину, пчелы зигзагами, поворачивая под прямым углом, летели на варенье, на пруду стрекозы и рыбы чертили прямые линии, чудесным образом противопоставляемые овалам и кругам космических миров. Планета, стальной шар, украшенный рельефным рисунком, неслась, кувыркаясь в ужасных тучах, которые, не имея ничего общего с грозовым поясом мира, собирались и рассеивались в черноте неизвестно по каким законам.

– Вы не поверите, Роза, но мадмуазель ни разу не видела малыша.

Ребенок был слаще шоколадного мусса, серо-зеленые глаза, темная прядь, в книжке с картинками гладил пальчиком кита, который плавает не так, как рыбы в озере, а скачками, выгнув спину, на берегу ледяных морей стоят человечки в высоких меховых шапках, изредка пролетит птица, и кроме сухого папоротника нет никаких растений. Ну и пусть тетя Урсула не хочет видеть ни малыша, ни Сильвию. Она же души не чаяла в... вашей жене, Гастон, дорогой братец, – с любовью говорил последний Бородач, уже страдавший хроническим несварением. Сильвия бродила возле комнаты слегшей тети Урсулы и думала: Пресвятая Дева, скоро этому придет конец? Понадобились недели, месяцы. Как умрешь, когда вместо крови у тебя в венах кальций и прочие витамины, когда сердце накачано камфарой, когда нет ни аппендицита, ни зубов, ни миндалин, ни матки, ни желчного пузыря и вместо сустава серебряный гвоздь? Тем временем умер второй Бородач. Много шума из ничего. Гастон, олух, недоумок, стал бы единственным наследником, если бы не этот проклятый Оноре, в общем, два человека отделяют нас от богатства, существенно поправившего бы наше положение, уверяю вас, Гермина, мы бы тогда провели центральное отопление, о котором вы с Бабс так мечтаете. Мой отец... Я мылась в тазике у открытого

окна... Ладно, вернемся к Оноре, он сейчас на берегу кидает «блинчики».

56

Гастон поднялся в комнату тети Урсулы, порылся в ящике старинного ночного столика с инкрустацией, в ящике с раздвижными дверцами, два отверстия по бокам для проветривания, и между пузырьками, поблекшими фотографиями и зелеными форменными погончиками с цифрой два нашел письмо. Дул порывистый западный ветер, будет гроза, он отодвинул занавеску, Савойи не видно за дождем и туманом. Неподходящая погода, чтобы отвязывать лодку! Но мсье Гастон всегда был странным. Вспомнить хотя бы его свадьбу! Он, что же, ребенка с собой берет? Это неблагоразумно. А мальчик что? Передний зубик выпал. Лет шесть-семь, хорошенький, с темной прядью.

– Залезай. Чего ждешь?

– Придержи лодку, я боюсь. О! ты врежешься в дамбу, осторожно!

Лодка летела по волнам, они были одни в тумане, Гастон опустил весла.

– Подойди ко мне.

– Но мама мне всегда говорит, что в лодке ни в коем случае нельзя вставать.

– Иди сюда быстро.

– О! Что я сделал? Почему ты ударил меня по щеке?

– И еще раз ударю.

Перепуганное личико залито слезами; опять занесена рука.

– Я тебя сейчас в воду кину. Да, точно.



Оставь скамейку, отцепись от моей куртки, быстро.

– На помощь! Нет, папа, нет!

– Ты думаешь, я – твой папа?

– Ну да, ты – мой папа, и папа не может бросить своего маленького мальчика в воду.

Тут же успокоившись, он улыбнулся беззубой улыбкой. Передний зубик выпал, шесть лет любви.

57

– Давай-ка, садись на дно лодки. С этими волнами...

– Папа, смотри, я весь промок. Я простужусь.

Не надо слишком много требовать. Он молча греб до самой пристани Будивиль. Если по пути волна... это уже будет не моя вина. Лодка заскребла дном гальку.

– Вылезай, иди домой.

– К маме?

– К маме. И поскорее, а не то...

Мальчик с берега махал ему рукой: как мой папочка прекрасно гребет! Он был слишком занят, он не мог оставить весла, чтобы помахать на прощанье в ответ. Лодку нашли следующим утром, выбросило у соседнего берега. «Сильвия». К счастью, тело Гастона тоже нашли, в противном случае эти канцелярские крысы, чего доброго, сказали бы, что он уехал за границу, проклятье! Он был полуголый, опознали его легко – по заячьей губе, ветры стихли, волны улеглись, теперь между Гонтранами и наследством остался только Оноре, Сильвия умрет

от сердечного приступа. Бродячая артистка сидела в кресле тети Урсулы, красивое напудренное лицо выделялось на фоне темного дерева, а эта бедняжка – как там ее звали, она еще собиралась замуж за Гастона? ах, да, Валери – навещала ее. Вы только посмотрите, до чего она уродлива! Лицо в глубоких морщинах, кожа оливковая, черные глаза налиты кровью. Говорите, что хотите, но я считаю, что в Валери есть изюминка, а в танцовщице, укротительнице львов, кассирше – нет. Валери в отчаянии смотрела на Оноре: дом, виноградники, пресс, что ему до всего этого! Почти сама того не желая, она помогла устранить одного из двух наследников, о чем однажды напомнит Гонтрану, уже не раз попрекнувшему ее куском хлеба. Оноре! Красивый мальчик с темной прядью стоит в лодке! До чего же ей хотелось подарить такого Гастону.

– Кем ты собираешься стать, Оноре?

– Исследователем.

– Кем? Охотником на львов?

– Нет, я хочу построить корабль со стеклянным дном и исследовать морские глубины.

– Да уж, это нам дорого обойдется.

Ну, разумеется, он пустит на ветер деньги Будивиллей, заработанные в поте лица, как говорят в *douce* Франции. Корабль со стеклянным дном! Скажите на милость. Коляска катила по пыльной дороге мягко, как по ковру, урожай, похоже, будет неплохой, где те времена, когда при удачном сборе винограда

мы получали сто тысяч литров под прессом? Вино продавали по тридцать сантимов, никаких добавок, никакой переработки, так было до черных флагов, покупатель приезжал уже в июле – как поживает малышка Жанна? – мсье ошибается, у меня два мальчика, бормотал покупатель, смущаясь; инфаркт с ним случился прямо во дворе Поссесьон, желтая туча плыла над землей, град выбелил зеленые летние поля, сезоны поменялись местами, революция! Теперь договариваться с покупателями очень сложно. С корабля, построенного на деньги Будивиллей, Оноре, лежа на надувном матрасе, наблюдал пока только за мелкими рыбками, стрекозами без переливчатых крыльев, плававшими по прямым линиям, и уходил после полудня от высоких, стоячих, неувядающих трав, от едва колышущихся даже при самых сильных бурях лугов без земляных червей, без пчел, без косилок к Барбаре и Жозефу на остров с камышами, омываемый мерным шумом мощных крыльев. Ну, конечно, ангелы существуют, например, высоко в горах есть озеро, куда прилетают купаться старые орлы, чтобы снова стать молодыми, и только ангелы знают, где оно находится, и там еще волшебный змей... Ты бы лучше хоть иногда следил за своим отцом, когда тот пьяный возвращается с кладбища и спотыкается об ангелов на могилах.

– Мой отец никогда не напивается, это неправда, только попробуй повтори!

– Перестаньте, не деритесь!

Отец поднимал стакан: Смотри, малыш, это вишневая водка. Какая чистая! Ничего чище ты не найдешь. Она как источники Толёр\*, как горный воздух, как озеро ангелов.

Над детским умывальным столиком Жозефа мать в память о Моравии повесила белое домотканое полотенце, на котором красными стежками вышила: *Не только лицо свое омой, но и от греха себя очисти.*

Дети – чужаки, озорники – собирались там, где в воде на закате отражаются плакучие ивы. Они дали друг другу имена цветов: Чемерица, Вьюнок, Лилия-мартагон. Еще совсем недавно они играли, раскручивая тарелку: Сольданелла! Успею ли я добежать, пока тарелка не упадет? Не я ли та самая Сольданелла? Разве не так она звала меня, наклонившись из окна, кутая плечи в шерстяную шаль, или мне кажется? Дети устроились на острове словно в огромном гнезде, камыши трещали у них под ногами, тяжелые птицы взлетали с хриплыми криками, другие ныряли на секунду, определяли тангенс полета относительно воды и неслись дальше, вверх-вниз вдоль невидимых холмов.

– Что ты там строишь, Оноре?

– Идите посмотрите: корабль со стеклянным дном.

– Он обойдется по меньшей мере в тысячу франков.

---

\* Толёр – небольшая речка в кантоне Во.

– Но мама Оноре богатая, она – хозяйка цирка.

– Куда ты, Барбара? – К друзьям. – Да кто они такие, в конце концов?

Гермина слегка морщилась, садясь на плетеный тростниковый стул, зеленые разводы на ее белых садовых перчатках из хлопка напоминали гусениц, которые от страха приотворяются листьями.

61

– Я их знаю? Кто их родители? – Деревья. – О! ты издеваешься над матерью, Барбара, это нехорошо. – Деревья, да, да, честное слово. Одну девочку зовут Чемерица, кто, по твоему, ее мать?

Только Жозеф, единственный из всех, кого можно было бы назвать Заря, Заутреня, Роса, Песня засыпающего лесного голубя, выбрал себе имя Лилия-мартагон. Странное имя. Однажды он был с отцом высоко в горах: мой мальчик, ты видишь, вот она – чистота; вдохни этот воздух, посмотри на водопад, Жозеф заметил группу человечков в красных тюрбанах, *Turkenbund*<sup>\*</sup>, лилия-мартагон! – объяснил проводник, указывая на них палкой. И дикари, появившиеся из-за ледяных перевалов на низкорослых лошадках, кричали попутному ветру: *Turkenbund, Turkenbund!*

Камни у берега были накрыты железной сеткой – не вырваться как рыбам из невода – иначе вода унесет их один за другим, отшли-

---

\* *Turkenbund* (нем.) – тюрбан, *Turkenbundlilie* (нем.) – лилия-мартагон.

фует, сделает легкими и плавучими, и крылья ангелов будут перекачивать их в волнах. Озеро наступало, захватывало землю, а сколько врагов уже на подступах, филлоксера шествует под черными флагами, лозы выкорчеваны, виноградари без работы, и вдруг: Анри! Анри! убит ударом бутылки по голове!

62 Жозеф пришел, гордый до невозможности: о! представляете, я получил письмо. Думаешь, ты один такой, что ли? я часто получаю письма; да, но когда вы узнаете, откуда оно! Обычный прямоугольный лист бумаги, точно такую Луиза покупала в «Рекордоне» в переулке, чтобы написать письмо сыну, уехавшему на поиски гевей\*.

– Ладно, и откуда же твое распрекрасное письмо?

– Из Болгарии.

– Из Болгарии? Врешь! Эй, смотри не урони его в воду.

– Это точно какая-нибудь афишка.

– А что в письме, Жозеф, Лилия-мартагон?

Мсье,

*Я – рыбачка, ловлю рыбу на удочку, мне очень нужны маленькие рыболовные крючки. Будьте добры, положите несколько рыболовных крючков в конверт и пришлите мне, а я вам пришлю толстый болгарский журнал, переведенный на французский.*

---

\* Гевея – род вечнозеленых каучуконосных деревьев.

*Мой адрес: Мадмуазель Ольга Бабин, улица  
Орловска, 50, Габрово.*

– Я все думаю, почему письмо прислали именно тебе, Жозеф. Что за странная идея.

– Странная, не странная, а письмо – мне.

Дети окружили его, и Жозеф был бы совершенно счастлив, если бы не большая жаба, усевшаяся у его ботинка.

– Ты пошлешь им крючки? Я бы на твоём месте...

– Ой, ты, Вьюнок, всегда трусишь.

– Повтори, что ты сказал...

– Ну, ну, не деритесь, смотрите, Оноре возвращается. Попил чаю маменькин сынок, думаете, он когда-нибудь пригласит нас в гости?

– О! вы не представляете... что я вам сейчас покажу! Письмо! Письмо из Болгарии, мне, Оноре Будивиллю.

*Мсье, я – рыбачка, ловлю рыбу на удочку... Черт побери! Что вы смеетесь, идиоты? Зачем только он, Оноре Будивилль, связался с Жозефом, сыном кладбищенского сторожа, с Чемерицей, которой Виктор, часовщик, назначает свидания за зданием бывшей Таможни? К счастью, есть кузина Барбара, ее густые светлые волосы пахнут сеном и розовым ландышем... Розовые ландыши растут только в саду Поссесьон, Будивилли годами поставляют их на продажу в «Мисьон», а садовник, кухарка и Роза, та самая Роза, кастелянша, по очереди дежурят ночами, охраняя вместе*

с ландышами и другие редкие растения. Вьюнок позвонил в колокольчик, крыса прыгнула в камыши: если ты, Барбара, боишься мышей, как ты можешь делать революцию, мы смелые и полны решимости, правда? Мы их уьем, мы их повесим, первые станут последними, мы закопаем их по шею в землю и натравим на них тысячи ос. Крючки они купили в «Рекордоне» в переулке – и она тоже туда ходила с корзинкой за почтовой бумагой, чтобы написать сыну в Америку письмо, она кутала плечи в шерстяную шаль, потому что к вечеру поднимался жоран\* и слышно было ангелов, мерный шум их мощных крыльев. Она возвращалась домой, кто бы что себе ни воображал, но, чтобы оказаться на другом конце земли, нужно все-таки некоторое время, она топнула каблучком, поднялась в небо, встретила ангелов, которых солнце по вечерам сбрасывает в воду, они падают по косой, вытянув руки вперед, рты раскрыты от ужаса. «Я – рыбачка, ловлю рыбу на удочку...» На востоке полно рыбачек с удочками, вдоль рек, на Каспийском море, на Мертвом море с тяжелыми водами стального цвета... все держится на поверхности, трупы овец – полголовы над волной, мертвые лошади, отплыв от берега, не касаясь дна, причаливают к другому: Ах! Если бы горе было таким же тяже-

---

\* Жоран – северо-восточные ветра, дующие на юге горного массива Юра, на озере Леман, на озере Нойшатель и на озере Биен.



лым от соли, как Мертвое море, чтобы никто никогда не смог опуститься на дно! Но ребенок, уехавший на велосипеде польского рабочего, исчез навсегда, а через четыре месяца, четыре месяца! Гонтран Будивилль бросил Арлет, по прозвищу Катон, свою обожаемую любовницу, возлюбленную, свою настоящую жену.

Зарядил дождь, и дети перебрались с камышового острова на чердак пустой голубятни Поссесьон, на крышу которой слетаются вяхири, когда невесомые, легче воздуха, белки разоряют мощными когтями их непрочные, плоские как тарелки гнезда, свитые в ветках плакучего ясеня. «Я – рыбачка с удочкой. В вашем городе нужно создать ядро: несколько рыбачек плюс несколько велосипедистов. Клейте листовки: запрещено выращивать что-либо, кроме дынь и огурцов. Выкорчевывайте виноградники. Пейте чай, берите чай в поездки».

– Дыни и огурцы...

– Ты не понимаешь? Они же быстро портятся, а поскольку хранить ничего не надо...

– А в укусе? Кисло-сладком? Моя мать...

– Опять ты! Вечно у тебя сомнения. Ты нас сбиваешь с толку. Во всяком случае, твоему отцу лучше бы пить огуречный рассол, а не...

– Замолчите! Не двигайтесь! Куницы!

Куницы прыгнули на одну из перекрещенных грубо отесанных балок, замерли на несколько секунд и исчезли, оставив мел-

кий помет, похожий на черный пепел, летавший над пожарищем... Черные клочки, словно тонкая бумага... Жозеф! Лилия-мартагон! О чем задумался?

– Где он только взял такое имя?

– Оставьте его в покое, вы же знаете, у него отец умер.

66 А он, он заткнул уши, чтобы не слышать, как трещит огонь, книга по Священной истории на столе между локтями, да возвеселятся небеса и возликует земля; и скажут между народами: Вечное царство... это моя вина, это из-за меня, я слышал пожар, но заткнул уши.

– А твой отец спал? – Львиный зев паясничал за спиной Жозефа: засунул палец за щеку, чпок, словно пробку вынули, потом запрокинул голову, как будто пьет из бутылки. Жозеф развернулся, прыгнул на него, вцепился в горло, только перья во все стороны полетели.

– Эй, что вы делаете? – закричала Барбара, поднимавшаяся по лестнице. – Вы разрушите голубятню, она и так уже еле стоит. Хватит, Жозеф, отпусти его.

– Он не имеет права, не имеет права... Если мой отец и пил, то только потому, что водка...

Он поднимал стакан с вишневой водкой и говорил: Смотри, малыш, какая кристальная чистота, смотри! Видел ли ты когда-нибудь что-то похожее?

– В общем, я – за революцию, мне бы хотелось чего-то чистого, чистого, как вишне-

вая водка, как огонь, как озеро ангелов. Чистоты – вот чего я хочу.

– Мы тоже этого хотим, и у нас получится, нам помогут другие, наши товарищи изда- лека. Клянитесь прежде, чем мы отправимся в путь.

Они соединили руки, красные, шершавые, и сразу разошлись, посвистывая, чтобы скрыть смущение. Кристоф пробовал рыбачить, но рыба изменила привычки, ушла в другое место, раньше-то ее ловили рядом с берегом, а теперь надо отплывать подальше. Отец бросил работу, трудно пьяному держаться на ногах в качающейся лодке, лучше по вечерам собирать венки на кладбище. Через месяц после похорон отца Жозеф, перегнувшись через борт, увидел в воде, такой же черной, как вода, стекавшая по ступеням в день пожара и образовавшая внизу мутную лужу, увидел лицо своего отца. Что высматриваешь, Жозеф? Ничего, рыбу. Да рыбы тут нет почти! Лучше мне, наверное, уехать с Оноре.

– Твой отец вернулся, Жозеф?

Твой отец. Как будто его звали Твотец, чертов клоун с красным, огромным, пористым носом, ходивший зигзагами между могил. О! Они смеются над моим носом? я им еще покажу, из какого я теста. В тот день он сказал себе: «Три рюмки не больше, скоро платить за учебу Жозефа». Желтая кладбищенская грязь липла к подошвам, он нанизывал на руки целлулоидные венки, ленты с именами, белые буквы на черном фоне, розы,

пара капель росы, не отличить от настоящих! Ах, женщины, ах, стервы! Мужчины работают ради того, чтобы все у них было: тарелка супа, кусок хлеба, тряпки. Мертвецы в могилах тоже разговаривали сами с собой: Где я? Какой крошечный мрак! Разве дикие голуби уже не прилетают ворковать на дереве, обвитом плющом? Можно говорить, что угодно, например, что он бил Жозефа, но зато как он ухаживал за венками: каждый вечер тащил их домой, в сумерках с висящими на руках разноцветными обручами он казался великаном. На его кладбище не увидать привязанных к палкам грязных венков, с которых ветер срывает цветы и несет дальше с крылатыми семенами клёна. Кто угодно мог подтвердить: в конце дня он аккуратно собирал тухлые венки, Жозеф долго говорил *веньки* и получал от отца пощечины, потому что эту мелочь, сволочь, дичь, бестолочь надо как следует воспитывать! – он споткнулся о могилу, выругался: Что за чертова идея, всех новичков-покойников хоронить в одном месте! По дороге домой он плюхался в плетеное ивовое кресло, которое несчастная мать вынесла под деревья – невозможно все время стоять на коленях, обнимая кованые арки на газоне, где бегал ее ребенок и где круглый год лежали прозрачные, сухие листья – ах! боже мой, если бы она знала! Слепая! Сбитый насмерть машиной без фар – фермер жил слишком далеко от города, чтобы их починить – мальчик лежал на дороге, раненые

куры убежали в кукурузное поле, к его зали- той кровью груди приклеились перья. Тво- тец, клоун, всегда шел через этот сад, такой ухоженный, такой благоухающий. Наконец, он добрался до дома, дурацкая дверь, – вор- ча, поднялся по лестнице, повесил над сво- ей кроватью венки, лаковые листья и розы, подкрашенные как щеки молодых покой- ниц. Первый же из осенних ветров оборвал лепестки цветов на могилах, но не тронул ягоды шиповника, из которых она готовила желе, в кухне было жарко, осы падали в таз с вареньем, скоро созреет виноград, а до ви- нограда – мелкие горькие персики, сахара не хватило, она перекинула фартук через го- лову: сбегая в магазинчик в переулке. Боже мой! У нас пожар! Жозеф! Он учил Священ- ную историю, ангел Вечности бродил вокруг дома, Жозеф читал, заткнув уши и шевеля губами. Он слышал странный шум, как будто комкали бумагу, и храп отца, спавшего на- верху при свете. Свеча не так дорого стоит, чтобы ее тушить! Ветер с озера распахнул окно, белые лебеди качались на черной воде, пламя наклонилось, в воздухе запахло жарен- ным кофе, дымящимся барахлом, специфи- ческий запах, когда горит то, что не должно гореть: Жанна, например, или двенадцать евреев, сожженных в Вильнёве, расположен- ном не так далеко от места, где горел Твотец, где Оноре строит корабль со стеклянным дном: о! боюсь я твоего стеклянного кора- бля, не надо, мама, это совсем не опасно, это

просто, чтобы за рыбами наблюдать. Отца положили в гроб: и уминать не пришлось.

– Жозеф, ну неужели ты ничего не слышал?

– Я учил Священную историю.

– Он вернулся раньше обычного, понимаете, мальчик ничего не слышал, а я как раз пошла за сахаром для желе из шиповника.

70

По лестнице стекала черная вода, Жозефу потом часто будет сниться лицо убитого отца, глядящее из черной лужи. Какие прекрасные похороны! на воротах кладбища закрепили флаги с траурными лентами, когда-то давно отец играл роль Давеля\* в драме из пяти актов: обессиленный, но не сломленный герой приходит в себя после пыток в ледяной камере, в апреле вдруг вернулись заморозки, «бедные наши виноградари», – сокрушается тот, кто утром пойдет на казнь. Мать получила небольшую пенсию, но пришлось расплатиться за сгоревшие венки. По вечерам она теперь выпивала капельку вишневой водки, а раньше бывало отец поднимал стакан:

– Смотри, малыш, кристальная чистота. Что ты найдешь чище? Разве только источники Толёр да озеро ангелов.

– Неужели, Жозеф, ты действительно ничего не слышал?

– Я подумал, это дождь.

---

\* Жан Давель (Jean Dave/Davel 1670–1723) – лидер воуазского восстания 1723 г. против господства Берна, окончившегося поражением и казнью Давеля.

– Дождь. Да звезд же полное небо.  
– Ну, я подумал, это стадо Пьера.  
– Пьера? Осенью? Он спит в углу у камина.

И словно сквозь пелену видит сына в языках пламени и серые, как туман, колючки чертополоха на сухих стеблях.

– Смотри, малыш, кристальная чистота! Чище их бриллиантов, смотри, мой мальчик. Потому что ты – мой мальчик.

О том, что отец пьяный, можно было догадаться только по его замедленной, неуверенной речи. Он шел по узкой доске, с обеих сторон – пропасть. По вечерам сидя у огня с рюмкой, такой холодной, такой горячей, такой чистой, мать вспоминала молодость, веранды в общественных парках, где мужчины пили пиво, северных птиц, летящих по темно-му небу, моравских девочек-сирот в фиолетовых чулках, встречавших реверансом герцога Данцигского, с тех времен у нее не осталось ничего, кроме театра теней: Папагено, Папагена, Царица ночи. Бесплезно высматривать исчезнувшую мать, стоя ночь напролет во дворе приюта, где они, исчезнувшие матери? Где исчезнувшие дети? А если Жаклин упала в озеро?! Искали, искали, раздвигали водоросли, надеясь обнаружить маленькую ногу, бледное лицо. Она ушла утром, с папой за руку.

– Не ходите через мостик, – крикнула мать из окна. – И в обед принеси мне белого хлеба.

– Где Жаклин? Кайу, ты один? Где Жаклин?

Собака никогда не возвращалась без девочки. Наверное, дочка спряталась в своем шалаше. Она, стараясь не бежать, спустилась в сад. Сейчас я увижу ножки в синем комбинезоне. Конечно!

– Нет, – говорил отец, – мы не пошли по мостику через канал, поверь, я сел в автобус, помахал малышке на прощанье.

72      Мать вошла в воду, течение сбивало с ног: Жаклин! Жаклин!

– Послушай, будем благоразумны, не устраивай спектакль. Говорю тебе, я не пошел через мост, и она тоже, я проследил, она шла по дорожке.

– Кайу, ты ее видел, ты знаешь, где она?!

– Пусти собаку, ты ее задушишь.

Она тянула собаку, уши прижаты, хвост стучит по земле, за ошейник к шалашу, она без конца проделывала путь от дома до автобусной остановки и обратно...

– Ох уж эти поляки! – сказал сосед, высунувшись из окна. – Поляки, которые работают на овощных полях. Ну да, около восьми утра, мы тут видели поляка на велосипеде.

Прочесали канал, без результата. Ребенок бы не уплыл дальше решетки, где собираются опавшие листья, консервные банки, мертвые птицы. Мать кружила у дома: я не хочу, чтобы ее окоченевшее от холода тельце нашли под деревом, нет, этого не будет. Хотя бы этого!.. Она брала с собой собаку, давала ей нюхать свитер, заштопанный на локте светлой ниткой, описывала первый круг, проходив-



ший через автобусную остановку и вдоль садовой изгороди, второй круг давался тяжелее, она упиралась в стену дома, скребла ее ногтями: Жаклин! Жаклин! Кайу, посмотри мне в глаза, ты видел его, ты видел похитителя, говорят же, что изображение остается на сетчатке. Виктор вышел из своего магазинчика, пожал плечами: ох уж эти женщины, трагедийные актрисы! Все одинаковые, что матери семейства, что любовницы! Любовницы! Не смешите меня. А эти скучные дамы, которые приходят закладывать фамильные драгоценности. О! пошли мне, боже, мясников, бакалейщиков и избави от смиренных клиенток в линялых черных платьях с зеленым отливом, пахнущих рыбой... она живет в хибаре у озера под огромной липой, муж недавно сгорел и полдома вместе с ним... и ведь ни одна клиентка не предложит ни вчерашнюю отбивную из ягненка, ни пакетик чая. Хоть бы Оноре собрал и привез ему, Виктору, настоящего чая, так нет же, весь чай достанется китайцам, листья высушат и отправят в Европу, которой угрожает революция, зародившаяся на берегу Мертвого моря, где так трудно утопить труп, чтобы это сделать, нужно давить на голову, кольцо священника соскользнуло с гнилого пальца и плавает на воде, блестя изумрудом, пока корабли медленно разрезают песчаные волны.

– Бриллиант? – презрительно тянул Виктор, подняв лупу на бледный, отполированный поцелуями любовниц лоб. – О! Если

бы это был топаз, внимание, не цитрин, а топаз, – он вздохнул, порывлся в ящике: – вот! – он разложил перед ней камни... – он, это чучело, *tannequin-tannekenpis*, наряжавшийся по воскресеньям в роскошный вельветовый костюм; она идет в церковь, зажав под мышкой толстый псалтирь с непонятными моравскими стихами, а он – с женой и смотрит под ноги на тротуар, усеянный собачьими какашками, чтобы ненароком не встретиться взглядом с бывшими любовницами, *tannequins* – соломенными чучелами, в них тычут толстыми палками, чтобы утопить, но они всплывают, переворачиваются, кружатся в ледяной воде, и солома кажется еще желтее на черном фоне... – ладно, пусть пока брошь-крендель, украшенная жемчугом и бриллиантами, полежит в коробочке с именем ювелира из Данцига. Виктор носил усики как у Хокона Норвежского\*, дело было весной, жабы-самцы устремились из леса к прудам, где их ждали подруги, и Виктор тоже вышел из лавки на улицу, распустил хвост, вечерний жоран взъерошил перья на груди, листья липы у пристани были бледно-зеленые, а верхушка под грозовой тучей окрасилась в черный, Жозеф, собиравший липовый цвет для мадам Будивилль, чуть не упал вместе с лестницей: знаете, мальчик, в этом огромном парке нет лип, а мне бы так хоте-

---

\* Хокон Норвежский VII (1872–1957) – король Норвегии с ноября 1905 г. по сентябрь 1957 г.

лось вечером выпить чашку липового чая, жабы ползли из леса, по двенадцать, по четырнадцать, пересекали по диагонали улицу Поссесьон в поисках самок, немых, с остановившимися как у мертвецов глазами, только пульсация под бородавчатой кожей указывала на то, что они еще живы, а на дне пруда, наполовину погрузившись в песок, лежал топор, до которого полицейским никогда не добраться. Зато один из них нашел под раскидистой секвойей сережку Валери, оброненную много лет назад после бала. Роза, Розетта, молодая кастелянша, заговорщицки взглянула на Виктора, попавшегося ей на пути. «Слишком много народу на балконах», – Виктор свернул в узкий переулок к дому Вильмы, сидевшей в оранжевом пеньюаре в эркере с цветными витражами: рыцарь в саду и замок. Вечнозеленое растение на деревянной подставке, кукла с серебряными волосами на диване для красоты и посреди всей этой роскоши в ожидании визитов Виктора – неужели это я, Вильма?! та, что пасла коров, спускалась по каменистой тропинке к школе, слушала, как дядюшка Кито играет на губной гармонике?

– Возможно, она менее благородная, чем предыдущая, но по крайней мере не будет раздувать скандал! А та, вот уж Господи прости!

Вечером он завалил заднее сидение машины коробками от часов, как делал всегда, когда рвал отношения.

– Все кончено, ни, ни! Почему вы не хотите понять?

– Но ты же любил меня, больше всех на свете, ты сам говорил.

– Давайте сохраним чудесные воспоминания о нашей недолгой идиллии, зачем все портить?

76 Виктор, Виктор – дамский угодник, рассердился по-настоящему, щелкнул пальцами, как гремучая змея погремушкой; ах, если бы некоторые мужчины носили колокольчик, предупреждающий об их приближении, мы бы сторонились этих прокаженных, этих змей! И вот она умоляет его позвонить: последний раз, пожалуйста! А если Сюзанна узнает?! Она вернется к родителям. Со своим приданым. Добрая, славная Сюзанна! Мимо прошел Жозеф с холщовой сумкой: счастливчик, женщины его пока не преследуют! Слепой! слепой Виктор! Однажды по приказу желтого генерала его обмажут медом и кинут осам на болото, за то, что не сумел сделать трех часов из одного будильника, плюх, и утки тяжело взлетели; иноземный чиновник объезжал с инспекцией город, аккуратно записывая в блокнот: выщербленный карниз, отказ повиноваться, – вырвал страницу, передал ее уполномоченному: вернуться с палачом. Напрасно несчастная любовница ждала у телефона, Виктор, распушив хвост, неспешно возвращался домой; жоран расцвел небо сине-зелеными глазками, вырвав несколько перьев у павлина, прогуливавшегося по дво-

ру Поссесьон. С какой стати экономить, рано или поздно все заберут за долги, Гермина, садясь на стул, слегка поморщилась. Что это? дождь? – спрашивала она. Глупость какая, разве жоран приносит дождь?! это стадо Пьера топочет, хотя сначала, правда, может показаться, что река или ливень шумит. За что мне сын, который охотнее танцует, чем в поле работает? Сын возвращался с праздника лучников на мотоцикле друга, промчались между елками, украшенными бумажными розами, выскочили в поле, потом на дорогу, врезались в столб, и Жак умер на месте. С тех пор, оставив ферму на слугу, отец каждый день, кроме декабрьских и январских, уходил на заре со стадом, овцы спускались сплошным потоком, Пьер с трудом передвигался в волнах темно-коричневой шерсти, иногда какая-нибудь овца, заглядевшись на луну, медленно взлетала над другими. Почему ты оставляешь ферму? На слугу?! Тот на тебе наживается, знай мотает клубок. Пьер молча уходил, сидел неподвижно целыми днями, закутавшись в накидку из грубой шерсти, сквозь стелящуюся вдоль леска дымку он видел сына, у подножья холма внизу лежало синее, плоское как плита, озеро, ангелы поднимут его однажды, и на нем будут все потерянные дети. Слуга сматывал клубок тщательно: начал с бумажной катушки, сверху намотал овечью шерсть, луга де Клош, мебель, и когда клубок стал уже невероятных размеров, слуга сорвался с крыши амбара и умер, за поместье взялась жена

Пьера, крепкая женщина, сына родила за два часа, акушерка, которая тоже хотела ребенка – позже она-таки украдет младенца у клиентки, соврав, что тот – мертворожденный, и унесет его в чемоданчике – акушерка выбежала на балкон и крикнула отцу: *E ouin valet\**! О! Боже мой, несчастный отец! Замер на месте, слушает глухие раскаты, доносящиеся со стороны невидимого города, осень палила из пушки по огромной с полземли мишени, стрелки метились в последние розы, в хризантемы на могилах, но венок сына, жемчужный, имя на белой металлической пластинке, никакому ветру не сорвать, даже торнадо пятнадцатого января это оказалось не по силам, черепица летала по двору, красные следы отпечатались по всему дому и на белом полу комнаты Жака: оставьте все, как есть, я запрещаю вам тут убираться, они было принесли ведра и жавелевую воду, хотели вымести бумажки из-под кровати, вымыть стакан с жирными отпечатками, следами губ и пальцев сына: позволь нам унести стакан, папа, ну же, послушай. Никто до него не дотронется, пока я жив, о, Господи, долго мне еще жить прикажешь? Почему Жак не остался калекой, не ослеп? Вечером по городу шли колонной изувеченные дети, невероятно, что снаряды попали в эти тонкие, худые ручки и ножки, их же не видно с самолета, как и жаворонка, взлетевшего с темной борозды и поющего

---

\* *E ouin valet!* (*natya*) – Сын!

весну. Виктор на мгновение задержал взгляд на маленьких калеках и пошел, куда несли его ноги в изящных остроносых ботинках, вперед, к идеальной женщине, спокойной, неприлипчивой: в следующий раз я точно выберу себе куколку подальше от цивилизации, в деревушке с домами из черного камня, у местных кур на лапах сапоги из грязи, зато какие лица у женщин, тонкие, бледные, здравствуй, милая Франция! и он купил букет фиалок жене, доброй, невинной, верной Сюзанне; как? он перестал бегать за своей бабёнкой? Я что-то проспала! увы, весенняя оттепель в семейных отношениях не помешала ему возобновить лихорадочные поиски: попробуем еще, идеальная женщина наверняка где-то поблизости! Он уперся в кладбищенские ворота, детям сюда вход запрещен, сидя на покрытой сухим мхом каменной стене, они следили за похоронами мадам Будивиль, старухи. Той самой, с воротником, как у бледной поганки.

– Жюль, Жюль, прошу тебя, над тобой все будут смеяться.

Жюль пытался освободиться от перепуганного, вцепившегося в полу его пальто Гонтрана. Жюль заговорит, когда захочет, – уверяла покойная, вышивая под огромной секвойей. Три года, четыре года, ни слова. И вот однажды Жюль, разглядывая портрет предполагаемого предка в синей военной форме голландских полков, отчетливо произнес: «шпага». Все забегали:

«Жюль заговорил!» Но больше он не сказал ни слова, только с матерью объяснялся жестами, как немой, надежды таяли. Сейчас все семейство на кладбище, дылда Германа, везунчик Гонтран, Гастон-простофиля, муж красотки Сильвии... она? акробатка? Не смешите меня, она билеты в кассе продавала. Гастон кусал кулаки. Детям со стены было видно и мадмуазель Валери, и тетю Урсулу с густыми бровями, и других чуть позади, стоявших кто повыше, на рыхлой земле, кто пониже, на утрамбованной... о, Господи, утрамбованной поверх чего? У открытой могилы положили доски, чтобы ноги не увязли в грязи, шел дождь, не успели виноград собрать, и кончилась хорошая погода? Жюль ринулся к яме, Гонтран пытался его удержать: нет, Жюль, смотри, не говори ничего... но тот проворчал: «Я не могу отпустить ее просто так». Все, кроме регентши, сурово оглядевшей присутствующих в невидимый лорнет, рассмеялись. Жюль никогда больше рта не раскрывал, за исключением того дня, когда рухнула империя Будивиллей и бухгалтер с улыбкой – неужели я улыбаюсь? я на секунду забыл о маленькой дочке – принес им новость: Оноре умер, но совершенно не так, как вы говорите. Гонтран, трефовый король, выходя с кладбища, в бешенстве смотрел вслед проклятой троице, Гастону, Сильвии и Оноре, стоявшей между ним и богатством. Молодые иностранки толкали перед собой колясочки, в которых, судя по коротким нож-



кам и длине тельца, лежали дети, но вместо голов у них были огромные гипсовые маски, наполовину закрывавшие плечи.

– Жозеф! Эй, Жозеф! Что ты делаешь на дереве?

– Липу рву для старухи Гермینی.

– Жозеф!

– Ох! правда, это же твоя тетка, Оноре, ладно, для дамы из поместья Поссесьон!

81

Жозеф рвал липу и повторял свою роль, роль слуги: да, господа, шпаги наголо, господа! Липа сейчас сплошь в продолговатых бледно-зеленых листиках, на каждом стебельке два бутона и золотистый цветок, отличный момент для сбора, чуть раньше – вкуса нет, чуть позже – чай вызовет кашель у дамы из Поссесьон. Она попросила принести липы. Попросила его, Жозефа. Разве это важно, что ты затеваешь революцию, посылаешь крючки рыбачке, борешься за абсолютную чистоту, приговариваешь Виктора, собаку, негодяя, к смерти, когда дама из замка подзывает тебя после репетиции «Шпаги наголо»:

– Итак, мальчик! чем занимается твой отец?

– Он умер... Он...

– Хорошо, очень хорошо. Братья? Сестры?

– Нет.

– Очень хорошо.

Она глянула на сумочку, лежавшую на стуле, сцапала ее, как курица белый помет, пристроила сбоку и замерла.

– А! вот и ты, Барбара, я хотела поручить твоему приятелю, он ведь живет в том маленьком доме под раскидистой липой... в общем, представьте себе, мальчик, в Поссесьон, во всем этом огромном поместье, нет ни одной липы!..

– О! Я мог бы...

82 – Мне иногда вечером хочется выпить чашку липового чая, мальчик.

Барбара отвела его в кладовую с покатым полом, заваленную садовой мебелью и летними игрушками, под окном – пресс для винограда, дождь идет, урожай будет плохим. Они устроят спектакль в верхней части, а зрители пусть задирают головы.

– Кто придет, как ты думаешь?

– Так! мама, папа, дядя Жюль.

– Немой?

– Вообще он не немой, просто говорить не хочет, но когда его мама, моя бабушка, была жива, он говорил. Прекрасно говорил!

– В общем тут только десять мест.

Для его матери места нет, все для Будивиллей. Машины, замки, городской дом с каменными масками. Они переоделись в костюмы маркизов и разбойников, одна девочка надела платье с кринолином, другая костюм Красной Шапочки. Я убил отца, я отлично знал, что он вернулся, я сказал, что принял треск огня за топот овец Пьера. Или за дождь. А в небе было полно звезд!

– Твоя очередь, Жозеф, давай, пойдём, если ты забудешь реплики...

– Пока полный порядок, мама вяжет, дядя Жюль читает газету, они, вообще, нас слушают?

– Тетя Урсула постоянно разговаривает.

– Ох! Знаешь, эти взрослые!

– Но Кларисса, ты не можешь идти на сцену в таком виде. Только посмотрите: кальсоны спереди раскрываются. А ей разбойника играть!

83

Кальсоны Оноре. Где он, Бог мой? Уже три месяца нет новостей!

– Быстро, дайте булавку или какую-нибудь брошку.

Едва только маленький пухлый разбойник появился в лесу, где должен был с ружьем поджидать жестоких сеньоров, как один из почетных гостей, мсье Гонтран, наклонился вперед, приставил к глазам лорнет... – «Я играю в комедии в замке Поссесьон с Барбарой и Клариссой и их кузиной из Базеля. Я, Жозеф». По вечерам он наказывал себя, зажимая нос бельевой прищепкой. – ...и вдруг прыснул со смеху, шепнул что-то на ухо тете Урсуле-Поль, и они стали смеяться вместе, да так громко, что пришлось задернуть занавес. Что с ними? Эй! Эге-гей! – кричали они весь следующий акт, в котором сеньор находит свою дочь Красную Шапочку, похищенную цыганами – Скрипичный ключ!

Какой еще скрипичный ключ?

– Мой отец кричит громче всех. – У Барбары от гнева выступили слезы на глазах. – Господи, какие же они глупые!

– Скрипичный ключ, – кричали они, хлопая в ладоши, даже дядя Жюль с улыбкой до ушей мычал что-то радостно и стучал, как метроном, по спинке стула, и тетя Валери вытирала глаза, никогда я не видела, чтобы она смеялась, хмурое смуглое лицо, на стенах ледяных коридоров замка полно таких, и тетя Урсула-Поль кусала губы. Но мой отец смеется громче всех. Мой отец! Пьеса провалилась, даже до конца не доиграли.

– Но что с ними случилось?

– Это из-за броши в виде скрипичного ключа, которой мы спереди застегнули кальсоны Клариссы. До чего же они глупые!

Барбара сняла розовое платье с кринолином – молодая покойница надела его на свой первый бал в тот год, когда урожай принес сто тысяч литров под прессом, и преданный покупатель приехал уже в августе, небо было черное со странным желтым отсветом, предупреждающим, что в тучах созрел град и совсем скоро он выбелит поля. Желтая туча лопнула прямо над их виноградниками, преданного покупателя хватил апоплексический удар, наверное, к счастью... А то Валери, засидевшаяся в девках, вроде бы глаз на него положила. Бедняжка Валери, сама из сарая таскает дрова в дом, Сиприен сделал ее мишенью для насмешек, а тетя Урсула-Поль повторяет без конца: вот если бы у бедняжки брови были погуще...

– Сними это, Барбара, и что за жуткие угольные брови? Идите все умойтесь. И сюда не возвращайтесь, нам надо поговорить.

Дети, широкие брови, тонкие усы, уселись на кровать Барбары. В Париже тоже много пьес проваливается! Уверяю вас, наша пьеса была очень хорошая. И «Шпаги наголо!» – чудесная книга.

– Вы, конечно, знаете, что от нашего племянника Оноре давно уже нет новостей, – говорил в гостиную Гонтран.

– Племянник... дальняя родня.

– О! Сиприен, вечный скептик, я заботился об Оноре, как о родном сыне. После несчастного случая с его отцом...

– ...совершенно необъяснимого, он умел работать веслами, лодка отлично держалась на воде, и если бы...

– Хватит, Сиприен, мы в курсе, что вы тоже опытный гребец, что вы часами торчите на озере, вам ведь не надо семью содержать..

– Да, и возможно, торча часами на озере, я узнал кое-что... что вас бы заинтересовало. И даже очень.

– На чем я остановился? Ах, да! Оноре пропал.

– Это все, что вы хотели сказать?

– О! пропал... Египет – огромный, знаете ли, если человек какое-то время не пишет, во все необязательно, что он пропал, когда у них там хамсин, это как наш фён, писать просто нет сил.

Гермина, когда дул фён, закрывалась в комнате и подсовывала под дверь записки.

– Ну я здесь, наверное, лишняя, ваши семейные дела...

– Нет, нет, тетя Урсула-Поль, с вашими знаниями о Египте... итак, наш герой Оноре уплыл. На корабле, построенном на наши деньги. Он наверняка еще не раз объявится, пока мать его жива, если, конечно, не утонет до того, как она покинет наш бранный мир. Но что потом?

86

– О! Сильвия крепкая. Эти канатоходки, эти танцовщицы...

– Танцовщица? Вы уморить меня со смеху решили...

Конечно, они решили уморить ее со смеху, одну в монастырской келье, пищу клали у подножья главной башни, все вечера она на коленях простаивала: Гастон! Гастон! они решили уморить меня со смеху. Так и жила с гарпуном в боку, который в нее метнули когда-то.

– Как только Сильвия умрет, он перестанет объявляться. Когда я думаю... я же был ему вместо отца после гибели несчастного Гастона...

– И все-таки непонятно, тут кроется какая-то тайна, он же умел плавать, возможно, у нашего Сиприена есть догадки на этот счет.

– В общем, Оноре больше не будет писать, он мне прямо сказал, мне, своему дяде.

– О! дядя...

– О! Сиприен, ты хоть понимаешь...

– Эй! хватит! эй! хватит! не души меня, Гонтран, ты же не хочешь, чтобы моя смерть была на твоей совести?

– Мне совершенно все равно, учитывая в какой мы сейчас ситуации. Не знаю, вы все тут вообще понимаете, чем обернется отсутствие Оноре! Отсутствие. Это юридический термин. Это вовсе не синоним проживания за границей, как вы, наверное, думаете. Нет. Это Отсутствие с большой буквы «О». В этот период запрещено распоряжаться имуществом отсутствующего, даже если очевидно, что он окочился в какой-нибудь дыре...

– Гонтран! Что за язык! Мой отец *Gutsbesitzer*...

– Да, да, но Отсутствие Оноре! Вы отдаете себе отчет?

Чем оно обернется для нас? Этим крючкотворам понадобится десять лет, чтобы допустить мысль о смерти Оноре. Где мы будем через десять лет? Ты, Валери, будешь через десять лет свежа как майская роза. Если учесть, что на свадьбе твоего дорогого Гастона ты уже была не первой свежести.

Тогда под жасмином она все щупала пузырек с серной кислотой в холщовой сумке!

– Вижу, вы уже обсуждаете личные вопросы, мне лучше уйти.

– Нет, что вы, тетя Урсула, – вежливо возразил трефовый король.

Она встала, вышла из комнаты, унося со своими шерстяными нижними юбками и *snowboots* с отворотами из каракуля старушечий запах. Тысяча девятьсот семнадцатый, Египет, стаи перепелок! на губах вкус соли, небо потемнело, перепелки слетелись

на берег, дети ловили птиц соломенными шляпами, арабы несли их в пустыню и сушили под палящим солнцем. А коптская церковь у вечных песков! Страусиное яйцо, древнее, сверкающее, словно сделанное из слоновой кости, украшает верх масляной лампы, каждый раз, когда отодвигаешь занавес дикого винограда, видишь гигантскую черную ногу из порфира, и что теперь: тетя Урсула-Поль совсем одна ходит взад-вперед, качаясь, по квартире, набитой подушками, салфеточками и фотографиями Поля, отправившегося как-то утром в Эль-Файюм.

– Она могла бы здесь переночевать и не приезжать послезавтра на *garden-party*.

– Подумайте о слугах, Гонтран. Они уже с ног сбились.

– Но Роза охотно бы приготовила постель. Она услужливая, милая... Да, та, что похожа на Колетт, вы знаете... Но давайте вернемся к Оноре, Отсутствие – юридический термин...

– Телефон! Я отвечу?

– Хоть раз наш Сиприен на что-то сгодился...

– Не может быть! Ты! Тебе встретился Моби Дик?

– Моби Дик! это еще кто такой?

Сиприен возвращался, весело размахивая рукой.

– Вспомнишь солнце... Рад сообщить, дорогой Гонтран, что ваши опасения не подтвердились. Знаете, кто звонил? Оно-



ре, ваш драгоценный Оноре. Какое счастье, что он не угодил в пасть акулам и рыбе-пиле.

– Оноре... но откуда?..

– О! Не из Египта, а прямо из дома. Именно! Здравствуй, дядя Сиприен. Словно уехал неделю назад.

– Надо его пригласить.

– Утку есть не будем, до завтра не испортится, на улице не так уж жарко.

– Даже не думайте, Валери, утку... Утка маленькая, еле на двоих хватает. Нет, нет, у нас дома подавали утку на человека, дикую утку, разумеется, и даже Эгон...

Застрелился случайно, когда чистил ружье. Что она делает здесь среди этих чужаков? Юнкер вскоре составил ему компанию: завалился на паркете, вытянув длинные ноги в гетрах, упершись головой в стену, обшитую деревом, хоронили его без лорнета, куда теперь деть его лорнет и челюсть дяди Гельмута? все выбросили в *refuse-heap*.

– Короче, утка или не утка, вам, женщины, нужно расстараться. Жюля не считайте, он утку есть не будет. Сварите ему макароны с маслом.

– Утка хороша с начинкой из ранеток, вы знаете рецепт?

– Прошу тебя, Валери, перестань демонстрировать свои познания в кулинарии, да, да, мы в курсе, что ты помогаешь Гермине по хозяйству.

Незаменимая помощь, особенно когда дует фён. Но сегодня, вместо того, чтобы под-

совывать записки под дверь, страдалица вынуждена принимать дорогого племянника! У дяди Гонтрана всегда такое изобилие, тетя Гермина, похоже, деньги не считает.

– А Барбара? неужели? ее нет? мне так хотелось повидать свою очаровательную кухню, я здесь совсем ненадолго.

– Она ушла.

90

– Сказала, что пойдет к черту на рога дурака валять. У нас дурака валять не принято, Барбара. В Померании твой дядя Эгон...

– Не хочешь ли пострелять из лука, мой мальчик?

– О! дядюшка, вы наверняка превосходно стреляете!

– Да, и я был бы счастлив обрести компаньона по интересам. Все эти женщины...

– Только, дядюшка, я ненадолго, я скоро уеду обратно, я поручил корабль другу, управляющему гостиницей.

– Гостиницей?!

– О! Не ужасайтесь, тетя Валери, там даже у Будивилия может быть друг – управляющий гостиницей.

– Как же так? ты снова уедешь, Оноре? но ты хоть будешь объявляться?

– Пока мама жива, да, а после – полное исчезновение, не хочу здесь гнить в земле, не хочу, чтобы меня оплакивали.

– Ты едешь один? На твоём корабле нет матросов? Ты знаешь, Жак утонул?

На берегу – пустая могила, крошечная, размером с клумбу, что отводят детям

под Анютины глазки и Разбитое сердце Жанетт, на камне надпись: июньским утром он уплыл и не вернулся; не горюйте обо мне, я бегу от земли, от его могилы, где моя мать сажает цветы, у меня будет другая могила, огромная, со стеклянным потолком.

– А... а твое состояние, Оноре? ведь у тебя приличное состояние; о! конечно, уже не такое, как раньше, требования виноградарей, филлоксера, болезни, починка крыш...

– Здесь, ты видишь, ты помнишь? бывший *paddock*\*. Увы! мы не можем больше держать лошадей, кучера, все остальное... мы разоряемся, мой мальчик. Твоя тетя всегда тратила без меры.

– О! вы преувеличиваете, дядя, уверен, что у вас еще есть солидный пакет акций.

– Нет, клянусь тебе! Что за человек...

– Ладно, дядюшка, не сердитесь. Я понимаю, что должен умереть раньше вас. Это было бы очень выгодно для вашего кошелька. Потому что, если я умру без наследников – а я предполагаю, что так и случится – мое состояние, дом на улице дю Лак, виноградники и все остальное достанутся вам. Только вот, дядя Гонтран, я написал завещание. Что? Что он говорит, сын акробатки? Да, я. В первую очередь моя мать, разумеется, получит достойное содержание и еще... О! вы плохо себя чувствуете, дядя Гонтран? Вы страшно побледнели, бог с ней, с этой стрельбой

---

\* Paddock (англ.) – загон для лошадей.

из лука. Нет, вовсе нет, иногда случается легкое недомогание, у меня ведь, правда, слишком тяжелая жизнь... И Барбара, моя малышка Барбара, стала такой странной, к счастью, ты вернулся, Оноре, ты заменишь мне сына, которого у меня никогда не было. Не было из-за угря, кузен, капитан корвета (родственник Гермины, один из нахлебников, у нас их с десяток порой собирается, не считая нежданного гостя, пилигрима в белом одеянии) капитан корвета принес его за пазухой и выпустил в пруд; и когда остальные угрёвые отправились в Саргассово море, этот выполз из пруда и спрятался в траве, Гермина наступила на скользкую спину, у нее случился выкидыш, наверняка родился бы мальчик. К счастью, ты вернулся, ведь я люблю тебя как сына, да, да, правда. Послушай, о чем мы говорили? Твоя мать, разумеется, будет обеспечена...

– А оставшуюся часть я завещаю Благотворительному фонду маленьких японских рыбаков.

– Но это... да всего твоего состояния не хватит, чтобы... ну, нет, это чересчур, чересчур...

– Успокойтесь, дядюшка, я пока только собираюсь написать завещание; у меня ведь есть право завещать в пользу того, кого хочу? Я приехал проконсультироваться с нотариусом, завещание же хранится у нотариуса? И, конечно, на вашу помощь в этих делах рассчитываю, потому что в некотором роде вижу в вас отца. Мой бедный отец... он взял меня

с собой в лодку в тот день, когда... и отвез меня обратно на берег, потому что слишком штормило, он меня очень любил, знаете...

– Вот мы и пришли, я повесил мишень на изгородь...

Гонтран упер нижнее плечо лука в ботинок. Натянутая тетива выпрямилась, издав глухой звук, как струна виолончели, на концерте музыканты кладут на плечо прекрасные палисандровые грифы... «Вы пробовали затыкать уши на концерте? Я так делаю. Это очень смешно! Мне смешно, по крайней мере. *Privatvergnugen*\*».

– Надо обязательно попасть в мишень, иначе убьешь кого-нибудь за изгородью, в общем, дело опасное.

– О! дядюшка, как забавно! Ваши стрелы отравлены? В лучших традициях Востока. Bravo, дядюшка, прямо в яблочко. Теперь я. Неплохо. Ты все-таки попал в мишень, да, но вы, вы – король в стрельбе, я вам сделаю корону из веток изгороди! о! в ней мой дядюшка Гонтран будет как две капли воды похож на трефового короля. Без бороды. Мы стреляем из лука, и вот что вытворяет этот недоумок, этот тупица, неудивительно с таким-то отцом, как у него, и матерью тоже! Этот недоумок обрывает, смеясь, изгородь из лавровых кустов. Сумасшедший, идиот. Эй, дядюшка, что вы делаете? Слушайте, если

---

\* *Privatvergnugen* (нем.) – для собственного удовольствия.

бы я не пригнулся, ваша стрела вонзилась бы мне прямо в шею! Нет у вас права на корону, так и знайте. Вы бледный как смерть, теперь моя очередь, я за неделю натренируюсь и смогу вас победить.

– За неделю?

– Да, я уеду через неделю, как раз успею встретиться с нотариусом, нет у меня особого желания быть застреленным в ваших широтах, и потом я не выношу холод, по ночам уже дуют первые осенние ветра – ах! в этом проклятом доме окоченеешь, пока оденешься, и Жак будет ругать меня за красные руки, он страшно придирчивый: «Чтобы иметь красивые руки, Барбара, надо за ними ухаживать»; вот и дождь, ледяной дождь, как Гонтран, вы уходите? Пойду грибов соберу, хочется разнообразить меню, пригласим Оноре на обед в воскресенье. Грибы? у нас в Померании грибы только слуги ели.

Сидя за письменным столом, он листал книгу о грибах и Готский альманах, потому что завтра королева... Стопка неоплаченных счетов росла, хлыст без дела валялся на Библии, цветные карандаши – на красном подносе с ажурными краями, посередине которого чернело пятно, таинственный остров, единственный, куда бы мог причалить, не получив отказа, корабль с матерями, кутающими плечи в шерстяные шали. Бедный трефовый король бродил по лесу. Мухоморы прекрасны, но их яркие шляпки слишком заметны, он бы сам с удовольствием съел па-

рочку, что его держит в жизни теперь, когда Барбара почти каждый вечер исчезает из дома, друзья, – шепчет она, а у ворот парка уже сигналит машина, разумеется, это совершенно невинно, но немного грустно. Жизнь без любви. Потому что Гермина, воистину... темперамент полностью соответствует имени: да! с крестинами Юнкер попал в десятку, холодная как куница, хотя даже куницы в брачный период громко верещат на чердаке, и клочья шерсти во все стороны летят. Вот несколько боровиков, как же все стало сложно, во времена его детства боровики сотнями собирали, слугам по воскресеньям давали два свободных часа сходить по грибы, потом они возвращались в пристройку с башенкой, в нижнюю комнату, кишевшую ухвертками из-за того, что рядом почти вплитирку стоял дровяной сарай; Гонтран аккуратно завернул в платок бледную поганку, которую, наконец, нашел под опавшими листьями, вопрос в том, как теперь подложить ее в тарелку Оноре. Может, эта кастелянша, довольно привлекательная, честное слово, она всегда любезно соглашается помочь с воскресным обедом... За поденную плату? За поденную? – спрашивала она, заговорщицки глядя на него.

– Превосходно, повторял Оноре, как же вкусно у вас готовят, тетушка; но ты ведь привык к экзотической кухне с разными специями, я поэтому велел посильнее поперчить грибы, не слишком остро для тебя, нет? Во все нет, дядюшка, не вставляйте, пожалуйста,

я сам положу. Послушай, Гонтран, а где Роза? Куда запропастилась эта девица? Почему она не подает нам второе?

96 – Я ей сказал, что мы сами справимся, Гермина, сегодня все-таки воскресенье, эти люди тоже хотят отдыхать, представь себе. Но Барбара могла бы помочь, почему вы, Гонтран, отправили ее гулять с друзьями, вы же обычно... И вы еще звонили... нет, Гермина, вы ошибаетесь, всегда рассказываете то, чего не было, но вы звонили, послушайте, я уверена... на почту, чтобы вам срочно принесли пакет, какой еще пакет? и почта утром по воскресеньям закрыта... Но не между одиннадцатью и двенадцатью.

– Ладно, ладно, тетя Гермина, какая разница?..

Она просто петлю у меня на шее затягивает. Всегда была занудой, с первого дня. Тебе добавить грибов, Оноре? О! лучше бы он яды изучал, вместо Бергсона, Фабра, Рюйера и Библии, хозяйство целиком и полностью на нем, честное слово; и ведь до этого момента все так легко шло, Роза, Розетта на кухне: вот и к нам мсье заглянул, радостный, веселый. Впрочем, с Розеттой он всегда такой. Если бы мне позволили развлечь его высочество принца, уверяю вас, он бы тоже не заскучал и перестал бы каждую минуту вытаскивать часы из кармана. Этот гриб, посмотрите, Розетта, сварился быстрее других, я хорошо разбираюсь в грибах, надо его достать, он какой-то необычный; Гонтран выложил



гриб на тарелку у сервировочного окошка за спиной Розы: о! в общем-то от нее больше ничего не требуется, нет, нет, на улице погода хорошая, воскресенье, наверняка ее ждет милый друг... тут она поджала губы, нахмурилась, с чего, подумал он, женщин не понять, наконец, все-таки удалось ее выпроводить. Но прежде чем уйти, она сама завязала ему на талии фартук из клеенки: довольно хорошенькие ручки в сравнении с лопатами Германы. И ведь приходится мусолить это блюдо с грибами, сейчас, когда мир скачет как ягненок, когда неожиданно вернулось лето и горы спорят с небом, у кого прозрачней синева, в итоге пальмовая ветвь достается горам, и ангел, спускающийся по косым лучам, несет ее в вытянутой руке. Ну, правда, Оноре, тебе грибы не кажутся слишком перчеными?

– Нет, дядюшка, очень вкусно.

– Роза не умеет их готовить, поэтому... То есть Роза не умеет?... ну что вы такое говорите, Гонтран? как раз грибы ей удаются лучше всего, но, слушайте, Германа, вы прекрасно знаете, когда речь идет о грибах, я сам отправляюсь на кухню.

Толкнуть ее ногой под столом? Она, идиотка, туго соображает, еще потребует объяснений, блондинка, заторможенная, как фасоль, которая медленнее медленного растет на огороде. О! все приходится тащить на своих плечах, это слишком, в конце концов, однажды он не выдержит, тогда посмотрим, как они запляшут. Поднимая взгляд

на Гермину, он, не дойдя до носа, остановился на ее старом подбородке. Кофе сели пить под пурпурным буком, единственным, кто все лето напоминал об осени. Гонтран искал еще кофе на кухне, вымыл тарелки. Не хочет ли Оноре слив? слив из Поссесьон? Это Роза, Розетта, собрала их в густой высокой траве: сена много, год пустой, другого урожая не жди.

– Спасибо, дядюшка, ваши сливы превосходны, но знаете, моряк...

Он встал и... схватился за ветку бука.

– Оноре! Что с тобой, мой мальчик?

– Ничего, не знаю, может, портвейн или ваши грибы.

– Мои грибы? Ну прежде всего это не мои грибы.

– Я хотел сказать... добавленный туда коньяк.

– Но, Гонтран, грибы все-таки собирали вы, Оноре вполне вправе сказать: ваши грибы.

– Как, дядюшка, вы сами искали грибы? для меня? Как это мило!

– И вы видели, Оноре, он сам готовил их на кухне.

Никогда Гермина, чертова дылда, не знала, что можно говорить и что нельзя. Зачем он взвалил на себя эту ношу, когда есть столько красивых девушек: например, Арлет, дальняя родственница. Маленькая теплая кошечка. Жаль, имя у нее не слишком благородное. Оноре ушел, тяжелые взгляды дяди и тети

сверлили ему спину. На корабле лучше, лежишь плашмя на животе, над тобой балки закругляются... выходит, балки на чердаке, где когда-то жили сказочные звери, летучие мыши и куницы, были предзнаменованием.

– Оноре немного бледный, вы не находите?

– Он потел.

– Как? он потел? что вы говорите?

99

– Но, Гонтран, почему вы на меня так злобно смотрите? Стоит мне слово сказать... я здесь кручусь как белка в колесе. Ужасно, я здесь очень несчастна.

– Все исключительно ради вас.

– Куда вы?

– Догоню Оноре.

Он видел, как Оноре вошел в дом Будивиллей, ворота, каменные маски, кто подержит ему голову, когда начнется рвота! Не эта же шлюха Сильвия! Бедный маленький Оноре. Виктор идет вихляющей походкой, черт побери, все бабы его. Неужели смертоносная поганка действует так медленно? Лучше бы я изучал микологию, чем Бергсона, Уильяма Джеймса и Фабра. Решили, кто за кем будет караулить грядки розовых ландышей?

– Конечно! Ваша Роза заявила, что охотно возьмет дежурство в два часа ночи.

– Да, но это не моя Роза...

Садовник, Роза, Розетта, кастелянша, караулили грядки с розовыми ландышами, ангел колокольни, привязанный к шпилью башни, звонил каждые полчаса в колокол,

даже урагану Европа не удалось его отвязать, только жестяные петухи взлетели с насиженных мест, да несколько стреноженных на ночь мулов, сменив привычное, как у глухонемых, выражение морды, помчались подалее от горы, похожей на сахарную голову, и от горящего у ее подножья ребенка. Буря пыталась вырвать игру с маленькими лошадками у матери Жозефа, но та крепко прижала коробку к себе. Антиквар заторопился на встречу: в нашем деле нельзя забывать, что покупательница в старой блузке с черными кружевами и нелепой соломенной шляпе с рюшами может оказаться графиней. Когда антиквар узнал, что она хочет продать старинную игру, лицо его потухло. Он подождал, пока она развязала веревочки: положите сюда, сюда, вы не видите? не сюда, не на круглый столик, это же настоящий Людовик XVI. Однажды он, краснея и бормоча: «Какая... *morbidezza*\*!», показывал самой королеве портрет благородной дамы Ван Лоо, и теперь ему предлагают игру с лошадками? Лошадка скакала галопом, хвостик развевался на ветру, потом, поджав ножки, перепрыгнула реку, зеленый газон перед замком: на помощь, на помощь, есть опасность, что все повторится, достославный трэфовый король стоит перед Поссе-сьон, и павлин кружит по двору еще не проданной фермы.

---

\* *Morbidezza* (ит.) – чувственность, мягкость.

– Увы, мадам, игра не имеет ни малейшей ценности, мне такие предлагают каждый день, и ваша, кстати, никакая не старинная.

– Но у меня есть картина, на которой мой прадедушка в нее играет.

О! скорее спрячьте, засуньте в шкаф его портрет, а иначе... о! он уже тут как тут, старый моравец с женой, крепкой крестьянкой, и сыном, моим будущим дедом, клавшим обшитый жемчугом воротник под Библию вместо глажки, и...

101

– Плевать мне на вашего прадедушку, взгляните на этикетку.

– Мы отдавали в починку. Мой сын...

– Простите, я очень занят. Самое большее – двадцать франков.

– Двадцать франков! разве это справедливая цена? а Жозеф так хотел надеть что-то новое на вечеринку в саду.

Виктор с деловым видом покусал карандаш.

– Бедный мой Жозеф, придется тебе опять надеть костюмчик с первого причастия.

– Но он же короткий, рукава – досюда, брюки – досюда, он с самого начала был мне маловат, его же еще Конрад носил.

– Но подумай о расходах, принеси костюмчик.

– Видишь, в самом деле слишком маленький.

– Посмотри, достаточно большой. Если переставить пуговицы, если отпустить брюки...

– Я одет по-дурацки, как клоун. Как убийца. – Иногда в деревне дым из труб или дым от костра, разожженного мальчишками-пастухами пах тем же, чем дым пожара, жареным кофе, горевшими простынями и могильными венками, дети стоят в октябрьском тумане, колокола звонят непривычно быстро – это Мартин чинит часы на колокольне. Три часа! Жозеф, собирайся, уже пора на вечеринку в саду, куда ты положишь липовый цвет?

– Дашь мне свою красивую холщовую сумку с цветами? Понимаешь, я не могу положить липу в простой бумажный пакет.

– Ты уверен, что ей нужна твоя липа? Странно, что в таком большом поместье... я знаю, что я там никогда не была!

– Еще побываешь, мама, клянусь, когда мы совершим... первые станут последними, и ты станешь королевой.

– А твоя Барбара?

– Никакая она не моя, эта Барбара.

Он ушел, озеро тихо плескалось о берег, Жозеф кинул «блинчик»: раз, два, три, четыре; Барбара, пожалуйста, будь вежлива. Загорелое лицо занавешено светлыми волосами, Барбара спускалась на пристань встречать королеву. Потому что несчастная Гермина... о, настоящий гренадер в зеленом платье, расшитом черным стеклярусом. Знаете, Гермина, я тут листал модные журналы, чтобы отдохнуть от Бергсона, Рюйера и Фабра, и не увидел *ни одного* платья, похожего на ваши, забавно, не правда ли? А ведь есть

другие женщины, красивые, например, Арлет, миниатюрная, изящная, гибкая... только вот имя совершенно не благородное... но можно звать ее Катон. Ее Величество тем чудесным сентябрьским воскресным днем пожелало плыть на корабле с толпой Малоухих.\* Солнце жарило нещадно, поздновато спохватилось: град уничтожил урожай, трефовый король грозил светилу кулаком, стрелял в него из лука на бывшем *raddock* да только стрелу потерял. Пять франков. Надеюсь, вы помните, дорогая, что вам следует звать королеву просто «госпожа»? Что? Или вы собрались звать ее «Госпожа королева», как какая-нибудь служанка? Нет, разумеется, у нас в Померании... – она репетировала реверанс... – к тому же мы – родственники принцев Тюрна и Таксиса. Гренадер, приседающий в реверансе! Ах! если бы тут приседала гибкая Арлет-Катон! впрочем, она хоть и родственница, но дальняя, вот и пусть стоит с толпой Малоухих у забора. Вы позаботились об апельсинах? кажется, принц их любит. Все лучше, чем авокадо, по вкусу напоминающие дешевое масло или маргарин... Мы, Будивилли, теперь в изоляции, экзотические фрукты не поставляют уже несколько месяцев, редко по случаю нам их привозит красавец Гейтманек, уроженец Граубюндена, единственный,

---

\* Катрин Колом противопоставляет два племени Малоухих (*Petites-Oreilles*), слуг, подданных, и Большеухих (*Grandes-Oreilles*), господ, сильных мира сего.

кто сейчас не боится летать в объятые пожаром страны. Апельсины положили в вазу севрского фарфора с широкими золотыми краями, собственность семьи Баденге в Тюильри, спасенная слугой из Ури, которому во время пожара удалось вынести весь сервиз в большой корзине, прабабка мсье Гонтрана была родом из Ури, фён гнул березы в саду, в полдень на пороге длинного патрицианского дома появлялась кухарка и, оправив синий передник, кричала: «*Zu esse! cho!*!» От севрского сервиза остались три вазы. Барбара ждала королеву, корабль приближался, отплывал и, наконец, причалил, сын опекуна с гордым видом закрутил трос на корабельном приколе: о, я вижу королеву, это она! В толпе приближенных неприкасаемых Малоухих – расплывшийся силуэт в плотной черной вуали и черной газовой накидке до пят! «Боже мой, что скажет папа! королева в глубоком трауре! по кому, о, Боже?» Принц с карманными часами тоже выразил желание посетить замок. Вечером, склоняясь над картами и путеводителями, королева ткнула большим аристократическим пальцем в поместье, взглянула на принца, подняла брови, перхоть сыпалась на стол с шумом скачущей вдалеке кавалькады; они говорились на разных языках и потому объяснялись знаками, принц правил крошечной страной, где не было ничего, кроме замка и зубопротезной фабрики, благоразум-

---

\* *Zu esse! cho!* (диал.) – За стол! Быстро!



но сделавшей запас стали до ее широкого применения и теперь снабжавшей ею мир, чтобы тот убивал детей. Но когда детей не убивают, когда они пропадают, это еще хуже, мать тащила собаку за ошейник: Ищи, ищи, Кайу, только ты знаешь, что случилось! Ты задумишь собаку, оставь ее в покое. В покое?! она же знает, кто украл дочку? Мадам Будивиль в зеленом платье, украшенном черным стеклярусом – не иначе под землей его расширивала, в шахтах своего отца – слишком некрасива, чтобы встречать королеву. Боже мой, но кто же умер в королевском семействе? Надо бы приспустить нарядный флаг, плещущийся над замком. Слишком поздно, слишком поздно! Несчастный Гонтран, пятась, вел к замку траурные вуали, черное соломенное пугало, но у порога оно, короткое и толстое, вдруг повернуло обратно, Гермина, идиотка, – ни на что другое, как обычно, не способна – поставила у двери чайник с огромной охапкой дельфиниумов, оказавшихся выше королевского роста на две головы. По кому, по кому она носит траур? Слепец! Не оставляйте Ее Величество, я вернусь через секунду, он удалился, пятась задом, бросился в кабинет с только что навощенным паркетом, в отчаянии пролистал единственный имевшийся у него Готский альманах тридцатилетней давности. Нет, в конце концов, это слишком, ни в чем никакой помощи, ах! как же мы плохо организованы! Гермина, тоже мне хозяйка, ей ли принимать королей, и Валери хоро-

шо устроилась, сидит себе дома за ширмами с кроссвордами и пазлами. Королеву между тем выгуливали в саду, иногда она, как глухонемая, мычала из-под плотных вуалей: «э! мэ!»; ее родной язык был рудиментом первого человеческого языка, в ее стране ангелы построили Вавилонскую башню, и недавно на принадлежавшем ей рисовом поле откопали их надежно спрятанные инструменты. Если в наших краях начнут переворачивать могилы, то найдут кости да обрывки черных шерстяных ниток. Кажется, королева поднесла ко рту кусок пирога, вот и крошки с колен стряхнула, значит, пирог съеден. Барбара тут же положила ей на тарелку второй кусок. Принц схватил Розу за руку – вот, сам принц меня за руку берет! О! я всех их обведу вокруг пальца – но лишь для того, чтобы сплунуть ей в ладонь апельсиновые косточки: все, мы пропали, теперь, разобравшись с косточками, он вытащит часы, поднимет брови... у Блервиллей он оставался гораздо дольше. Ах! если бы мне довелось его развлекать, мне, Розетте, молодой кастелянше, ручаюсь, он бы не заскучал.

– Барбара! куда ты, Барбара? останься с принцем, куда ты идешь?

– Встретить Жозефа, он не решается войти.

До чего же наша Барбара любит *popolo*\*! это не моя наследственность, мой отец,

---

\* *Popolo* (ит.) – народ.

*Gutsbesitzer*... Жозеф с большой цветастой сумкой шел по улице, в траве валялся гранитный чан, печь в прачечной разрушалась, зачем теперь, когда есть стиральные машинки, затевать там ремонт? фонтан, из которого не до конца слили воду, при наступлении холодов взорвался, но, несмотря на суровую зиму и на обмороженную кожу Барбары, лето выдалось дождливым, год плохим, еле покрыли расходы. Становилось свежо, как объяснить черному соломенному пугалу, что лучше вернуться в дом? Невозможно! Как говорится, если мы – королева, мы везде чувствуем себя как дома. Что на нее вдруг нашло, зачем она приглашает эту дылду Гермину? и всех этих Малоухих, толпящихся у забора? и этого мальчика, идущего по газону с нелепой цветастой сумкой? Мадам Будивилль схватила его за тощую руку и развернула к себе: что вам надо, черт возьми? Что? вы принесли мне липу? да тут на целый полк. Ваше Высочество, извините за глупый инцидент, это сын одной нашей крестьянки. Сейчас, сейчас принц точно вытащит часы, поднимет брови, а мы ведь уже почти догнали Блервиллей, у которых он оставался час сорок пять минут.

– Липу! вы меня усыпить решили?

Она запрокинула голову, открыла рот: ха! ха! ха! – а глаза круглые, грустные, прекратит она когда-нибудь смеяться? Липа – большой светлый собор, Жозеф, не упади, малыш, два бледных листика, ни у одного дерева нет таких, два бутона, один распутившийся цве-

ток, его надо сорвать, пока тычинки не по-рыжели, иногда думаешь, что рвешь цветок, а это зеленая пчела, листья липнут к пальцам, я так люблю липовый чай, и представляете, мальчик...

Жозеф бросился бежать. На крыше Поссе-сьон Фрида высунула голову в слуховое окно, дом в тридцать комнат – огромное каменное платье под рыжей гривой. Солнце осветило одну сторону пирамиды из траурных вуалей: наверное, уже половина шестого. Мадам Будивиль продолжала смеяться, может быть, мой громкий смех помешает ему вытащить часы, мы догоним Блервиллей, извините за инцидент, Ваше Величество, ох уж эти крестьяне, вообразили, что им все позволено, это сын одного из наших садовников. Липы принес!

– Такой трогательный в своем костюмчике не по росту. Я бы с удовольствием посмотрела поближе на этого маленького рыбачка.

– О! Ваше величество слишком добры.

– Нет, действительно, почему бы ему не остаться, такой очаровашка, носик вздернутый, веснушки, большой рот.

– О! Не желает ли Ваше Величество, чтобы его догнали?

Его?! когда у нас тут и Большеухие есть, например, Блервилли, красавчики, правда, немного расплывшиеся, хотя каждое утро ездят верхом.

– Очаровательный мальчик! Он живет в замке?

Принц вздохнул, вытащил часы, поднял брови и удалился. Пугало в черных вуалях, шутиха, майское дерево последовало за ним, бросив гостей, по пути к пристани ее всю обсыпало листвой, а ветка пурпурного бука вместо шляпы накрыла соломенную башку. Мать ждала на углу дома: наверняка, Жозеф вернется довольный. Но он издали махал рукой: нет, нет.

109

– Не получилось, мама, не спрашивай ничего.

Жозеф закрылся в комнате, и только, когда озеро стало золотым, спустился, наконец, сел рядом с матерью на зеленую скамейку под синим виноградом. Он их всех по шею зароеет в парках и отдаст на съедение тысячам пчел.

– Там была королева, знаешь.

Вот бы сказать ему: Посмотри, Жозеф, посмотри, кто к нам идет, Королева Ночи, – но она не решалась.

– Это же донжон, кузен Гонтран, – с умным видом говорили кузены из Германии. – У вас же тоже в былые времена практиковался *Galgengericht*?

– Казнь через повешение? Конечно!

– Вы должны поставить памятник, чтобы ... не все семьи имеют право распоряжаться жизнью и смертью слуг.

Роза собирала бумажные формочки, валявшиеся на газоне.

– Наш сосед в Германии заказал мраморную плиту с надписью: «Здесь графы фон

Фейхтреслебен – он сам граф – проводили *Galgengericht*» и принес эту плиту в дар деревне. И был большой праздник, все картофельные поля в серпантине. Нет, Вильгельмина, по правде говоря, не думаю, что здесь это хорошо воспримут. Попробуйте все-таки... а этот граф, кстати, женился на прыщавой Урсуле, которая при взгляде на свои крупные красные руки, лежавшие на скатерти, заливалась слезами? Слепая! Она еще пожалеет о левой руке, оторванной американской бомбой.

Теперь на улицах, кроме детей без рук, без ног, появились колонны тачек, в которых везли младенцев с лицами, похожими на гипсовые маски, Мертвое море, где плавает изумрудное кольцо, соскользнувшее с пасторского пальца, от нас далеко, виноделием у нас заниматься все дороже, град и милдью уничтожили виноградники, кучера и экономок пришлось выбросить за порог в дорожную пыль: ограничимся кастеляншей, рекомендованной тетей Урсулой-Поль, вот увидите, работает как лошадь и честная, яблочка не возьмет. Немецкие кузены отправились домой, раньше они приезжали на рысачках и пока гостили в Поссесьон, мадам Будивилль, красная от гордости, сопровождала их верхом, теперь конюшню переделали в гараж, над воротами каменное лицо без щеки, отвалившейся из-за жары и запаха кучерского пота.

– Забавная женщина, эта кастелянша.

Они пили кофе за столом как крестьяне, Гермина – в образе жертвы, с компрессом

на лбу. Гости придут точно с восьмым ударом часов, раз в год они приглашали в замок нескольких Малоухих, а сегодня решили убить сразу двух зайцев: после приема остались бутерброды и печенье. Малоухие, оторвавшись от застеленных клеенкой кухонных столов, куда не грех локти положить, от овец и от рыбалки, топтались в гостиной. Оноре проплыл мимо на самоходной лодке, вода заливала дно, подгнившая доска расшаталась, надо бы снова удочку закинуть, да крючок за кусты зацепился. Некоторые гости, в черном и сером как птицы, сидели, нахохлившись, на золоченых стульях, от смущенья ковыряя перекладыны изогнутых спинок. Гермина с легкой гримасой опустилась в кресло. Жалкий спектакль в четырех стенах, подумать только, ведь вокруг замка простирается целый мир, ангелы бьют о берег мощными крыльями, кренятся и со страшным шумом падают огромные деревья, старая ива у пруда, каштан у фонтана, молодой вяз на лугу у брошенного *raddock*. Юбка в складку скрывала плоскую, шершавую с синими венами задницу, Гермина, наведя лорнет на тощую супругу бухгалтера, задумчиво протянула: Вы очень худая, кожа да кости. От супруги бухгалтера, как от мертвой в могиле, почти ничего не осталось: еще месяц назад ее ребенок сидел у низкой оградки возле пруда. День, похожий на другие, ничего особенного не предвещавший родителям, еще час, еще сорок пять минут – у вас пока двое детей. Слепые!

Плачущую старшую сестру задержала в школе дура-учительница, младшая возвращалась одна с портфелем, леопардовым, из коззамениителя, и, взлетев в воздух, приземлилась на левую сторону дороги: огромная повозка, слепая, глухая, с полумертвыми лошадьми в упряжке, ехала, давя на своем пути ребенка, улитку, овцу Пьера.

112

– Ну-с! вы видите, Гермину, как я принял вашего бухгалтера, ему не на что жаловаться, я крепко жал ему руку, смотрел в глаза. Я все время думаю: вот – преданный человек, на все ради нас будет готов, если однажды понадобится послать кого-нибудь на поиски пропавшего Оноре и засвидетельствовать его смерть.

– Говорят, бедняга каждый день ходит на могилу младшей дочки.

– Правда? а как же работа? Полное отсутствие *self-control*.

– Но будем справедливы, если бы с Барбарой случилось несчастье...

– Послушай, это не одно и то же. И где она опять, эта Барбара?

– С друзьями, кажется.

– С какими друзьями? Они нашего круга? Мне это не нравится, почему она не помогала угощать слуг? И вчера, стоило королеве сесть на корабль, исчезла? Все-таки хотелось бы знать, по кому королева носит траур? По матери Пандита?\* по вождю племени

---

\* Джавахарлал Неру, известный также как Пандит (Ученый) Неру.



Тука\*? Мы даже соболезнования ей не принесли. Только смотрели умильно. Даже флаг не приспустили! Ваша вина тут тоже есть! Если бы вы читали газеты, вместо ваших *Roman-Quelle*, мы бы были в курсе, но нет, я один, всегда один, тащу на себе дом, поместье, виноградники, которые с каждым годом приносят все меньше прибыли, черт возьми, куда мы катимся? Вы помните тысяча девятьсот одиннадцатый год? Нет, конечно, мой отец еще не умер, лето великолепное, вино чудесное, тогда все и закончилось. Потом в семнадцатом году вина было море, но до того плохого, что проклятые торговцы купили у нас все оптом по тридцать сантимов литр, бедный отец, до сих пор слышу, как он кричит: Я его в озеро вылью! Или пошлю Саре Бернар, пусть принимает ванны. И с тех пор что ни лето, то дождь и ветер. Корабль страшно качало, вода – сплошь в белых перьях ангелов. Подзорная труба капитана корвета, выпав из рук, покатила по паркету. Это insult, у мадам Гастон случился insult, ее наполовину парализовало, всю левую сторону, нет, правую, ну послушайте, левую точно, я же сегодня утром относила ей завтрак, и что я увидела? Я нашла ее на полу, она головы не могла поднять, кусала ковер из Смирны, и даже чайники, застрявшие в ворсе, никакая уборка не помогает, не могла выплюнуть. Я, конечно, с удо-

---

\* Племя Тука – имеется в виду один из народов Туркестана.

вольствием занимаюсь хозяйством, но, когда родственники приезжают, у меня слишком много дел, пожалуй, нужно снова нанять Розу, которую мы уступили мадам Гонтран, но она не согласится вернуться, в доме же нет мужчин. Подзорная труба осталась на столе, напрасно Сильвия старалась до нее дотянуться, одна рука пока работала, а другая лежала сбоку, как свинцовый кол.

– Вы отдаете себе отчет? – спрашивал трюфовый король у сбежавшихся родственников. – Вы отдаете себе отчет? Сильвия вот-вот умрет, а ее сын в отъезде. Где он, черт возьми? Как решать вопрос с наследством?

– О! она крепкая, как дуб, еще несколько лет протянет, эти акробатки...

– Акробатка! Не смешите меня, она за каской сидела, продавала билеты.

– Вовсе нет, она...

– Тихо! Мы здесь собрались не для того, чтобы выяснять биографию нашей дорогой Сильвии. Скажите, что мы будем делать в случае ее смерти?

– Быстро вы ее отправляете *ad patres*<sup>\*</sup>, мсье.

– О! вы, Сиприен... Вас, конечно, наследство не интересует? Ни прекрасный дом в самом центре города. Ни лучшие виноградники. Когда я думаю, что сын этой канатоходки...

– Сын канатоходки и рогоносца, как ни крути.

---

\* *Ad patres* (лат.) – к праотцам.

– Сиприен!

– Что такое, вы краснеете, Валери, мой невинный цветочек? Мне-то кое-что известно, и вы наверняка обрадовались бы, если бы узнали мой секрет.

– А если он сгинет в море...

– Вам бы этого очень хотелось, правда? И чтобы у вас имелось официальное свидетельство его смерти.

– Вовсе нет, Сиприен.

– Вы преувеличиваете, Сиприен.

– Вы так думаете, Валери?

– Черт побери, дадите вы мне сказать или нет?

До чего же мучительна неизвестность. Если бы Оноре возвращался хотя бы раз в год, то и проблем бы не было! Господи, Боже мой!.. Но если Сильвия умрет, а проклятый мальчишка пропадет без вести, мы ни гроша не сможем потратить, не доказав его смерть, вы понимаете или нет? Давайте пошлем кого-нибудь в Египет?

– О! меня, меня, пожалуйста, мсье. Вот только шляпу надену и сразу в путь.

Оноре! Оноре! Оставь свой висячий остров!

– Она полностью парализована?

– Речевые центры задеты, она может только стонать и поворачивать голову к окну.

Вернись, Оноре!

– Сиделку круглосуточно, мы оплатим.

– Позвольте, позвольте, деньги пока еще принадлежат Сильвии, и она не умерла.

– После третьего удара...

– Который может случиться через несколько лет...

– Вечный оптимист Сиприен. Мсье все равно, мсье спокоен. Какое ему дело, что денежки тети Урсулы уплывают у него из-под носа? Ему и в двух комнатах хорошо живется, никому не должен, полдня на озере сидит...

116

– ...где узнает вещи, которые могли бы вас сильно заинтересовать, мсье.

Оноре! Сын! Вернись! О! Господи, однажды я дала тебе пощечину, потому что ты в школе на доске написал *merde*.

– И потом, что это за новая мания называть меня мсье?

– Мне кажется, вам подходит.

– У меня дочь на выданье. У меня поместье скоро разорится, пять тысяч литров в этом году, а раньше было сто и без дополнительных расходов.

– Ладно, предположим, Сильвия умрет через пару дней, и мы, естественным образом, получим главное право наследования.

– Ой ли! Ой ли! А про Оноре вы забыли? Это ее сын... сын... одно название...

Вернись, Оноре, сынок. Когда ты возвращался на своем корабле позже, чем обещал, у меня сердце останавливалось.

– Во время родов... мы с Гюставом и несчастным Гастоном ждали в соседней комнате, следили, чтобы этого полукровка не подменили.

– Именно, именно.

– Крики ужасные, господи-боже! О! сразу было понятно, что Сильвия – женщина неблагородная. Такие цыганки, как она, рожают под забором, встают и занимаются дальше своими делами. В общем, нужны доказательства смерти Оноре.

Вернись, Оноре, мой сын! Я наизусть выучила твои письма из Китая: твой корабль плывет по рекам с белыми цветами, похожими на наши водяные лилии, но до того прочными, что по ним разгуливают китайцы в желтых платьях. Оноре! Вернись, даже если башмаки твои полны песка. Разве я ругала тебя когда-нибудь за мокрые следы на паркете в гостиной?

117

– Хоть один из вас знает, сколько времени требуется, чтобы признать умершим без вести пропавшего? Десять лет. О! надо отдать мне должное, я сделал все, что мог. Когда он здесь на берегу строил корабль со стеклянным дном, я чувствовал, что это опасно. Для него, разумеется. Я старался отвести его от озера, оплачивал ему походы в горы, вы даже об этом не подозревали. Без гида, конечно, у них бешеные цены, но он очень спортивный, наш Оноре...

– ... и всегда возвращался к своим рыбам и ракушкам.

Оноре, темная прядь, смотрел на дядю Гонтрана, идущего вдоль берега: пальто на целый палец короче, чем надо, за спиной трость, доставшаяся в наследство от несчастного Гастона, трость с золотым набалдашни-

ком, уж кто-кто, а дядя Гонтран набалдашник никогда не потеряет. Да, обручальное кольцо пришлось распилить у ювелира Виктора, когда палец от холода деформировался. Отопление? центральное отопление со стенами в метр толщиной? Даже не думайте, моя дорогая. К тому же скоро изобретут солнечные батареи. Холодными весенними ночами он наведывался в сад к розовым ландышам, проверял, сменила ли кастелянша *butler*\* в полночь. Если нет, он ничего не заплатит за вахту.

Вернись, Оноре. Я скоро умру. Где тебя искать?

– Все деньги Будивиллей уходят на этот чертов корабль! О! через десять лет из нас песок посыплется! Ты, Валери... куда она? Исключительно между нами говоря, клянитесь, что ни одной живой душе не скажете, но согласитесь, после несостоявшейся помолвки с Гастоном наша Валери немного тронулась умом. Определенно. Не знаю, благоразумно ли с нашей стороны оставлять ее наедине с прикованной к постели Сильвией, да, да, вы скажете, что с Сильвией все самое худшее уже случилось, но это не повод, чтобы Валери ее прикончила, вы помните тот день, когда Валери вернулась из города очень поздно и с перевязанной рукой вдобавок: ее в полицию забрали за то, что зонтиком разбила витрину багет-

---

\* *Butler* (англ.) – дворецкий.

ной мастерской под вывеской «В чудесном прошлом».

Оно, это прошлое, совершенно бесчеловечно, стена скал без единой расселины, возвышающаяся у вас за спиной, а на самой вершине – огромная голова с закрытыми глазами; ах! если бы я могла вернуть те каникулы с Гастоном! если бы я его оставила... разрешила... А мы на другом конце земли, если бы мы хватились и отвели нашего ребенка домой, когда начало темнеть! и вот девочка, игравшая со спичками, – в кольце огня, скребет ногтями каменную стену, ее платице вспыхнуло из-за урагана «Европа», родившегося на наших лугах, поднявшего в воздух стреноженных мулов и идущего по всему грозовому поясу земли, нет, нужно заткнуть уши, зажмурить глаза и не смотреть ни на мчащихся по небу мулов, ни на церковных петухов, оторванных Европой с колоколен, ни на разлетевшиеся секретные документы по делу последнего мятежа, ни на человека в красной военной форме, который, не дрогнув, смотрит на свой только что отрубленный кулак, валяющийся в пыли, нужно сосредоточить все внимание на взволнованных Будивиллях, они собрались в гостиной умирающей этажом выше Сильвии, которая с трудом поворачивает голову в длинных цвета красного дерева кудрях к Валери, когда-то по пятам кравшейся за ней с Гастоном по жасминовой аллее, видно Валери на роду было написано прожить лучшие годы жизни тет-а-тет с ма-

терью в боа из перьев озерной птицы: «Пока я жива, у моей дочери не будет платьев с карманами».

– Вот сестра Берта. Ты поднимешься с ней, Валери? Я всегда говорил, наша Валери – святая, хотя в ней нет, ну совершенно нет...

– Хватит, Сиприен!

– ... физической силы для такого рода деятельности.

120

Сестра Берта поднимала больную, переворачивала на живот, мыла, пудрила. Валери стояла у подножья кровати, скрестив руки на тощей груди.

– Оох-ах, оох-ах, что вы говорите, Сильвия? чтобы я ушла? Нет, нет! находиться здесь, рядом с вами, – мой долг.

Валери, глубокие морщины, волосы как металлическая губка, старея, чернела, потому что жизнь у нее была трудная: для умерщвления плоти, из экономии и чтобы лишний раз не видеть этой назойливой кастелянши, она сама ходила за дровами в сарай и каждый раз, открыв дверь, получала в награду ароматы леса и мхов, исходящие от деревьев даже после их смерти; однажды тихим, теплым вечером ни с того, ни с сего, как бывает с мечтами, рухнул каштан, его крона целиком заполнила двор, и несколько часов все чувствовали незнакомый доселе запах древесной сердцевины. Пока эта Сильвия, эта канатоходка, жила припеваючи, Валери расставляла ширмы у камина, чтобы не околеть от холода. У вас нет центрального



отопления? Какой ужас?! А где установить батареи?! С панелями Людовика XVI? даже не думайте! Нет, я жду потолочного отопления, Барбара его установит, когда выйдет замуж за богатого.

– До свидания, Сильвия. Нет, не благодарите меня. Оох-ах, оох-ах, это чешский или какой?

Вернись, Оноре, мой мальчик. Разве я ругала тебя, когда ты опаздывал? вот уже два года я жду тебя, думаешь, это страшнее, чем ждать лишние два часа, когда ты приплывешь на своем корабле? Те часы казались годами. Вернись, Оноре, сынок, ты мне писал, что твоя красная джонка прокладывает путь среди водяных лилий. О! пусть она никогда не узнает историю о том, как китайцы в желтых платьях увидели сквозь иллюминатор голлову Белого, набитую дикой мятой и белым молотым перцем!

Твоя темная прядь, твоя улыбка... ты всегда возвращался, Оноре, твой корабль вдруг появлялся на огромном синем полотне, города, дома, соседний берег, лицемеры, ничтожества, тряпки, пусть все они сгинут, пусть весь мир рассыплется в прах, только бы из этого мертвого мира выплыл твой белый корабль с черной полосой по борту.

Вернись, Оноре. В тот раз, когда ты чуть не утонул... разве я хоть слово сказала? Ничего. Я трясущимися руками приготовила тебе горячую, почти кипяток, ванну. Брюки твои, все в песке и мокрые насквозь, пришлось вы-

бросить. Вернись. Если кости твои раздроблены, я сумею собрать их вместе.

– О! Вот и наша Валери спускается. Святая Валери!

– Вы отдаете себе отчет? Чтобы объявить пропавшего без вести умершим, потребуется десять лет, десять лет нужно этим крючкотворам, чтобы понять, что кто-то действительно сдох. А если он стал королем у каннибалов? Вы помните королевство, которое он придумал лет в семь-восемь? И назвал его Каджака, а себя – освободителем и стражем Симбы. Уф! И нам всем, всей семье, пришлось подписаться на его газету. Двадцать сантимов в неделю. Целых двадцать сантимов.

Вернись, Оноре.

Напрасно она старалась поднять маленькие крепкие руки, словно специально созданные для того, чтобы ловить трапецию, брошенную акробатом, пока клоун стоит на картонном борту бутафорского корабля под запутавшимися снастями и кричит: «Парус! Парус!»

– Если аборигены сделали его королем, он, может, и тридцать, и сорок лет здесь не показываться.

– О! Сиприен, ты...

Валери ушла, назойливая муха, жужжащая о прошедших веснах, о всеми забытом возлюбленном, Сильвия готовилась покинуть наполовину парализованное тело и, взяв сына за руку, отправиться в путь к белой соляной земле под янтарным куполом, населенной отвратительными черно-белы-

ми полосатыми существами с плавниками на морде и глазами на спине, но ничего, она защитит своего мальчику, чудовища обратятся в бегство, и новый мир встанет навстречу ей с Оноре. А Будивилли выползли из дома как жабы в апреле, каменные маски смотрели им вслед, маленькая девочка без руки закатывалась от смеха в толпе покалеченных детей.

– Если Оноре умрет, роду Будивиллей конец. Это тоже надо иметь в виду.

123

– О! Думаешь, во всей Европе больше нет Будивиллей? Хоть один-то наверняка сыщется?

– Ну! ты, Сиприен! Вечный пессимист, «знаток». Пятая колонна.

О, эти широко посаженные голубые глаза, этот выпуклый лоб, это бесстрастное лицо человека будущего!

– Когда знаешь, что Европа уменьшается, сжимается как шагреневая кожа... но ты, похоже, в упор не видишь все эти толпы? Эти несметные полчища изгнанников, покинувших бескрайние равнины, и сколько бы они не повторяли на своих сорока девяти языках: «Мы не ступим ни на ваши поля, ни на ваши виноградники, мы не оскверним воду в ваших колодцах»...

– О, они неопасны, они поют и, по-моему, всегда одну и ту же песню:

*Ах! спасибо, да, спасибо,  
Мой кувшинчик голубой...*

– Идиот! Подожди, они еще нас депортируют, набьют вагоны битком, будем сто-

ять, живые вместе с мертвыми. На вокзалах и станциях метро они захоронят свои мумии. А что ты скажешь о Луи, которого убили в собственном погребке, когда он открыл настежь ворота, чтобы дать вину подышать и осветлиться? Раньше, раньше путь через наш город, да и то высоко в небе, лежал только у перелетных птиц, цапель, грачей, скворцов...

124

...и декабрьских соек, которые мотают головами вверх-вниз как лошади и неуклюже скачут, теряя крошечные перья с коричневыми и синими пятнышками, она собирала перья соек и втыкала в черную шерстяную шаль. Кто это сказал? Кто вдруг заговорил о ней, смысле моей жизни, истинной любви моей?

– И что же, мне опять одному тащить весь груз наших проблем? И в одиночку искать доказательства смерти Оноре? Эй, Жюль, давай, скажи что-нибудь, черт побери! О! что за глупая идея молчать из-за дефекта речи. Многие этим страдают. Я, например, в семь лет заикался, да, я!

...потому что мы тогда немного посмеялись над тобой на похоронах? Ну ладно, послушай, наоборот хорошо, ведь рассмешить труднее, чем заставить плакать.

О! Сколько раз мне хотелось все бросить... этот замок, который я держу на своих плечах как... как Самсон, да, точно, и взять пример с тебя, Сиприен, жить свободно, без забот, без хлопот, в двух комнатах на набережной. Но нет, я бы не смог, во мне энергия бурлит.

Смотрите, вот толпа беженцев, им, как говорится, больше негде голову преклонить. Но они совершенно спокойны. А вон мальчик с липовым цветом, несется как сумасшедший.

Жозеф! слепой! у тебя пока есть мать, еще несколько часов. Что с тобой, мама, ты заболела? Я? Пустяки, нужно поднять меня на липу, как делают со старыми неграми, и хорошенько встряхнуть. Раз двести по меньшей мере он слышал эту шутку! Только сейчас мама умерла по-настоящему, упала, как подкошенная, вставая с кровати, и еще секунду слышала ангелов, мерный шум их мощных крыльев. Когда в яму бросили первые комья земли – кузен, опекун, проклиная заморозки, грозившие уничтожить урожай, стоял в стороне на аллее – Жозеф закричал: «Мама!» Уносившие ее ангелы остановились в нерешительности, но потом, опомнившись, полетели дальше. Сироты, их сажают на повозку, на спине клеенчатый рюкзак с красным ромбом, школьные тетради, ночная рубашка, театр теней, белое холщовое полотенце, на котором она вышила: *«Не только лицо свое омой, но и от греха себя очисти»*.

На обратном пути кузен, подсуетившись, воспользовался повозкой, на которой привезли гроб, чтобы забрать мешки с картошкой, Жозеф ухватился за поручень... кончик хлыста рассек ему щеку. Мама! Мама! Как же ей вернуться, если ее место уже занято? кто свое место покидает, тот его теряет, у нее

украли перину, подушечку для булавок, ключ от дома; ее старые туфли, после того, как кастелянша вынесла все, что понравилось, горят на берегу, а напротив горят старые туфли герцогини Вандомской. Поскольку в Поссесьон нет службы по утилизации мусора, в определенные дни Роза, кастелянша, заговорщицки и жалобно посматривая по сторонам, везет баки на тачке к озеру и вываливает содержимое на берегу. Маленькая моя девочка, в земле ли она? или ее белые кости лежат где-то в лесу? Ищи, ищи, Кайу. Роза забрала себе красивые туфли покойницы, но потихоньку снимала их под столом.

– О! я, – говорила она, пока опекун шумно хлебал суп, – я их всех обведу вокруг пальца. Мсье Гонтран только что... сделал удивленное лицо, застав меня здесь... в бельевой... У меня поденная плата, говорю ему я. – Поденная, – рассмеялся он, – поденная?

Она пнула кузину под столом, сложила руки на коленях, замерла, как истукан, выжидая и поводя глазами направо-налево, воняя потом и засохшей кровью.

– И вот опять он наведалься к Розе, к кастелянше. Я хотел посмотреть, где вы живете, Роза. Потому что у меня пуговица на пиджаке еле держится, а я еду в Берн. И мы пошли на кухню, металлический кофейник на плите, ящик с дровами под красной тряпкой с облезлой бахромой. Ах! как вкусно пахнет, а на улице очень холодно. Не желает ли мсье чашку кофе?

– Кажется, твой мсье Гонтран...

– Он не мой, что вы такое говорите, кузен! Что за мысль, совершенно он не мой, шутник вы, кузен.

Кажется... он продает поместье на берегу озера, там не земля, а сплошные камни. Но не фермер же его купит; у фермера только и есть, что сын, да и то малость простоватый, поставят его сгребать сено, он бросит грабли и бежит в лес рвать землянику. Собрались тут в дорогу, а он спрятался на сеновале, там, где крысы скачут, пытаюсь вскарабкаться на стену, дрался, кричал, выволокли силой из пахучего сена, он уже был в воскресных брюках. Ты что, не хочешь ехать в Америку? Он напоследок еще уцепился за покосившуюся створу, которую задела последняя повозка с виноградом и которую никто не удосужился поправить. Люди молча смотрели вслед подсакивавшей на кочках телеге с рыдающим мальчиком, впрочем, в дверях вагона тот вдруг на прощанье принялся радостно махать клетчатым платком... они исчезли навсегда, словно умерли, и спят теперь, когда деревня встает и точит косы. Круглый остров посреди океана – первое, что они увидели, избежав кораблекрушения и опасности оказаться за бортом; шел снег, на вокзале под бумажным зонтиком тряслись, прижавшись друг к другу, негр с негротянкой. Мы что же, ошиблись страной? У нас небо горит сочными красками заката, до утра тепло, потому что с аспидных вершин Юры спускается жоран, напоенный

травами и горечавкой. О! Боже мой! нужно броситься вдогонку за этими изгнанниками, идти следом до самого их нового дома-конструктора с радиоантенной и колодцем, смотреть, как они погибают один за другим от укусов скорпионов, притаившихся в развешенном для сушки белье, потом ударить каблуком о каблук, взлететь к облакам и вернуться обратно; семье из Люцерна ферма с каменистой землей досталась буквально за кусок хлеба, который Гермина выбросила в помойку. Каждое утро родители и четверо налысо бритых сыновей выходили из дома, отправлялись на поле с огромными корзинами, собирали камни и выбрасывали в озеро. Вот увидите, Гермина, скоро у них будет стадо в сто голов в хлеву, но что нам оставалось делать? Вы представляете нас, собирающих по утрам булыжники в корзину, пока Барбара пропадает неизвестно где? Чем она занимается? Куда ходит? Вы никогда ничего не знаете. О! Это слишком, все тяготы на моих плечах. Я когда-нибудь поживу для себя?

Был апрель, пасмурный, теплый день, время движения соков, темнота спускалась с неба, шла от земли, от деревьев и волн, Арлет с сеткой в руке возвращалась домой. На лугу фиалки с уже длинным стеблем побледнели и не пахли.

– Я тебе корзиночку продам, что туда положим, трам-там-там? Катон. Потому что я буду звать тебя Катон.

– Добрый вечер, мсье.



– Мсье? с каких пор? мы же родня. О! Конечно, родство у нас весьма отдаленное. Давайте я понесу вашу сетку.

Красавец Гонтран Будивилль несет мою сетку! сетку Арлет, так глупо вышедшей замуж, к счастью мсье Робинзона быстро убил в пампасах индеец племени Тупи, а как я потом ехала домой в общем вагоне, вместо двери клеенка, раковина забита блевотиной, и вот, красавец Гонтран Будивилль несет мою сетку, Катон, вы же знаете наверняка, что я вас люблю? Боже мой! Что он говорит? Он тащит меня в рощицу, тем лучше, лишь бы не ко мне, у меня такой беспорядок с этим шитьем, я бы хотела еще раз примерить жакет, пока не стемнело, непонятно, почему левый рукав сборит, а правый сидит отлично?

129

Катон, вы наверняка знаете, что я вас люблю, с момента нашей встречи в порту, где я имел честь принимать королеву, вы помните, она была в глубоком трауре. Вот я глупец! Я же в первый раз вас увидел, да, точно, на крестинах Оноре и сразу подумал, до чего очаровательная девочка, помню, вы, чтобы поймать курицу, пытались насыпать ей соль на хвост, очень забавно. Тетя Урсула-Поль вам это посоветовала.

Стол накрыли во дворе, она кутала плечи в черную шерстяную шаль, уж она бы точно не стала смеяться над детьми.

– Помните, Катон? Сколько ей тогда было лет? Неважно, мои губы у ее макушки, о, Катон, гибкая как лиана, совсем не похожа

на гренадера Гермину, правый рукав топорщится, потому что я не распорола наметочный шов, когда она открыла дверь, выкройка взлетела в воздух и медленно спланировала на пол, она вынула из-за пазухи свернутую комком перчатку из кожи пекари. Он меня любит, он меня любит! Любимая моя, любовь моя, о! пусть весь город меня видит! Она бежала к любимому под цветущими вишнями, я люблю тебя, среди незабудок и гвоздик, моя любовь, между сиренями и пионами, мимо шиповника по мшистым кочкам, ты самая красивая на свете, под спелыми вишнями и сливами, среди хризантем, астр и георгинов. Вот и он! уже! узнаю его нетерпеливый звонок, а я-то хотела быстро примерить, хотя бы булавками заколоть, если времени не хватит сметать: прости, я заставила тебя ждать? я готов ждать тебя до скончания века, он приносил розы, срезанные тайком в глубине сада Поссесьон: я люблю тебя, ты прекрасна, самая красивая на свете, я больше не могу жить без тебя. Ах! я бы сейчас дал тысячу франков, чтобы Гермина вошла!

До чего же хорошо, когда тебя так любят, и пусть вечером нитка затягивается петлей вокруг цветных булавочных головок, и пусть швейная машинка, изобретенная русскими, вдруг, как зверь, начинает кусать и рвать ткань. Для примерки бедняжка залезла на кровать и смотрела в зеркало, ровный ли получился подол. В один ужасный день она по рассеянности вырезала из спины уже скро-

енный рукав! Она с таким воодушевлением строчила себе костюм к осени, юбку и пиджак с вшивными рукавами. Нет, больше никогда! *Never more!* Больше никогда! Впредь только реглан или кимоно. К счастью, он пришел, обнял ее, уставшую, готовую расплакаться, что с тобой, любимая? я не хочу, чтобы ты плакала. Никогда. Я заказал тебе стиральную машинку. Ну да, да, не благодари меня, это же совершенно естественно. Видишь, ты вернулась, живешь в доме своих предков, и пусть на фасаде только два окна, зато выйдут на улицу дю Лак. У тебя, Катон, тоже были предки. Забавно. Гермина хорошо управляет-ся и в замке, и вообще со всем хозяйством, но ты, ты – моя настоящая жена, моя любимая, ах! почему я ждал так долго? Катон, сердце вот-вот разорвется, взлетала к вершинам блаженства, где нет ничего, кроме бездонного синего неба, как раньше, в юности, когда она, распустив густые волосы, лежала на прохладной земле летними ночами. Булавки не выпали, подол получился более-менее ровный. Дверь открылась, выкройка медленно взлетела, как душа после смерти, иди ко мне, моя любовь, иди, ты – моя настоящая жена, ты больше никогда не будешь одинока. Какая ты красивая! Ну по крайней мере... я считаю тебя красивой, я. Ах! теперь я дал бы триста франков, чтобы Гермина вошла.

Гонтран поднимался по улице, играя тростью с набалдашником, легкий, как перышко, вылитый Виктор-часовщик в ботинках на мяг-

ком резиновом ходу; проходя мимо чудесного дома Будивиллей, он на секунду нахмурился: у одной из каменных масок отвалился подбородок. Оноре, Оноре, оставь свой пустынный остров! В конце улицы виднелся Поссесьон. Славная, невинная Гермина с благородными сиреневыми щеками, уж она себе любовника никогда бы не завела! Эти выкройки, эти ткани... Арлет. Ну и что такого, если она будет по-прежнему шить... для людей? Он рассеянным взглядом проводил ящерицу, перебежавшую от золотой ауринии к пучку мха: ах! залезть бы в эту стену, жить среди корней и ухверток, подальше от женщин, во мхах с бледными цветами-звездочками, в камнях, черных, влажных, найти новый мир, который встанет на горизонте и примет меня!

Больше он не приходил. Катон его искала, звала, вынюхивала, как зверь: что это за привкус у меня во рту? Не тот ли, что чувствуешь, лежа в сырой земле, где ползают огромные бесцветные, немые твари? Любовница! Вы со смеху меня решили уморить, как выражается наша дорогая Валери. О! неужели это то самое, о чем писал господин, забыла имя... та самая Любовь? На этом пустом месте, на этой форме без содержания построена цивилизация?! За секретером прадедушки сидел – о! достойнейший человек! копия Колосса из долины Дейр-эль-Бахри! – и с утра пораньше, напевая, подсчитывал расходы: часы «Омега», бензин, торты, шампанское, телефонные звонки, которые приходилось делать из со-

седнего городка, целое состояние уже потрачено; итак, дорогая Гермина, мы продаем ферму, это поправит наши дела, нотариус уже нашел покупателя.

– Ферму? Продаем ферму?

– О! естественно, мы же никогда не хотели иметь ферму рядом с домом. Этот запах навоза, летними вечерами он даже под пурпурным букком чувствуется...

Лошадь гарцует, когда ее ведут к фонтану, рвет повод, обезумев от радости, а потом, забыв все, весну и солнце, возвращается в конюшню, опустив странную глупую голову, стуча копытами по дощатому полу.

– Но продавать ферму...

– А чинить постоянно крышу? а налоги? куры в курятнике, голуби в голубятне, сколько у нас в итоге птиц? а яиц? что с ними делать? по двенадцать, по четырнадцать яиц в омлет кладем! О! я на пальцах могу объяснить, почему нам выгодна продажа, хотите, позову нашего верного Эрнеста. У меня не математический склад ума.

Скорее изящный...

*Margaritas ante porcos*\*. Гермина сортировала по цвету клубки с шерстью.

– Кстати, ваш бухгалтер, ваш верный Эрнест, у которого ребенка телега на дороге задала, взял сироту из приюта, им пока не решили ее удочерить, слишком мало времени

---

\* *Margaritas ante porcos* (лат.) – метать бисер перед свиньями.

прошло, но тут обнаружилось, что девочка страдает эпилепсией.

– Пусть вернут ее обратно.

– Даже речи быть не может, представьте себе, они уверяют, что будут любить ее еще больше. Эти люди, в самом деле...

– У меня тут идея возникла... наш сосед, тот, что недавно купил барак и упорно называет его замком... Замком! Уморить со сме-  
ху меня решил, как говорит наша Валери, кстати, где она? Она по-прежнему ухаживает за Сильвией? Каждый день она, озабоченная, серые лохмы выбились из-под съехавшей шляпы, уходила из дома. Я ей вчера прямо сказал: Для тебя у нас всегда найдется тарелка супа.

А для покойниц ничего? Кутая плечи в черные шерстяные шали, они стоят на палубе, напрасно всматриваясь вдаль: у некоторых, правда, осталась подзорная труба дяди, капитана корвета, но их место на земле уже занято, уже забрали их перины и подушечки для иголок, время от времени потерявшийся ребенок легонько дотронется светлой головкой до их рукава, но тарелки супа никто не нальет, суп только для Валери, сидящей рядом с Гонтраном на лужайке: такими забавными и одинокими они кажутся, когда видишь их посреди долины, выходя из храма Дейр-эль-Бахри. Со стороны фермы доносились глухие удары, плотник бил молотом чаны, на которых еще не стерлась надпись мелом: 1890, двенадцать тысяч литров.

Он заявил, что за работу возьмет дровами, но заодно прихватил кованую жардиньерку и для сына бронзовую пушечку, всегда стоявшую на широкой полке необработанного дерева, последний раз из нее палили в день рождения Барбары, двадцать один выстрел – вчера вечером Барбары снова не было дома – куда вино пристроить, найдем, время терпит, впрочем, лето выдалось гнилое с самого начала, видно, центральный огонь совсем разладился, медленно разгорается, медленно гаснет, но шпалерного винограда, винограда с малиновым вкусом, который быстро портится и есть его надо сразу, моя мама собрала несколько корзин, а другой, светлый, золотой, все не хотел созревать, увядая потихоньку, как розы. Катон-Арлет искала Гонтрана по всей земной поверхности. Где он? на почте? у виноградарей? здесь или на соседней улице? Она бежит туда, придерживая на голове влезанский платок. Забытая юбка сучается на вешалке, пусть отвисится как следует, а я потом подол подрублю. Он везде, он занимает все пространство, надо было назвать его Паном, а не Гонтраном, как мне пережить утренние часы, и дневные, и вечерние, крутящиеся вокруг колокольни: о, ангелы! ангелы, вы от любви не умираете. Той осенью кто-то посыпал отравой оставшееся на поле зерно, вороны взлетали на мгновенье, растрепанные крылья не держали их дольше в ставшем вдруг враждебным воздухе, дети собирали дохлых птиц и прятали в карманы фартуков.

Она обхватила живот руками, вырезанные у нее кишки намотали на красно-синие кольца забора у летнего домика, ягоды рябины вязали рот, дети были счастливы, а она, она, выглядывая из окна, кутала плечи в шерстяную шаль. Катон-Арлет замерла как загипнотизированная птица перед змеей: из пустоты вдруг возник силуэт Гонтрана. Вот он, убийца, здоров и счастлив. Моя дорогая Гермина будет очень довольна: большая серая стиральная машина поднималась по улице в грузовике, покачиваясь и размахивая налево-направо белым шлангом, ни дать, ни взять благословляющий Папа, Папа из железа. Стиральная машина, мадам, где ее установить? Но я не заказывала стиральную машину. И все-таки это для вас. Они вытащили машину из кузова, один грузчик в веселом ярко-синем комбинезоне был очень мрачным, когда у тебя дочка ненормальная, лысая, двенадцать лет, а ростом с пятилетнюю...

– Ну, Гермина, что вы скажете? – Стиральная машина... – Я подумал, вы обрадуетесь, разве нет?

Подарок? подарок от мужа? Прощайте мои спокойные ночи, крик совы в секвойе, до того громкий, что кажется, либо кто-то дурчится, либо подает условный сигнал. Она улыбнулась, не разжимая губ, потом сказала еле слышно: *Privatvergnugen*.

– Ну хоть взгляните, Гермина, неужели вам не нравится? Прочтите инструкцию: замачивает, стирает, полощет, выжимает...



...вынимает белье, развешивает железными руками на красном хозяйственном шнуре, возвращается в дом, хватая Дон Жуана, тащит его за собой, стуча железными ногами, глубоко под землю, разверзшуюся, чтобы поглотить его.

– Спасибо, спасибо, мой друг, вы уже готовы?

– Готов к чему, дорогая?

– Но ведь сегодня играют свадьбу у нашего соседа-промышленника, вы прекрасно знаете, о ком речь, вы его еще прозвали Королем подвязок, вы еще хотели затеять с ним фантастическую компанию по продаже яиц... о! если бы отец меня видел! Разумеется, он ее видел, бедняга *Gutsbesitzer*, сидевший, вытянув ноги в рыжих сапогах, на полу у стены. «Что делать со вставной челюстью и пенсне дяди Гельмута?» – спрашивали племянники.

Король подвязок обставил – слишком рано – свой замок под старину и выдал замуж дочь за *nobody*\*. «Слишком рано» – это так же досадно, как слишком поздно, как *never more*. Достаточно было бы каким-то чудесным образом увеличить день, – утверждали некоторые, – на сотую долю секунды, – откуда такая просветленность, не иначе огненная колесница потеряла один из факелов? – и он бы женился на другой женщине... зря он купил замок здесь, замок там и охотничий домик в Солони, его старшая дочь связалась с *nobody*! Зато

---

\* *Nobody* (англ.) – ничтожество, “пустое место”.

младшая сегодня породнится с графом. Кто эти люди? друг мой, это же наши соседи, вы пригласили их на свадьбу. Вы прекрасно знаете, о ком речь, вы собирались предложить им участвовать в деле по продаже яиц.

– Да, правильно, деньги у этих деревенщин наверняка водятся, но не надо сейчас заводить со мной разговор о сделке с яйцами...

138 О, вот и графиня!

Он кинулся навстречу графине; Боже мой, – думал мажордом, кусая кулаки, – что он сейчас скажет? – Дождь начинается! – голос сорвался от восторга. – Ну, это же не ваша вина! – Не моя! – Что он сейчас скажет?

Мажордом пронзительно, словно душевнобольной, хохотнул и побежал на кухню, где знаменитые повара готовили блюдо из свежих креветок: западная дорога еще была открыта.

– О! Мсье виконт! Какая честь для меня!

Виконт галантно поклонился даме, случайно оказавшейся рядом с хозяином дома. Помилуйте, неужели он думает, что это моя жена? эта *nobody* еще уродливее, чем... Он потащил виконта в сторону, осмелившись взять его за рукав: дорогое черное сукно, а рука, однако, тощая; о! оставить бы его здесь, на земле обетованной, откормить жирным молоком с овсянкой, уступить лучшую комнату, дочку его тоже, разумеется, пригласить, и если она сутулится – понятно, слишком быстро вымахала – каждый день заставляя ее лежать

на доске с выемкой для головы, которую он специально установил посреди террасы для своих дочерей: давайте, давайте, если хотите стать графинями, если хотите быть прямыми как буква «I». Что виконт думает о моем доме? О чудесных башенках, о прекрасных плюшевых креслах и диванах, стоявших мне бешеных денег? Ох! Глаза бы мои не смотрели на старшую, бедолагу, с мужем *nobody*.

139

Старшая шла в церковь за сестрой-невестой, будущей графиней, и ее будущей свекровью в корсаже из тонкого китового уса, а другой кит тем временем уплывал от преследователей с гарпуном в боку, гарпун будет торчать и в боку Катон – я тебе корзиночку продам, что туда положим, трам-там-там? – когда ее мертвую найдут у подножья склона с виноградником. Она бродила возле изгороди, пригнувшись, как зверь, к земле: что за привкус у меня во рту? Моя сестра, младшая сестра – графиня! О! вот бы церковь рухнула на процессию, но церковь, серая с оранжевым, похожая на пчелиный улей, стояла, как прежде, незыблемо.

– О! простите, – сказал молодой виконт, – там, кажется, баронесса. И он не представит меня баронессе? Черт побери, я – хозяин, я кормлю всех этих людей, целое состояние трачу... Сосед-придуток, хорош собой, но придуток, а жена его из Померании – настоящий тамбурмажор, сейчас он, похоже, собрался обсуждать со мной дело с яйцами, самое время для того, кто дочь замуж за аристократа

выдает! а буфет все-таки слишком дорогой. Дождь идет, – шептал мажордом, кусая кулаки. Что я думаю о нашем деле? ну все очень даже возможно, тысячи франков загребем лопатой, граф идет рядом с моей дочерью, графиней: ах! видит ли меня папа?.. дети бросали цветы к ногам новобрачных; превосходно, теперь за стол – пировать, цветами сыт не будешь, ну, разумеется, ну да, поговорим на следующей неделе, в другой раз, вы не видите, я очень занят, я дочь замуж выдаю, – крикнул он вдруг очень громко.

– Вы говорили с ним, Гонтран? Он был самая любезность, держал вас за пуговицу жилета, вот умора, он – коротышка, и вы перед ним в поклоне, конечно, лучше бы вы надели черный пиджак... о! ни слова об этом деле с яйцами, мой отец в гробу бы перевернулся, если бы узнал, что мы собираемся продавать яйца.

– Но огромными партиями! Вы чувствуете разницу? Вы серьезно думаете, что Будивилли когда-то чем-то торговали?

– Вы же продаете вино!

– А вы картошку, если не ошибаюсь. Что, впрочем, кажется, не принесло вам много денег.

– Мы просто не сэкономили, мы – не деревенщины какие-нибудь, когда я дома сказала, что у вас всегда хлеб на столе, Эгон удивился: «Они, что же, крестьяне?» Эгон! светлая прядь, пухлые губы, выстрелил в себя по неосторожности, когда чистил ружье! нет, оставьте меня в покое с вашим яич-

ным делом, продавайте, покупайте, делайте что хотите.

Куры перестали нестись ровно в тот момент, когда их в вагонах доставили в пункт назначения. С взъерошенными декабрьским ветром крыльями они носились по белоснежным перьям, устилавшим пол в курятниках, перьям ангелов, куры-то все были рыжие, как осенние листья.

141

– Понимаете, с сентября кладка яиц уменьшается, а в декабре с наступлением холодов полностью прекращается. О! простой арифметический расчет, я бы хотел показать вам результаты прошлого года, выгода очевидна.

Он что-то искал, ворошил бумаги, представлял бюст, водил руками по столу. Ладно! Гермина, гренадер, оказалась совершенно неспособной разводить в этом чертовом Посесьон кур с полосатыми трехпалыми когтистыми лапами, кур до того жестких, кстати говоря, что раньше в краях с зыбучими песками их использовали при строительстве домов, закладывали по углам фундамента и возводили стены на их твердых как камень спинах и шеях.

– А знаете что? мы яйца заморозим! – вдруг радостно и так громко крикнул он, что последняя муха, очнувшись, поспешила улететь прочь. – Мы закупим вагоны замороженных яиц в июне и... догадываетесь? вскроем вагоны и начнем продавать яйца, когда куры опять перестанут нестись. В декаб-

ре, в январе. Вот и все! А курочки пусть себе едят и гуляют, и ничего больше.

Он придавил ногтем блоху, развел руками. Действительно: ничего больше. Пустые гнезда в курятниках, курочки прогуливаются парами, кудахчут, бестолково поклевывая бело-серый помет. В том году декабрь выдался мягким, как месяц движения соков, наконец, кому-то удалось изменить порядок времен года, свободные теплые воды бежали к югу и северу. Пожалуй, только луковицы тюльпанов под землей, непонятно для чего накрытой еловыми ветками, не чувствовали волшебной погоды. Людей потянуло из дома в сад, весна пришла? мы, что же, не заметили, как наступил апрель? вроде и деревья без листьев, и красное солнце рано садится за черные ветки, но белка, обманувшись, крадет для своего гнезда шерсть из висящего на окне шарфа тети Урсулы-Поль. Что касается вагона с яйцами, никому не нужный, он так и стоял на запасном пути.

– Да, да, признаю, нас постигла неудача, именно в этом году, сейчас, в декабре, вопреки всем прогнозам, яйца почти не подорожали, бизнес есть бизнес, правда? Полагаю, надеюсь, вы, сосед, не храните все яйца в одной корзине? Ха! как я смешно выразился: «не храните все яйца в одной корзине». Не поняли? мы занимались продажей яиц, дело провалилось, а я говорю: «Надеюсь, вы не храните все яйца в одной корзине?»

Откинувшись на спинку кресла, он хохотал, постукивая по зубам ножиком для разрезания бумаги, потом резко остановился, вспомнив о дочери-графине, собравшейся разводиться, вот и она, явилась не запылилась, центр вселенной: папа, папа, на помощь, сожалею, надеюсь, ваши убытки не слишком велики... делайте, как я, не кладите... вы уходите? Жемс! шляпу мсье. Впрочем, у меня возникла новая превосходная идея: поднимать затонувшие суда, только никому не говорите, я с вами делюсь по секрету, еще никто не в курсе, мне дядя-судовладелец подсказал. Да и мой отец был судовладельцем. Откуда бы этому придурку знать, что мой отец... Нет? вас это не интересует? вы надеваете пальто в такую жару?

Он шел мимо проданной фермы: да, жаль, конечно, что по ночам нас больше не баюкает журчание фонтана. Но главное, теперь не надо думать ни о крыше, ни о налогах, ни об исках. Опять эта Арлет!

– Что вы хотите?

Остановился, оперся на трость, поставил ноги на ширину плеч.

– Что вам угодно?

– Гонтран! Умоляю, прокатите меня еще разок на машине. Последний раз. А если нет...

...Мне терять нечего, предупреждаю вас. Подать милостыню этой хнычущей нищербродке? но милостыня продлевает жизнь, стоит ли оказывать медвежью услугу? Не лучше ли оставлять умирать на тротуаре всех

этих побирушек? полюбуйтесь на нее, ползает теперь у моих ног, *quite disgusting*<sup>\*</sup>, убожество, побирушка, по-другому не скажешь, слезами умывается, хватает меня за колени, как будто я один во всем виноват. Отцепив колючку-ежевику, он удалился в страшном раздражении, красавец, благородный муж, Гонтран Будивиль из поместья Поссесьон. Оказаться в подобной ситуации, и почему, позвольте спросить? правильно я сделал, что остался в семье. Но эта негодяйка на все способна. И надо же звонить ей из соседнего городка, сейчас, когда виноградарь настаивает на встрече! Катон, слегка подкрасившись, ждала с бьющимся сердцем. Зазвонил телефон, его голос: любовь моя, все забыто. Это Жюль Вернэ вам звонит... Нет, это не... это ты, любовь моя. Он вам передает, что ему больше не нужна картошка, больше никогда... Конец. Убийца вышел из здания почты с довольным видом: сломанный автомат вернул ему четыре су, букет фиалок для Гермины. Хотя нет! пожалуй, полбукета, цены растут. Убить кого-нибудь гораздо труднее, чем можно подумать, если ты – не жена или не кухарка будущей жертвы, ну, найдешь ты сентябрьским днем в темном сыром лесу, где каждый след глубоко и надолго отпечатывается в земле, бледную поганку, ну будешь хранить ее в банке за водосточной трубой у окна, напротив которого сушится

---

\* *Quite disgusting* (англ.) – довольно отвратительно.



белье, выстираешь в перборате, а снимаешь черное от каминной копоти – зато у счастливой соперницы теперь стиральная машинка! – как, скажите на милость, подбросить поганку в суп или в соус с лисичками?! она завернула поганку в платок, Пятницы в ярких гирляндах уже приближались к священному камню, трясогузки пили дождевую воду из чаш для жертвенной крови, правда, в замке есть еще кастелянша, пристегивающая воротнички господину Робинзону... вот собственно и она, идет по улице, пышные формы обтянуты красивым зеленым платьем, упавшим ей с неба, две дырки для рук, одна для головы; не находите ли вы, Гермина, что наша милая Роза, наша незаменимая помощница в хозяйстве, похожа на Колетт? – Колетт? – Ну да, Колетт, французская писательница, взгляните же, Гермина... растрепанные волосы, раскосые глаза, разве нет? – может, этим путем, через кастеляншу, накормить его бледной поганкой... Убийца, простой смертный Гонтран поднимался по улице к сверкавшему как на рождественской открытке замку, сезон охоты закончен: двадцать четыре зайца, две косули, шесть кроликов с виноградников, уже несколько лет подряд вместо того, чтобы преподносить охотничьи трофеи в подарок кое-кому из знакомых банкиров, он продавал их в рестораны через крестьянина в черной вышитой блузе с зауженными на запястьях рукавами, из тех, что стоят на пороге

деревенского трактира со связкой кроликов, как тюремщики со связкой ключей. Весь город торопился посмотреть в дверное окошко на Катон, сидевшую с застывшим взглядом и сжатыми кулаками на убогой кровати рядом с ведром, и посмеяться! Десять тысяч литров в этом году, при том, что половину виноградников восстановили, может, лучше было переждать филлоксеру, поднять черный флаг, но не выкорчевывать? К счастью, хоть история с Арлет закончилась, а то бегал бы сейчас, как собака из французской книжки, которой дети привязали на хвост кастрюлю, кастрюля, вот она кто. Алюминиевая. Ловко она его одурачила, хорошая все-таки была идея с картошкой: кар-кар-картошка, дешевый овощ, крошка; он, напевая, искал ключ от гаража. Дешевый, но Гермина с ее запросами... опять она... кастрюля! О! Гонтран, ты меня больше не любишь? Что ей надо, черт возьми? она прошмыгнула через полуоткрытые ворота гаража, словно ящерица между кустиками папоротника, равнодушное к музыке существо, одно из тех, кого благородный, любезный Гонтран гипнотизировал взглядом. Кастрюля говорила, переливала из пустого в порожнее: вы клялись, что любите меня больше всех на свете – Гермина, несмотря на неврожайные годы, наотрез отказывается сократить штат прислуги – что я – ваша настоящая жена, что мы состаримся вместе – мы с нашей кухаркой скорее состаримся, хоть она

ворует и прячет бутылки с хорошим вином под раковиной, – как можно перестать любить, если любишь? Две горничные, садовник, домработница, то есть помощница, как она сама себя называет... забавно, она и вправду похожа на Колетт – Второго июня вы положили в машину целую охапку цветов.

– Ни в какие рамки... Черт побери, что скажет Гермина, если увидит нас? Она умрет на месте или заберет приданое и вернется к своим Юнкерам.

147

Ладно, сидите тихо в машине, полчаса покатаемся, подождите, я время засеку, но это в последний раз, вы больше ничего не будете у меня просить, ни телефонных звонков, ни прогулок на машине! о! я и так слишком добр, что вы делаете? она ужом переползла на переднее сидение. Неблагодарная! змея, которую я пригрел у себя на груди! Я, конечно, не стану сейчас ссору затевать. Мы проедем по горной дороге, и через полчаса вы сядете в поезд и вернетесь домой.

Возьмите, наденьте мою шляпу. Пусть я простужусь. Люди примут вас в шляпе за одного из моих работников. До чего же странно ехать в его дорогой «Борсалино» с металлической бляшкой с инициалами, с кожаной подкладкой, пропахшей потом! Любимый! – Дорогой, конечно, я знаю, что это – дальняя родственница, и потому все останется в семье, но... – Боже! мой кузен Анри! Вон тот человек, проехавший мимо нас на лошади.

– Нет же, это продавец угля с улицы дю Лак.

– Вы ошибаетесь, с чего вы взяли? Что? Что вы там говорите? что это не мой кузен Анри? ну, послушайте, вы же не знаете...

148

Когда они пересекали полосу леса, тянувшуюся вдоль города, на дорогу прямо перед ними вылетела сова, совершенно белая в свете фар. Озеро было близко, по ощущению слева, там, где на огромном пространстве нет ни городов, ни деревень.

– Черт побери, бывают же в жизни приятные моменты. – И он поднял верх машины, чтобы впустить октябрьский ветер, пахнувший сулом. Напрасно он не остановился, дорога петляла между горной стеной и ограждением, иногда видно было только небо, иногда то с одной, то с другой стороны открывался целый мир, Катон-Арлет воспользовалась секундой, когда он отвлекся, крутанула руль, машина правым боком взрезалась в гору, отлетела, пробила невысокое ограждение слева и понеслась, переворачиваясь, вниз по виноградникам. Катон, на голове мужская шляпа, умерла на месте. Думали, убийца тоже погиб, но в больнице заметили, что он еще дышит. Ццц, это должно было случиться, – цыкала Гермина, рассеянно пересчитывая купюры в бумажнике покойного. Покойного? нет, врачи вернули его в замок, слепого, взбешенного квохтаньем *gushing*\* тети Урсулы-Поль:

---

\* *Gushing* (англ.) – сентиментальный.

«Мой бедный Гонтран! значит, ты и эта очаровательная Арлет любили друг друга? Разлука стала невыносимой, вы только вместе могли быть счастливы... – счастливы, что для слепого счастье? – и решили умереть в один день, в один час! Она поставила на прикроватный столик повидло, которое делала сама и по слухам *на продажу* – продавала повидло? Тетя Урсула-Поль?! Он ходил, вытянув руки вперед. Кто здесь? черт побери! кто здесь?

– Только я.

– Кто – я?

– Ну я, дневная помощница. Она приготовит вам шезлонг, мы вас усадим в глубине сада.

– Оставьте меня!

Он в отчаянии уходил, он был бы похож на слепых летучих мышей, но те в полете, мягком, быстром, загадочном, не врезаются ни в секвойю со старыми гнездами на ветвях, ни в пурпурный бук, ни в разбитые сердца. Он шел прямо, спотыкаясь о клумбы, выложенные камнями, бедный мсье, как бы ей хотелось вести его под руку, ухаживать за ним, обнимать, прижимать его голову к широкой *bosom*, обтянутой зеленым шелком. Ах! не ценим мы здоровье, пока его имеем.

– Уберите все эти клумбы, черт побери! Где я? Кто до меня дотронулся?

Чья-то пухлая рука пролезла ему подмышку, прижала его руку к пышной груди. Красивая мужская рука, рубашка в полоску, красивые черные волоски на запястье!

– Оставьте меня!

Он, наверное, забрел на аллею с розовыми кустами, которые прошлой весной купил у симпатичной девушки в синих джинсах, больше он не увидит ни одного нового лица, а старые, как маски, как часы, по-прежнему будут висеть на стенах его спальни, куда не проникает свет.

150

– Подождите, мсье Будивиль.

– Вы еще здесь? Я вам приказываю уйти. Я ничего не слышу, вы здесь? вы на меня смотрите? Послушайте, на коленях вас умоляю, уйдите. Вы боитесь, как бы я на что-нибудь не напоролся? тогда снесите замок, иначе я разобьюсь о его каменные стены, снесите, ну же, – закричал он так громко, что сосуд в носу лопнул, он поперхнулся, неловко высморкался и залитый черной кровью явился к Гермине, вышивавшей в гостиной. Немая, слепой, хороша семейка! ты вздыхаешь, Гермина, я слышу, как трещит твой корсет, как ты храпишь по ночам, как у тебя за столом урчит в животе, слышу этих проклятых птиц, которые поют с пяти утра, слышу все, кроме летучих мышей и козодоев. О! не дайте им коснуться моих волос крыльями, полными паутины, умоляю, прогоните с моей дороги жаб. И жуков-плавунцов, с трудом вылезających из пруда и скользящих по воздуху, наподобие маленьких летучих мышей. И крошечных черных лягушек с выпуклыми глазами, ох уж эти лягушки, сядут у ног слепого, дышат и подло молчат. Уберите улиток!

Что если я наступлю на виноградную улитку, раздавлю ногой ее домик и шестнадцать тысяч зубов? Что если к подошвам моих ботинок приклеится липкий как мед язык муравьеда! К счастью, птицы при виде меня разлетаются, лишь короткий оклик дроздов режет ухо: «И ты, и ты?!». Уже вечер? А месяц какой? Ноябрь? уверена? ты мне не врешь? Вы обе мне врите. Это ты, Барбара? Куда ты идешь, дитя мое? Не отвечает. Послушайте, Гермина, давайте поговорим серьезно. Вы здесь? я не буду больше кричать, обещаю. Барбара уходит? или нет? Хватит смотреть на меня и молчать!

Барбара прыгнула в машину. О! Давид, это катастрофа, я больше не могу его выносить.

– Ну, Барбара, положите мне голову на плечо, я вас люблю безумно, люблю сил нет, аж трудно машину вести.

– Я очень несчастна, оставьте меня, мне и так хорошо.

– Через час вам будет еще лучше.

– А ты? – кричал в замке слепой, – ты почему не говоришь? Потому что спотыкаешься на каждом слове? Я тоже спотыкаюсь, но, видишь, тем не менее хожу, только по прямой, но хожу.

Столик Людовика XV опрокинут, изогнутая ножка сломана.

– Я все здесь перелوماю, если вы со мной не заговорите. Ради всего святого, где вы? вы на меня смотрите? Мне страшно. Если бы вы знали, каким тяжелым бывает взгляд! Смо-

трите, я встаю на колени перед канаве, скажите что-нибудь, ради бога!

– Успокойтесь, Гонтран.

152

– О, уже что-то! никчемное, но хоть какое-то слово! и сам я никчемный, нет у меня больше ни настоящего, ни будущего, только прошлое, нет ни востока, ни запада, ни неба, ни звезд. А ведь я так любил звезды! Я был деревом, ствол, ветви, птицы укрывались в моей листве, ствол срубили, и теперь я только на дрова гожусь. Вы здесь? умоляю, не дотрагивайтесь до меня. Я вас, Гермина, представляю в кресле с вашим вечным вышиванием, хватит ли вам еще денег на нитки? хоть ты, Жюль, умоляю, говори! Слепой! Повесьте мне на шею табличку, я сяду на тротуаре с собакой и деревянной миской. Хоть немного заработаю, сколько мы еще сможем прожить за счет наших виноградников? Без хозяйского глаза... О! хорош глаз хозяина! о! и я хорош с вытянутыми вперед руками: глаза не видят и руки-крюки.

Вы, Гермина, там в своем кресле наверняка довольны в глубине души? с вашими-то командирскими замашками? вы же взяли верх, правда? а я... *eyeless in Gaza*\* ... осталось только проказой заболеть.

Да скажите же что-нибудь, черт побери! Жюль, малыш, вспомни: мама вышивала под секвойей, было прохладно, и ты пошел в дом за черной шерстяной шалью... она

---

\* *Eyeless in Gaza* (англ.) – слепец в Газе.



всегда повторяла: Жюль заговорит, когда захочет...

Ладно, ладно, понимаю, вы решили молчать. Но в кресле же ты, Гермина? почему ты мне не отвечаешь? Стерва, стерва! все женщины – стервы, и та, что теперь на кладбище лежит. О! она выбрала лучшую долю, потаскуха! Сейчас увидишь, что я сделаю с твоей старой шеей.

153

– Гонтран!

– А! ты все-таки заговорила. Смешная ты, не бойся, это я так, чтобы хоть слово из тебя выдавить. Давно уже я не смеялся. Я смеюсь до слез. Глаз нет, но я плачу. Стучат? Может, мой слуга? у меня же теперь есть слуга, который меня одевает, раздевает, моет, бреет, водит в туалет, Роза так называет уборную. Югослав и, кажется, рябой. Почувствую ли я оспины, если дотронусь до его щеки? Какая тишина! Вы на меня смотрите?

– Ну нет же, нет, вот Роза несет почту.

– Дайте сюда, я проверю: газета, письмо, каталог.

– Со скидками.

– Лапы прочь. А не то я сейчас такое сделаю.

– Гонтран, тут официальное письмо. Хотите, я прочту?

– Она спрашивает, надо ли читать мое письмо. Нет, вы слышали?

Вы слышите, там снаружи деревья качают непрочные гнезда вяхирей, вы слышите ее раскатистый голос, который я всегда не-

навидел, даже шум горных водопадов еле покрывал его, когда она остановилась, чтобы поесть медвежьих ягод, ее бесконечное, невыносимое присутствие, вы слышите ее голос, от которого у меня уши болят? что она там читает этим голосом, похожим на бой барабана? Виноградники теперь разделены на три зоны: зона на склоне с благородными культурами имеет самое удачное расположение – это виноградники Оноре, пса паршивого Оноре, а не мои, конечно! о, как я гордился огромными угожьями вокруг замка, над моими землями вставало и садилось солнце ...

– Третья зона, с виноградниками на равнине...

– Наконец-то до нас дошли. Ну и?

– Советуют их вырубить и выращивать малину.

Малину! Да ведь малина осыпается, не успев толком созреть. Малину! Апоплексические мордочки вместо божественной грозди, полупрозрачной, наполненной мягким свечением, столь благотворным для глаз слепых.

– Ладно! Не хочу распаляться. Но скажите на милость, Гермина, что нам потом делать с малиной? Эти умники там указали? Десять тысяч литров сиропа? а рвать ее будет мой виноградарь?

– Вот как раз и он. Просит принять.

Он меня разглядывает? Руки, где мои руки, я закрою лицо.

– ...виноградники, никогда бы я не стал ни на чьих виноградниках работать, кроме виноградников мсье, но теперь... – уму непостижимо: мои виноградники прекрасны, мы их восстановили, приняли меры и все такое.

Я в потолок смотрю?

– ...и были уверены, что продадим вино. Теперь придется все бросить, все вырубить, ну и... только один виноградник у вас останется. В Кроза. А у меня семья, четверо детей, старший всегда помогал на виноградниках, но теперь решил техникой заняться, о! вот если бы мсье установил электрическую давальню... но теперь уже слишком поздно.

155

Слишком поздно, чтобы помешать кастрюле сесть в машину, слишком поздно, чтобы задушить ее. Через тюремную решетку хотя бы солнце видно.

– ...У них виноградники удачно расположены, в первой зоне, конечно, этим людям далеко до мсье.

Двадцать лет работы, пирог с начинкой на каждый Новый год, старое боа, воротник поганки, в подарок жене виноградаря. Слейпой! и не только я, все! разве наш бухгалтер знает, что через сутки у него будет один ребенок вместо двух, все идут, спотыкаясь, вытянув руки вперед. Он, словно крыса, выбирал одну и ту же дорогу, хоть раскладывай отравленную морковку на уступах между веревочными ограждениями, теперь я живу в городе под названием «Красная линия». Неправда,

что вся земля исхожена и изучена, я бреду по неизведанной пустыне. Ничего у меня больше нет, только слова. И руки. Я – говорящий день и ночь попугай с выколотыми глазами. Утром я думаю: «Почему сейчас не вечер!», а вечером: «Почему сейчас не утро!» Я слоняюсь без дела целыми днями. Сад мой теперь лишь соль и сера.

156

Я – парнокопытное, крупная скотина из национального парка. Нет, правда: думаете, я смогу себе ногти на ногах стричь? Вот и отрастут у меня копыта. И да, я вам запрещаю до меня дотрагиваться. Зачем вы прикоснулись к моей руке? Извините, мсье, я – слепой, понимаете. Боже, зачем этот сосед смотрит на меня? Скорее закрыть лицо руками. У вас голова болит, мсье Будивилль? я просто хотел с вами поговорить о сокровищах, о кораблях, затонувших во время войны, о несметных богатствах, которые на них переправляли в Америку. Раньше он бы вежливо выпроводил соседа за дверь, а потом бы погрузился в свои счета: шестьдесят тысяч литров; даже если считать, что за литр в итоге нам, производителям, дают только пятьдесят сантимов, мы получаем тридцать тысяч франков прибыли в мошну, – бодро объяснял он вышивавшей в кресле Гермине, с некоторых пор носившей геннин\*.

---

\* Геннин – женский головной убор из накрахмаленного полотна на каркасе из китового уса, получил распространение в XV веке.

– ...Если я обращаюсь к вам, то только потому, что не хочу иметь дело с банками. Ваш замок, ваши земли, ваши виноградники, труд целых поколений... И как я вам уже объяснял совсем недавно, вы, хотя бы вы, не должны хранить все яйца в одной корзине.

Глубина всего два метра восемьдесят, новые современные аппараты, водолазы, от Дековилля наискосок уже проложили короткий участок железной дороги... конечно, надо учитывать и сопротивление воды...

– Это безумие, дорогой мой.

Она, шумно прихлебывая, ела суп, уверен, и локти на стол положила, теперь она может вести себя свободно, на немецкий манер.

– Вспомните про то дело с яйцами.

– Небеса нам не благоволили.

– В конце концов, делайте, что хотите. Теперь, когда у нас появилась прекрасная возможность в случае надобности брать деньги в банке, было бы глупо в чем-то себе отказывать.

– Мы скоро опять поднимемся, выкупим виноградники первой зоны. Знаете, надо идти в ногу со временем. Наше положение? наши традиции? наш образ жизни? все это окостенелое. Устаревшее и безнадежное.

И долго еще сидя рядышком в своем Посесьон, Гонтран и Гермина щебетали в лучах восходящего солнца.

– Но, с другой стороны, почему мне предлагают золотую жилу? мне, слепому, мне, под кем земля шатается. Треугольный участок,

кусок пирога, острым углом спускающийся к огню, горящему в недрах планеты. Уж не погас ли тот огонь, может, потому и виноград больше не зреет? Не предвестие ли это конца света? не разверзнутся ли с грохотом небеса? Боже мой, я во мраке, *tenebrae*\* – ужасное слово, кажется, на дне океана мерцает слабый свет, корабль лежит на дне, я иду к кораблю, вытянув перед собой руки. Моллюски облепили корпус, рыбы спуют внутри, водолазы легче воды, словно стаи морских ангелов, окружили корабли, где же золото? Амфоры у них в руках пустые.

В любом деле нужен опыт и время, в начале всегда теряешь, вот, например, Эмиль.

– Эмиль...

– Ну да, вы же только Эмиля признаете.

Аллеи больше не пропальывали, разве Гермине для вышивания недостаточно террасы десять на десять шагов? У сливных решеток появились крысы, пятнистая кошка охотилась за ними, убивая одним ударом лапы, все персики в погребке были погрызены, Роза готовила бутерброды с морковкой и фосфором, крысы всегда ходят одной и той же дорогой, как и трюфельный король. Город, когда-то спешивший заглянуть в окошко Катон, которая, как прикованная, сидела на кровати, теперь ходил смотреть на них.

– Прогуляемся по городу, покажем им. Мой слуга-шофер-на-все-руки-мастер Жак поведет машину.

---

\* *Tenebrae* (лат.) – темнота, мрак.

Дрозды молчали уже несколько дней, разве что один какой-нибудь, замечтавшись, нет-нет, да и чирикнет, город тоже притих, асфальт плавился. Ну, что скажешь, Гертруда? вот и они! О! нельзя разориться в одночасье, видишь, и машина при них, и шофер, это немалые расходы... кухарка подслушала... Роза? – нет, Роза же – не кухарка, она приходит в замок днем помогать по хозяйству... – нет, она там теперь постоянно живет, снюхалась с ними... – так вот, вроде бы они не могут содержать замок и скоро переделают его в *Tea-room*. Машина медленно катила по улицам.

– Вернемся, я больше не могу. Все эти *porolo*, простолюдины, которые нас разглядывают... Скажите мне правду, Гонтран. Если бы не все эти любезные банкиры, у нас бы больше не было... не было бы денег, да?

– Давно уже следовало сократить штат прислуги, я без конца вам это повторял.

– Нет, вы мне ничего не говорили. Если бы вы сказали, я бы так и поступила, я все умею делать сама и готовлю так, что пальчики оближешь.

– Не знаю, оближут ли пальчики Жюль и Валери, но жить нам придется на восемьсот франков в месяц.

– Полагаю, Валери могла бы...

– Вынужден вас перебить, я всегда обещал ей: «Пока буду жив, для тебя найдется тарелка супа». К тому же она – дальняя родственница...

Что? Валери – не сестра Гонтрану? Не сестра?! невероятно! Может, она – дочь тети Урсулы-Поль?! Нет, еще на заре семейной жизни дядя Поль одним прекрасным утром уехал по имущественным делам в Эль-Файюм, и никто его больше не видел, а тетя с тех пор ни разу не смеялась и, конечно, никаких детей у нее нет и быть не может. А Жюль тогда кто? Немой Жюль? земля сотрясается на своих основах, Валери Гонтрану не сестра?!

– Придется жить на восемьсот франков в месяц, если только Оноре не подаст признаков жизни или... смерти, и если Сильвия умрет, но уже сколько времени прошло, а она все лежит себе в постели, глядишь, так до ста лет и протянет, мне уже тогда сто десять будет. Да, с сегодняшнего дня питаюсь только йогуртом. Шучу! вот снова стал шутить.

Ванна на львиных лапах ходит ходуном: Барбара собирается на свидание.

– Нам с вами, Гермина, только и остается, что разбиться об стену, как сын фермера.

Барбара ждала на банкетке у окна, когда посигналит Оливье, смотрела в черное стекло на отражение светлых волос, бордового платья и своей комнаты, из-за пурпурного бука превратившейся в лес. Денег не хватало, и поэтому дополнительную страховку оформлять не стали, год начался с таких морозов, что невозможно было представить ни террасу, раскаленную от солнца, ни вибрирующий над оградой воздух; желтые тучи появились из-за Юры, что за желтые поля лежат там



по другую сторону? На следующий год измученные деревья еще болели, фруктов мало, зато листва до того красивая, что статуи приходили рвать ее по ночам.

– И, конечно, у нас выпал град. Я слышал, град, вы от меня не скроете. Град, разорение, сколько бед на нас валится, и все на мне! Самсон, вот кто я, Самсон, слепой. Держу замок на вытянутых руках. Где я? какое сегодня число, время года, час? У меня нет внутреннего хронометра, как у пчел, как у морских блюдечек, которые каждый год без опоздания возвращаются, чтобы приклеиться к своей скале. Почему не косят отаву? мне кажется, что на заре больше не точат косу? или я просто оглох? Вы не отвечаете?

161

Ему ответило старое эхо за бывшим курятником между реймской и брюссельской грушами и далекое эхо: мать звала ребенка, но разве когда-нибудь эхо отдавало потерянных детей? Гермина пожала плечами, продолжая считать петли.

– А у меня, – сказала она, закончив шептать на финском или на каком-то балтийском языке, – у меня есть идея, раз уж надо продавать Натьер, почему бы не продать его американцам! за доллары вместо франков. Вместо полмиллиона франков мы бы получили полмиллиона долларов, что обернулось бы в итоге двумя миллионами франков, ошибки нет, я никогда не ошибаюсь. Как вы думаете, Гонтран? с двумя миллионами могли бы переехать в небольшую квартиру и обходиться

без Розы. Плюс еще сумма от продажи замка. Хотя сейчас...

Иногда ночью я забываю... ведь ночь делает меня похожим на других, они в темноте тоже вытягивают вперед руки, натываются на мебель, но с воркованьем вяхирей на заре к ним возвращается свет.

– Куда вы, Гонтран? Вы же не пойдете в сад один?

162

Она стряхнула с подола ворсинки шерсти и, почувствовав приступ тошноты, побежала в туалет, Роза так называла уборную.

Из двух направлений *long-sehend*, мне остается одно. Какая разница, что все вокруг слепцы, которые идут с вытянутыми вперед руками, пока не упрутся в стену – и матери сидят по другую сторону, кутая плечи в черные шали, их бедные руки с синими ручьями изуродованы старостью и грудями поленьев, перетасканных в подоле фартука в дом. А мне осталась узкая дорога между ограждением из электрических шнуров, я что поднимаю глаза к небу? всюду огни, красные отблески, город горит, вся земля в это утро апокалипсиса охвачена пламенем. Я прав, а вы, видящие перед собой зеленые луга и цветущие деревья, не верьте глазам своим. Что за ветер дует, если так слышно шум крыльев ангелов? Мерный шум, сопровождавший меня с детства и всю жизнь. Но что это? он стихает? крылья скрипят как машина? нет, слушайте, это невозможно! Позовите кто-нибудь. На помощь! это вы, Роза? Скажите, Роза, вы же мне пре-

даны, да? я не рассержусь, обещаю. Что это за странные звуки, которые я в последние дни принимал за шум волн? и которые внезапно прекратились? с волнами так не бывает, понимаете.

Она стояла рядом, пышная грудь под красивым зеленым платьем, упавшем ей с неба, одна дырка для головы, две – для рук.

– Скажите, Роза, вы мне преданы душой и телом, да?

Полное тело, пахнущее засохшей кровью. А от Гермины пахнет болезнью, почти ничего не осталось во флаконе «Neure bleue» от Герлена, купленных в те далекие дни, когда хороший урожай винограда...

– Я не рассержусь.

Он говорил медленно, как пьяный.

– Что это за шум, который я принял за шум волн?

– Это экскаватор.

– Что он здесь делает?

– Дорогу. То есть автотрассу.

– Что?

– О! видите ли, мсье, столько было споров, все были против. Куда вы, мсье? Не ходите один в сад.

Он выбежал из дома, наткнулся на дощатую стену – что это? – дровяной сарай, судя по запаху. О! чудовища! – послушайте, мсье, вы упадете на лопаты, – рабочий снял каску, поскреб голову, – я не перед мсье каску снимаю, я сочувствую слепому.

– Разумеется, все собственники были против, люцернцы из низины особенно возражали, они только-только очистили свою землю от камней, несправедливо было бы свести на нет все их труды.

В общем, они выбрали ваш парк, парк Будивилей. Гермина! Гермина! Глупая баба! вы что, ничего не знали? ничего не понимали? Но Гермина чувствовала, что у нее в желудке завелся рак и водит клешнями вправо и влево: я умру до того, как рыть начнут, зачем передавать Гонтрану письма? По вечерам она читала мужу газету, происшествия, деревенские драмы, пропуская все, что касалось автотрассы, – вы перелистнули две страницы? Она слюнявила палец, его мутило от отвращения.

– Шлюхи, проститутки, сутенеры, выбрали мой парк!

Немного выше дорога пройдет по виноградникам сирот, по Лэ Гер, через убогий виноградник Жозефа. Не все изгнанники, нищие, босые, смогли добраться до этих мест по горным тропам, а что с другими, с женщинами, запертыми в трюмах кораблей, которым нигде не дают причалить? Землемеры ввалились в парк, Роза, виляя бедрами в бархатных, слишком узких для ее выдающегося зада брюках вместо зеленого платья, шла им навстречу, грызя яблоко и шныряя по сторонам глазами.

– Довольно! я возьму большую черную доску, установлю ее под багровым буком

и напишу красным мелом, нет, своей кровью, вену-то я сумею вскрыть: Конец!

Вот, к примеру, термиты. Ты живешь в доме предков, ты честен, благороден, никому не досаждаешь, закрываешь по вечерам ставни, разжигаешь огонь в камине хворостом из своего сада, а тем временем термиты ведут работу, прокладывают свои проклятые дороги в твоих стенах, постепенно превращая их в кружево из камня. Они уже срубили багровый бук? Чего они ждут?

165

– Липа! Липу спилили! Липа денег стоит, нас обокрали.

Она пошла к лесоторговцу, большая бородавка на носу, писклявый голос: двадцать пять франков ствол, ветки не в счет.

У нас украли липу!

– Почему вы горячитесь из-за липы?

– Не могу поверить: двадцать пять франков без веток.

– А наши лозы, которые без спроса забрали себе виноградари? Не вы ли тогда отказались скандалить с этими, как вы, Гермина, изволили выразиться... деревенщинами? А ведь вы каждую осень пользовались моментом и уезжали отдыхать под предлогом того, что давальня слишком шумно работает.

Термиты, вот они кто. У тебя дом, поля, виноградники, ты живешь, как жили твои предки, работаешь от зари до зари, ничего себе не позволяешь, никаких удовольствий, никаких развлечений, никаких женщин, а термиты тем временем делают свою работу.

Мы разорены, Гермина. О! все началось с нового разделения на зоны: виноградник, который мне достался в обмен на Комбевальер, заканчивается в овраге, куда между ольхами и квадратными лесопосадками с гор спускался холодный ветер.

– Моя совесть чиста. – Гермина молча сортировала пряжу. – Всю жизнь трудился, не покладая рук...

166

Они перебрались в розовую гостиную с мебелью, обтянутой розовым шелком, с розовыми шелковыми занавесками, потому что в столовой сидеть стало невозможно из-за землекопов и их ужасного уличного WC, а Роза пока еще не смела обосноваться в гостиной, хотя в столовой уже пару раз присаживалась на стулья с вышитыми на спинках зверями и рыбами, но только промысловыми, не клопами, не мошками, а косулями, кабанам и лисенком, который по утрам со своими братьями кричит в кустах так, что не отличишь от крика испуганной птицы или скрипа тележного колеса по опавшей листве. Кто-то из Бородачей заказал эти стулья с охотничьим сюжетом, чтобы размещать на них свой важный зад, а теперь на них сидит Роза, Розетта. Силы небесные! сердитый истукан, так называемая Помощница.

– Почему, выговаривал ей кузен, – почему ты так стараешься для этих толстосумов? если они больны, пусть в кровати лежат.

– Слушай, замолчи, я знаю, что делаю. Сегодня вечером понесу им курицу. Вот,

я вам курицу приготовила, давайте отодвинем кресло, о! Роза сильная. Она взяла мсье под руку: мускулы еще крепкие. – Мне брат курицу подарил.

– Но нам не надо... Сколько мы вам должны?

– Ни гроша, у него кур полно, не знает, что с ними делать. И разве у вашей Розы хватило бы совести есть ее в одиночестве на кухне? Брат сейчас виноград собирает на продажу, вот и прислал кое-что из провизии. У вас же теперь нет виноградников... Куда вы, мсье? Курица остынет.

Он наощупь поднялся в кладовую на чердаке, да, правильно она сделала, освободила, наконец, нижние полки, там ничего нельзя оставлять из-за куниц, те тоже, как Гермина, высасывают виноград, а косточки плюют. Ночью, когда не спится, слышишь мягкие куньи прыжки. Их сухие какашки похожи на обрывки черной шелковой бумаги и катятся по полу при малейшем ветерке, летящем с озера мимо багрового бука.

– Что теперь едят эти толстосумы, они ведь разорены? – Наверно то, что Роза им приносит. Она свою выгоду знает, уже и в замке поселилась. – И, похоже, накоротке с мадам.

– Ты – большая дура! Зачем тебе эти толстосумы? Они такие же богатые, как и мы, увольняйся!

– Да они хотели, чтобы я ушла: Идите, дорогая Роза, в другом месте вы заработаете.

те больше, вы будете нас навещать, для вас здесь всегда найдется тарелка супа, – но я им ответила: «нет», я вам обоим нужна, у меня есть небольшие сбережения и пенсия моего несчастного мужа, о! это был прекрасный человек, самый лучший, самый добрый, как-то я услышала страшный шум в туалете и подумала: наверное, муж пнул железный таз для умыванья, вечно он пинал все, что попадалось ему на пути, мебель, столы, стулья, мне, конечно, надо было таз вовремя вынести... захожу в туалет, а муж мертвый лежит на полу. Он был жандармом. В общем, с его пенсией Роза может остаться здесь. С ними.

С ними! о присутствующих! и к Богу, кстати, в третьем лице не обращаются! Если бы Бог захотел, он бы спас мою девочку, которую оса укусила в шею! Я пыталась ее спасти, высосала яд из ранки, вдохнула воздух в легкие, жизнь бы свою отдала, но дочка умерла. Девочка моя, девочка моя! Кайу, ты знаешь, кто ее увел. – Оставь собаку, ты ее задушишь.

– Мадам Будивиль, вы ничего не едите? разве курица Розы, Розетты, невкусная?

Гермина в ответ прошептала: пять часов уже, у слепого с правого края тарелки вот-вот кусок упадет на скатерть. Зачем есть, если потом будет плохо и кончится рвотой? Одна только Роза замечала неладное: мадам надо лечиться, слушайте, а если она умрет, и он женится на молоденькой? Уж не ты ли хочешь замуж за своего барона? у него нет ничего, дурочка. Что стоит его замок без фермы, без ви-



ноградников и с автотрассой под окнами?

Гермина, громко чавкая, ела виноград, готов поспорить, она выплевывает косточки, ладно, ладно, знаем, она же немка. А однажды он застал Гермину в саду: она сидела на траве и вытирала платком со слив налет, пудру, драгоценную дымку осени! Я мог бы обеспечивать вас картошкой, – смеялся тесть, демонстрируя огромную челюсть с чересчур крепкими и чересчур белыми зубами, – но с такими расстояниями... железный занавес уже опускался; в этих странах без гор и без границ нужны огромные железные или какие-нибудь другие крепкие занавесы, – скажет Роза... и пусть каждый вечер их опускают на пустые, обгаренные кровью дома, где живут теперь только дети с отмороженными ногами.

169

– Откуда эта курица, откуда этот кролик? вы здесь, Гермина? ради бога, ответьте. Вы на меня смотрите, вы меня разглядываете – он закрывал лицо руками – и вы меня не слушаете?

– Курицу мне брат дал. С тех пор как умер мой бедный муж... да, он был добрым человеком... о! правильно говорят...

– Это вы меня не слушаете, Гонтран. Я повторяю, я уже до смерти устала повторять, что вам нужны приличные ботинки.

– ...правильно говорят, лучшие всегда умирают рано.

Совсем рядом с ее страной продолжали пороть кнутом рабов, и даже Юнкер утверж-

дал, что их семья происходила от человека, который однажды решил провести любопытный эксперимент: дать яду с интервалом в час двенадцати заключенным, поставить их кругом, чтобы, падая по очереди, они указывали время. Очень забавно. Почему я здесь, среди этих крестьян, вместо того, чтобы сидеть на троне, подпирающем железный занавес?

– Зачем, скажите, ради бога – безымянного, неумолимого на нашу голову – зачем мне новые ботинки? пинки раздавать?

Роза вышла, поджав губы, мой бедный муж-покойник никогда со мной так грубо не разговаривал; о! верно говорят, лучшие всегда умирают рано.

– Гермина, вы что, не понимаете? крепость окружена, о! моя маленькая деревянная желтая крепость с оловянными солдатами! банкиры меня душат. Не лучше было бы и мне, как молодому Генриху Орлеанскому, в двадцать пять лет, возвращаясь с игры в мяч, на всем скаку удариться головой о подъемные ворота и умереть на месте?

– Но, Гонтран, у нас в замке нет подъемных ворот.

– Нет подъемных ворот? Да что вы в этом понимаете? Вы хоть знаете, что такое подъемные ворота? Наверняка хоть одни у нас да есть. Мы могли бы запереть их, никого не пускать и умереть в нашем замке после длительной осады. Но нет, мне, как Самсону, суждено одному держать на своих плечах готовый обрушиться замок.

Даже красавицы серебристые безмолвные куницы, сидевшие в прежние времена кружком на крыше у лукарны вместе с призраками четырех солдат, гревшихся у каминной трубы – только три дня, в брачный период куницы кричат, теряют бдительность, хоть голыми руками их лови, и везде, между бутылками с вишневой настойкой, керосиновыми лампами, офицерскими сапогами оставляют клочки шерсти – даже куницы теперь, когда уже почти не осталось винограда в ящиках, ушли в другие места. И Барбара тоже.

– Это ты, Барбара?

Он тянул руки к кустам роз.

– Барбара, ответь. Я знаю, это ты. Я узнал твои шаги. Куда ты собралась, дитя мое?

– Вы опоздали.

– Что вы хотите, Даниель, мне пришлось прятаться в саду от старика.

– Но это же... это же все-таки ваш отец. И он слепой.

– Сам виноват. Не надо было... Поспешим, я замерзла.

– Через минуту тебе будет жарко, даже очень жарко.

О! Я спокойно переношу холод, – говорила Роза, – по утрам обливаюсь холодной водой. Каждое утро Роза мылась в тазу с головы до пят. Роза, в вашей комнате маленькая печка, которая чуть греет, другого отопления нет. Я не люблю, когда натоплено. Но в комнате нет батареи... Она сама купит дров, не надо беспокоиться. Да, но ба-

таряя... Мне и так хорошо. Эти маленькие печки нагреваются быстрее, чем ожидаешь, едва сунешь спичку, и сразу идет тепло. Штукатурка сыпалась на постель Гермины: она сидела, откинувшись на подушки, еле поворачивая голову направо, налево, это точно рак, рак ее сжирает, главное, никому ничего не говорить. Чем платить врачу, за облучение, за операцию? Барбара заходила к ней, обнимала, прыскала на подушку несколько капель «Scandale», откуда у дочери деньги на дорогие духи? Гермина, аккуратно поворачивая карандаш, распечатывала старые конверты, складывала их заново адресом внутрь, готово. Шестьдесят сантиметров экономии. Роза, приятный голос с хрипотцой, Роза, похожая на толстую гусеницу, сидела на плетеном табурете в кухне, кот, просовывая лапу между прутьями, царапал ей зад. Хоть бы мсье обратил на меня внимание, – думала Роза раньше, когда мсье Гонтран Будивиль заходил в бельевую. Я – дневная помощница по хозяйству. Он, опершись кулаками на гладильную доску, где лежала новая тканная простыня с монограммой Гермины – сколько великолепно-го белья было у нее в приданом! – смотрел на Розу и не видел. Дневная! – с нажимом повторяла она. Он поворачивался и уходил. Красивый, как бог: вряд ли в гроб поместится, придется утрамбовывать. Хоть бы мсье обратил на меня внимание, хоть бы мадам умерла! И вот теперь он слепой! Какой прок,

спрашивается, в сухой обезьяньей лапке, купленной за большие деньги у подножья пирамиды в Эль-Файюме, где тараканы кишмя кишат и откуда больше не вернулся дядя Поль! Слепой! Раньше по утрам он делал гимнастику у открытого окна! Красавец, залюбуешься! Теперь ходит, вытянув руки перед собой. О! хороши глаза у мсье хозяйина, глаза, выжженные раскаленным железом. Вы думаете, я ничего не вижу. Я прекрасно вижу красные полосы. В прежние времена я ходил к молочнику, молоко, разумеется, нес слуга, я так для удовольствия прогуливался и ничего не носил, вы поняли? До сих пор перед глазами картина наступающей ночи: огромный черный и словно бархатный от копоти котел с множеством дыр, прожженных красными углями, качается на цепи. Слова живых хлещут по лицу, летают, не зная препятствий, похожие на до сих пор встречающихся в воздушном пространстве птеродактилей, тяжеловесных допотопных зверей с длинными шеями, огромными крыльями и печальными человеческими лицами. Потом он, Красный кардинал\*, наткнулся на невидимую стену и возвращался в отведенный ему навсегда вольер. О! Боже мой! неужели она все еще ищет потерявшуюся дочку? У собаки, слишком старой и жирной, нет сил бежать, мать тянет пово-

---

\* Красный кардинал – птица средних размеров. Окраска самца ярко-малиновая, на глазах – черная «маска».

док, собака, когти сточены, соски повисли до земли, упирается... а что Сильвия? она вдруг перестала звать: «Оноре! Оставь свой висячий остров!» Умерла от удара, третьего, последнего. Оноре! Оноре! На лебединых крыльях, на пастбище на другом берегу, в лучах заходящего солнца, на белом, похожем на огромную курицу пароходе, бьющем воду бортовыми колесами, который, уплывавая вдаль, вдруг дает протяжный и грустный гудок...

– Ну вот она все-таки умерла.

– Наверное, нам надо было больше о ней заботиться.

– Позвольте, я ее навещала, но, кажется, мои визиты не доставляли ей радости.

– Валери?! Слушай, я думал, ты когда-то претендовала на Гастона?

– Я его любила, да. Но Сильвия стояла нас всех, вместе взятых.

– Наша Валери закусила удила.

– Ладно, ладно, я бы вас попросил. Как мы будем действовать?

– Ну, во-первых, есть ли завещание?

– Если есть, то явно не в нашу пользу, в противном случае нас бы известили.

– О! Гонтран, а вы ждали чего-то другого? Наивное дитя.

– О! опять вы, Сиприен...

– В общем, есть некий молодой человек, единственный наследник, пропавший без вести.

– Сын балерины...

– О! не надо преувеличивать, она...

– Валери, если вы еще раз скажете, что она продавала билеты в кассе, меня самого удар хватит.

– Уж во всяком случае не балерина, а акробатка.

– Хватит, она на небесах, не будем о ней.

Никто не знает, может, она блуждает где-то совсем близко от земли, она наверняка встретила с Оноре, и почему бы ей после смерти иметь не крылья, а плавники?

– В общем, никаких последних волеизъявлений? Это смешно, нет, это даже преуморительно, как сказал бы старина Гюстав.

– Я мог бы рассказать вам кое-что, что явно бы вас заинтересовало.

– Перестаньте, перестаньте, Сиприен, хватит уже привлекать внимание. Вы всегда вели праздную жизнь, в то время как я...

– Хорошо, хорошо, как знаете, пожалуй, нам пора домой. Куда я дел шляпу?

– Могла бы все-таки эта... кошка с ониксовыми глазами, которой я так любовалась, когда помогала сиделке делать ей массаж...

– А если Оноре умер раньше нее...

– К счастью, она считала его живым, иначе наверняка завещала бы все своим акробатам.

– Он же пропал без вести, значит, мы – наследники.

– Вот именно, пропал, а не умер.

– Но, в конце концов, мы уже три года ничего о нем не знаем.

Сильвию наверху укладывали в черный ящик с серебряной бахромой.

– Но черт побери! мне деньги нужны сейчас, а не через десять лет. Нет, надо ждать, пока мсье соизволит вернуться. Или пока кто-нибудь из местных моряков не увидит в порту, как стеклянная лодка мсье пошла ко дну.

176

– Нам нужно официальное уведомление, и еще скорее всего придется заверять подпись свидетеля.

– О! – воскликнула вдруг тетя Урсула-Поль, до сих пор не проронившая ни слова, она, как и Сиприен, наследовала в двадцать четвертую очередь, – в этих странах очень легко заверяют любую подпись.

А ведь правда! Ай да тетя Урсула-Поль и ее Египет! Это из их поместья в Танта, находящегося в столице Дельты, но тем не менее охраняемого с наступлением сумерек вооруженными людьми, дядя Поль уехал в Эль-Файюм по важному делу, управляющий выпил шесть чашек крепкого обжигающего кофе, пока ждал его, как оказалось, напрасно, а тетя, тетя Урсула-Поль вернулась на родину и больше никогда не смеялась.

– О! Тетя Урсула-Поль, у вас, наверное, есть идея?

Идей у нее нет, но к чему сразу в этом признаваться, может, удастся, наконец, набить себе цену, перестать быть бедной родственницей, которую из милости терпят на семейных праздниках и которая потом



в одиночестве трясется и плачет кровавыми слезами среди подушек и антимакасаров, – ну.., кузен, я подумаю... в тысяча девятьсот двадцатом году я продала поместье, но, конечно...

– Но, тетя Урсула-Поль, разве там покупают земли? если вам нужна земля, вы просто присоединяете себе несколько квадратных метров.

177

– Нет же, Гонтран, какое заблуждение, в Танта земля очень дорогая.

– Ох уж эти большие, эти новые страны! Свободные! А я тут со своим маленьким замком и несколькими гектарами виноградников... О! если бы не Барбара...

Между тем сестра Фрида, закончив свою скорбную работу, ехала с кожаной торбой через плечо и в развевающемся на ветру синем покрывале на велосипеде *Solex*. Сестра Фрида, – сказала накануне еле слышным голосом Сильвия, – вы мне больше не нужны, спасибо! Но другие больные подождут, они же не при смерти, как вы, я останусь, – и устроилась на стуле с вязаньем, с длинным черным чулком, звяканье спиц заглушало мерный шум крыльев ангелов: о! боже, забери меня к себе.

– Когда вернется Оноре, каким ударом станет для него известие о смерти матери.

– Ах! Ну вы его, негодника, еще пожалейте.

– Нужно что-то решать, если мы не примем решения, знаете, что произойдет?

– О! мы догадываемся, Гонтран, мы же не дураки, Гонтран. Я всю жизнь любила лошадей...

– Мы все любили лошадей.

– Да, но у нас были собственные конюшни. Знаете, как моя бабушка въехала в дом, который они купили...

– Купили? но я думал...

178

– О! я ошиблась, какая я глупая. О! конечно, не купили, а получили в наследство от моего двоюродного дедушки Гюстава, он был из семьи беженцев Нантского эдикта, поэтому дом называли «Le Desert», Пустыня.

– «Дезер». Забавно. Знали бы вы, что такое настоящая пустыня...

– О, да, понимаю, если тебе нужна тысяча квадратных километров, берешь и присоединяешь.

– Вовсе нет, кузен, вы заблуждаетесь...

– Ах, эти огромные страны! никаких налогов, никаких автотрасс, никаких убытков при продаже вина, хочешь увеличить свои земли – пожалуйста.

– Но, кузен, вовсе нет, земля в Танта очень дорогая.

Однажды в Танта она никак не могла закрыть окно, что-то ей мешало, оказалась, змея повисла на раме, ах! если бы опять обнаружить в спальне змей, и чтобы Поль, ночная рубашка, вышитая перьевыми стежками, и маленькое хмурое лицо, лежал в постели! о, теперь бы она сумела его развеселить!

– Что я говорила?.. Знаете, как моя бабушка въехала в свой новый дом, я говорю «новый», потому что она только-только его унаследовала, вы понимаете...

– Конечно, в прежние времена люди еще могли получить наследство, не то что сейчас, с этими родственниками-путешественниками...

– Она въехала в дом в черном костюме амазонки верхом на белой лошади.

– ...и ведь отправляются на другой конец света, вместо того чтобы по нашему озеру плавать и умереть по-человечески, в своей постели или хотя бы в лодке, как наш бедный Гастон.

– Я его очень любила. И усики его мне нравились.

– Так вот! клянусь вам, в черном бархатном костюме амазонки въехала прямоком в конюшню.

– Да уж точно! если бы они умирали в своей постели, вопросы наследования решались бы значительно проще. И что в итоге, где ваши прекрасные конюшни? Ваша бабушка на белой лошади и дедушка, ездивший в «Фоли Бержер» с кучером и лакеем, проели.

– Мой дед по крайней мере не уплыл на корабле со стеклянным дном к Золотым островам.

– Ну уж, у Оноре по крайней мере не было девиц на борту.

– По-вашему, он – прямо вторая Валери.

– Были там девицы или нет, что вы предлагаете? В какую сумму вы оцениваете состо-

яние? дом, виноградники первой зоны, банковские счета, мебель, картины, китайские безделушки.

180 Дети вошли в не запертый по легкомыслию огромный дом, чей-то голос звал на втором этаже: «Оноре!», впорхнули беззаботные пташки, на люстре качаться не стали, держались за руки, розовые вязаные кофточки, палец во рту, разглядывали Китайца с надутым белым как у паучихи брюхом, который с утра до вечера и всю ночь кивает: здравствуйте.

– Нам бы это жизнь подсластило.

– Как бы сахар слишком долго ждать не пришлось. Может, ваш Оноре стал королем племени дикарей.

– Чтобы жить среди дикарей, обязательно ехать на другой конец света...

– Я ухожу. Где моя шляпа? расскажете мне потом, что вы решили.

– Решили! вы все шутите, Сиприен.

– Решили что? Утонул этот мальчишка или нет?

– О! не говорите такие ужасные вещи, Сильвия еще наверху.

– О! наша Вали закусил удил.

Смешно даже представить, что она может закусить удил, покрыться пеной, потряхнуть гривой, словно молоточками цокать по мостовой копытами и разбить витрину часовщику Виктору; почему вместо того, чтобы учиться делать трое часов из одного будильника, он в модном синем плаще бегал за женщинами? Слепой! Нотариус опечатал дом по-

сле похорон, народу пришло гораздо больше, чем рассчитывали, сестра Фрида с важным видом, какие-то незнакомцы, которые, проскользнув в гостиную, расселись на краешках стульев. Потом настало время ожидания: родственники ходили мимо безмолвного дома, вот уже одна каменная маска отвалилась.

– Думаю, нужно пойти на жертвы, нужно послать кого-нибудь в Египет, пусть каждый даст денег на поездку, разумеется, соответственно доходу, мне вот, например, с моими погибшими виноградниками да с этими банкирами еле на сигареты хватает.

– Ладно, пусть ваш взнос будет равен цене на пачку сигарет.

– Что? Гонтран собирается давать по франку в день?

– Франк в день, посчитайте, тридцать франков в месяц, триста шестьдесят пять в год, фактически годовой процент с десяти тысяч франков, где Эрнесту найти подработку за такие деньги? это целое, пусть и небольшое, состояние.

– А! Так вы, Гонтран, Эрнеста туда отправляете?

– Ну, да, я так решил. Дела по виноградникам мы закончили, он – человек простой, в огонь и в воду за меня пойдет. После смерти его младшей дочери мы встретились, я долго жал ему руку, он все сделает, чтобы доказать смерть Оноре. Смерть на воде, от пули, от ножа, от ядовитой травы.

– Только это дорого, страшно дорого.

– Вы предпочитаете ждать, пока десять лет пройдет? нет?! значит, вы согласны с моим выбором. Я бы сам поехал: прыгнул бы в самолет, и дело с концом. Но моя инвалидность... А ты, Жюль, пора бы уж решиться и заговорить?

182

Жюль заговорит, когда захочет, – повторяла его мать, сидя с вышиванием под секвойей: ах! сколько хлопот с этим ребенком! ужасно беспокойный, вертится в кровати, я иногда по десять спичек за ночь сжигаю. Гонтран пригласил Эрнеста. По какому праву он зовет меня Эрнестом? Разве я зову его Гонтран? «Леон! Леон!» – кричал в саду павлин. Вот кто он такой! – павлин. Слепой павлин!

– Вы верно поняли, Гюстав, извините, Эрнест... мы, конечно, будем крайне огорчены, узнав, что с нашим дорогим племянником Оноре, мсье Оноре, случилось несчастье... Мы дадим вам его фотографии и последний адрес, гостиница в Александрии.

– Я все сомневаюсь... правильно ли вы делаете, доверяя этому человеку?

– Дорогая Гермина, я разбираюсь в людях, я задал себе вопрос: счастлив ли он? и ответил: да. Он разводит виноград, его виноградник удачно расположен, ему не угрожает автотрасса, чего вам больше? он проведет несколько дней в Египте, жизнь там дешевая, если нужно расширить поместье, вы просто переносите границы и присоединяете себе очередной участок, да и есть ли там вообще

границы? Разумеется, мы бы все хотели, чтобы он разыскал Оноре.

– Может быть, он в плену.

– У кого, Гермина? Скажите на милость, у кого?

– Не знаю... у этих людей... когда я была маленькая, мой дядюшка, капитан корвета, тот, что привез вазу из Китая, и по воскресеньям мы с братьями и кузенами...

183

– Итак, Эрнест, вот уже три года у нас нет новостей, мы отдали бы все, что мы имеем... ну, безусловно большую часть... чтобы узнать, где именно на чужой земле похоронен наш бедный мсье Оноре...

...и как он умер.

Но если он жив, мы, разумеется, будем только рады.

Напрасно Гермина ему подмигивала, как в прежние времена, когда Барбара была еще маленькая, а она, Гермина, пела за пианино на французском с акцентом, несмотря на многочисленных *Mam'zelles*, бедных девушек, прижимавших к себе докторские чемоданчики в чернильных пятнах:

*Un baiser, c'est bien douce chose,  
Tu le sais sur ta levre rose, Baiser d'epoux, baiser  
d'Allemand\* ...*

---

\* «Поцелуй, нежный поцелуй, твои розовые губы знают его, поцелуй мужа, поцелуй... немца»... Целомудренная Гермина вместо *baiser d'amant* (поцелуй любовника) поет созвучное *baiser d'Allemand* (поцелуй немца).

Мсье Дюбуа... Дюмон... вся моя жизнь в ваших руках, – кричал Гонтран в исступлении. Плачь, кричи, никто тебя не слышит, как и прочих несчастных улиток, которые, набившись в дальний отсек здания вокзала, тоже кричат и плачут. – Мсье Дюбуа, вы найдете нашего дорогого племянника. Вы понимаете, сколь важную миссию мы вам поручаем, мсье Дюмон? Когда вы сможете отправиться в путь? я вас не задерживаю, мсье Дюмон.

Он поедет на следующей неделе, за их счет. Идиоты! Господи! малышка моя! с этими дураками я на миг забыл о тебе, прости меня, Денизетт. Он посадил герань на могиле дочери, теперь вся жизнь его вращается вокруг пустого места, формы без содержания, а жизнь египетских детей проходит на буферах трамваев, примостятся, бедолагы, с подносом сладостей на коленях, если один умрет, никто ни в человеческих гроздьях, висящих на подножках, ни в толпах бегущих мужчин в полосатых дырявых рубашках Монопри без воротников, манжет и пуговиц, с разрезами по бокам, и не заметит. О! как бы мне хотелось увидеть на этих тротуарах, где скачут калеки, мадам Будивиль, толкающую инвалидное кресло со своим слепым муженьком.

– Вы уверены, что поступили правильно, выбрав мсье Эрнеста?

– Ну послушайте, он за меня на тысячу кусков разорваться готов.



Эрнест, наконец, добрался до указанной в последнем адресе Оноре гостиницы в Александрии: вестибюль похож на капитанскую кают-компанию, номера идут друг за другом как каюты, вместо дверей – занавески, постоянно колышущиеся от ветра пустыни, хамсина, не раз упомянутого тетей Урсулой-Поль. О! я отлично помню мсье Фольвилля, молодого человека с темной прядью, и его необычную лодку. Я присматривал за ней, когда мсье отлучался, плавать я больше не могу, у меня теперь гостиница-корабль, поздно мне в голову пришло, что тут тоже надо было сделать фундамент из стекла, мы бы видели червей и корни, и одуванчики, которые я в скором времени... я – француз, мсье, южанин.

– А что мсье Оноре, барон де Будивилль, как вы думаете, с ним случилось несчастье?

– С ним? конечно, нет. Знаете, я пробовал тут организовать бычьи бега, но быки перепрыгнули заграждение, решив полакомиться побегам бамбука, и....

– А если бы мсье Оноре попал в кораблекрушение, об этом стало бы известно?

– Разумеется, но никаких штормов после Агнессы, последнего циклона из Америки, не было. Он собирался плыть вверх по Нилу. Послушайте, поезжайте-ка в Каир, там на берегах Нила толчется много всяких лодырей, которые наверняка его видели. А что до моих бычьих бегов, дело бы пошло, если бы не проклятые ростки бамбука, высотой ровно...

Трефовый король заперся с тетей Урсулой-Поль у себя в кабинете, ненужный теперь кнут лежал на Библии.

– Благодаря верному Али, моему верному египетскому слуге, вы, я думаю, добьетесь своих целей, он очень умен, предан как пес и готов умереть за меня.

186 – О! Тетя Урсула-Поль, какие фантазии! не думаю, что нам это понадобится. Впрочем, его письмо, возможно, окажется полезным, все зависит от того, с чем вернется эта канцелярская крыса... из прекрасного путешествия, которое мы ему любезно оплатили...

– Да, но верный Али... я ему часто рассказывала о необычном корабле...

– Как! Тетя Урсула-Поль! почему же вы раньше молчали! Столько денег на ветер! Впрочем, подстраховаться не лишне. Известно еще, что привезет нам Эрнест, наш верный Эрнест, у нас, знаете ли, тетушка, тоже есть старые преданные слуги, хотя ваша жизнь по сравнению с нашей была куда вольготнее, захотели два гектара прибавить, что я говорю, какие два, шестьдесят... Но все равно спасибо за помощь, тетушка, я это никогда не забуду. Помочь Будивиллю! Помочь трфовому королю, по-прежнему красивому, энергичному, с крепкими мускулами под рубашкой в полоску.. Письмо от верного Али на квадратном листе с несколькими марками, наклеенными здесь и там, пришло-таки одним прекрасным утром.

– Тетушка! Тетушка! неужели? наконец-то! как мне вас благодарить! какая невероятная удача, что дядя Поль... что вы, тетушка, вынуждены были покинуть Египет и поселиться совсем рядом с Поссесьон! Поссесьон теперь к вашим услугам, все, что мое – ваше. Могу я вас поцеловать, тетушка?

Красивые руки, крепкие мускулы под полосатой рубашкой! На следующий день прислуга тети Урсулы-Поль меняла наволочку на мокрой от слез подушке. И вот, наконец, в апреле спозаранку принесли телеграмму от Эрнеста: «самолет 15 часов хорошие новости». Хорошие новости, что бы это значило?

– Вашему Эрнесту пора бы уже быть здесь.

– Он еще имеет наглость заставлять нас ждать? может, он к себе сначала отправился?

– Чтобы ванну принять?

– Может, и мне в ванну залезть?

– Я звоню, но женщина, которая мне отвечает, наверное, его жена, не понимает, о чем речь.

Дверь открылась.

– Это не он, Гонтран, это нотариус.

Эрнест жевал в ванне бутерброд, о! вот уж он развлечется, доведет их до белого каления, посмотрит, как они будут извиваться у него на крючке, сначала он с радостным видом объявит, что их дорогой племянник жив. Пусть потомятся, поварятся в собственном соку. И лишь напоследок, такой у него план, он вытащит письмо Ахмеда Фуада Нассара. Он поднимался по улице. Что толку говорить:

не летать людям наяву, что толку говорить: вот Катон, вот Валери идут за покупками, важно одно: их сердца крутятся как роторное колесо, стучат о ребра, замедляют ход, покрываются пеной: Гонтран! Гастон! все кончено! Твой голос! Я больше никогда его не услышу! Снова открывается дверь.

– Мсье Дюмон...

188

– Это не он, Гонтран, это чай.

Чай торжественно внесла Роза в красивом зеленом платье, упавшем ей с неба, и в белом фартуке, который она снимала и засовывала в угол, как только выходила из гостиной, из уважения к будущей мадам Будивилль. Когда мсье Дюмон действительно вошел, трефовый король сидел, надувшись, подперев голову, в широком кресле, куда смело опускал свой широкий зад: в первый день, вернувшись из больницы, он упал с табурета у пианино: зачем, скажите на милость, нам теперь пианино, если Барбара в джазовом оркестре играет на треугольнике? Мсье Дюмон загорел под египетским солнцем, наверное, ходил в набедренной повязке. – Мадам Б. не изменилась, все тот же мучнистый цвет лица, а мсье Б. словно смотрит поверх голов на серые панели. И хлыст, по-прежнему, лежит на Библии.

– Итак, мсье Дюбуа... Выполнили ли вы в итоге, мсье Дюбуа, наше поручение. Мы оплатили вам прекрасное путешествие, мсье Дюбуа.

Тот многозначительно похлопал по портфелю.

– Нет, я не могу, давай ты, Жюль.

Жюль быстро залез в портфель и вынул зубную щетку, у Жюля, кстати, очень ловкие пальцы, он ловит мух и сажает в самодельные клетки. Как они жужжат! Он тоже жужжал у себя в комнате, кто сказал, что он не умеет говорить? он разговаривал с мухами.

189

– Зубная щетка.

– Что? Вы издеваетесь над нами, мсье Дюбуа?

«Я разве что-то ему сказал?»

– Нет же, мсье Будивиль.

«Еще как издеваюсь».

– Мсье Дюбуа... Умоляю вас, говорите. Знаете, если бы я не был... болен, я бы вас взял за грудки.

– Гонтран!

– Вы смотрите на меня? нет, хватит, перестаньте.

Он обхватил голову руками, боже, как это унизительно!

– Мсье Дюбуа, уф! Дюмон, давайте уже покончим с этим. Вы, разумеется, засвидетельствовали смерть нашего племянника в консульстве?

– Мне нужно кое-что объяснить...

– Что еще, черт побери?

– Гонтран!

– Мсье Дюбуа, вы видите, я спокоен. Итак, где документ?

– Мсье Будивилль, мне нужно вам кое-что объяснить... я с радостью сообщаю вам, что ваш дорогой племянник, мсье Оноре Будивилль, да, я нашел его след, ошибки быть не может, еще полгода назад мсье Оноре находился в полном здравии.

Да... я... я счастлив сообщить вам это...

190 Нотариус старательно водил карандашом по бумаге.

– Что ж, мсье Будивилль, раз дело ясное, я вам больше не нужен?

– Проклятье! с меня довольно. Пока вы там прохлаждались на берегах Нила, я, больной человек, сам отсюда занимался поисками и кое-что обнаружил. Взгляните, господин нотариус, разве это письмо не доказывает неопровержимым образом смерть нашего дорогого несчастного племянника?

Гонтран встал, прядь на затылке торчком, и все вдруг заметили, что она – седая.

– У меня здесь письмо с печатями консульства...

Письмо? от кого? какое письмо? Но как же... и его не мсье Дюмон привез?

– К поездке мсье Дюмона это письмо не имеет никакого отношения. Я получил его лично, от одного из моих корреспондентов в Египте. Да... я веду там довольно важные дела... Все законно. Так вот, оно написано свидетелем смерти Оноре.

– Погиб во время кораблекрушения?

– Как?! мы зря ему оплатили поездку?! я всегда говорила...

– Нет, не при кораблекрушении, Оноре умер...

– Мсье Будивиль! подождите! я же не закончил! Подождите!

– Вы знаете, кто вы, мсье? вы – мошенник. Вас отправляют в Египет, а вы... Тихо! вот доказательство, я получил его вчера, я ничего не говорил, чтобы понаблюдать, как вы запутаетесь, нет, замолчите, я не желаю слушать ваши объяснения. И вы тоже, Сиприен, замолчите.

191

Сиприен открыл было рот, покосился на письмо, махнул неопределенно рукой, погладил лысый череп, улыбнулся неизвестно чему, облокотился на стул Валери и неожиданно пихнул ее в бок. Как? И Валери еще здесь?

– Письмо прочла мне тетя Урсула-Поль, впрочем, вот оно, и в нем значит, что некий Барак, фермер из Танта, столицы Дельты, друг нашего племянника... Да замолчите же вы, наконец, мсье, чем вы нам помогли? ничем, абсолютно ничем. Мы выбрали счастливого человека, не отягощенного проблемами, имеющего маленький домик, и вот результат!

Ладно! сейчас и вы, мсье, узнаете, читайте, читайте. Мсье Оноре сгорел на пожаре в Танта, подписано «Барак Роберт», заверено египетским нотариусом и консульством. А? Что вы на это скажете?

Кто бы мог подумать! Бедный Оноре! Слава богу, его мать не дожила до этого дня.

– Что вы на это скажете, мсье? Знаете, кто вы? мошенник! вы с вашими крокодиловыми слезами!

– Господин нотариус. Я хотел пощадить чувства семьи и не сообщать им сразу печальную правду. Господин нотариус, это письмо, конечно, очень интересное, но у меня есть еще одно...

– Что? Остановите его...

... свидетель законный, давал клятву.

*«Первого декабря, здесь этот день может оказаться таким же дождливым, как у нас в мае, тучи плыли очень низко над землей. Мсье Фоллевилль...*

– Фоллевилль! вы что ли не видите? это же мошенники!

– Нет, нет, подождите, это описка. Дальше он везде его называет «Будивилль».

*«... которого я хорошо знал, мы частенько прогуливались вместе, если погода позволяла, пригласил меня в экспедицию. Я сомневался. Прогноз оставлял желать лучшего, море сильно штормило, но все-таки я согласился. Мы сели на этот его необычный корабль, стоивший наверняка бешеных денег, и тут случилось несчастье. Времени у меня маловато, чтобы описать все подробно...*

– Замолчите! это ложь. Замолчите. Остановите его, где он? я вырву у него письмо и брошу в огонь.

– Успокойтесь, мсье Будивилль.

*но дело было так: волна подняла корабль, завалила его на бок и смыла мсье Будивилля за борт...*



– Почему вы все слушаете эти глупости?  
... несколько мгновений он еще держался на воде, а потом пошел напрямик ко дну, потому что мы прежде, чем отправиться в плавание, плотно поели. Меня спас араб, случайно оказавшийся неподалеку, я видел, как корабль мсье де Будивилля разбился о камни... Его труп нашли через сутки».

Подпись: 193

*Ахмед Фуад Нассар, студент  
5, Дарб-эль-Атрак, Азар-Каур.*

– Н-да, – сказал нотариус, складывая письмо.

– Вам что-нибудь еще требуется? еще какие-то доказательства, что наш племянник мертв, мертвее всех мертвых?

– Н-да, – нотариус аккуратно подвинул чернильницу – домик, шале с множеством окон, в одном служанка в нарядном платье с серебряными цепочками хлопочет по хозяйству, в другом ребенок в башмаках с гвоздиками спит на большой кровати, – видите ли, мсье Будивиль, дело несколько усложнилось. Хоть люди и говорят... но не следует ли признать, что мсье Оноре, ваш племянник, не мог умереть двумя разными способами?

– А почему нет?

– Да, да, я понимаю вашу точку зрения, но судьи, видите ли... Ах! как жаль! одного письма было бы наверняка достаточно... и суд...

Никогда еще нотариус не был так несчастен и так похож на сто деревенских нотариусов, загорелых, несмотря на черные костюмы, тихонько счищавших под письменным столом навоз и стебельки соломы с ботинок.

– Вон, пошли все вон. Оставьте меня все в покое, и нотариус, и этот мошенник, и ты, Сиприен, и тетя Урсула! О! великолепная идея вам в голову пришла, тетушка Урсула! Дайте мне умереть под руинами Поссесьон. Гонтран! Мсье Гонтран! куда вы? вы упадете! Оставьте меня. Вытянув руки вперед, рубя воздух, спотыкаясь о землю и камни, он бежал прочь в ужасной кромешной темноте, седая прядь трепыхалась на ветру, запутался в кустах роз, освободился сам без посторонней помощи, спустился на луг по склону холма: где я? Аллеи давно уже не пропалывали. Зацепившись за железную проволоку, упал в заросли сирени, от злости из невидящих глаз брызнули слезы. Рядом бился ворон, который несмотря на многочасовые усилия никак не мог выбраться из узкой вилки бузины. А между тем Оноре передвигался свободно, то горизонтально, то вертикально – поискать бы золото на песчаном морском дне, да рук нет – и встретил рыбу-луну, рыбу-тыкву, имевшую прямо-таки удивительное сходство с его бывшим учителем грамматики и с теми, кто подвязывает челюсть белым платком, когда болят зубы.

– Мы пропали. Это была наша последняя надежда. Но как этот человек посмел меня обмануть? После всего хорошего, что я ему сделал...

Пляши, пляши, Дюмон, – говорил Гонтран, отстукивая ритм по столу, – пляши, пока голова не закружится и не упадешь, а если присядешь в реверансе, накину тебе еще десять франков в месяц.

195

Десять лет! десять лет Отсутствия! За это время мир перевернется. А пока командор идет вперед в каменных сапогах, топчет розы, разрушает конюшни, столбы с серебряными кольцами валяются на дощатом полу в стойлах, мертвые кони, когда вернутся, больше не найдут тут пристанища, а та, что кутает плечи в черную шерстяную шаль? На табличке, где еще можно было прочитать «Султан», написали «Воду не пить», повесили ее на фонтане в форме морской раковины и отвели специальную трубу с краном для рабочих. И для их детей. И для их собак. Потому что была осень, сезон охоты. Трефовый король держал на вытянутых руках готовый рухнуть замок, а ферму – молоком ослиц с нашей фермы принцев кормили – пришлось продать. Что за замок без земель, на клумбы высыпали цемент, в кустах роз валяется тачка. Трефовый король облокотился на подоконник. Хотя какие теперь ему окна. Нет для него ни окон. Ни зеркал.

– Вы вздыхаете, Гермина? что с вами? думаете, стал бы я вздыхать, имей я глаза?

– Я? вздыхаю?

Она кричала, вот что она делала, кричала по вечерам в подушку. А в тот день, когда она упала в обморок в гостиной, столько было шуму от механических лопат – рабочие во дворе синхронно поднимали за уши мадмуазелей, несуразным силуэтом похожих на Гермину – столько шуму, что Гонтран, который стоял, прижавшись лбом к окну, даже не обернулся. И лишь выходя из комнаты, споткнулся о ее тело.

196

– Что это? кто тут лежит? О! вы смерти моей хотите?! Теперь вот люди у нас на полу валяются. Чтобы я наступил на них, наверное.

Он наклонился, узнал наощупь пухлые запястья в узких манжетах, корсет из китового уса. Роза и запах ее пота заставили Гермину очнуться. Вполне естественно было бы, если бы Гермина, вскормленная песком, с закупоренными песком органами, умерла от артрита, но ее желудок атаковал рак. С этими их озерами, где в изобилии водится костлявая рыба, которую ловят бреднем, и без нормального хлеба – только черный горький вестфальский пумперникель\* – рыбы кости скапливались в желудке, пока тот вместо формы калебаса\*\* не принял форму гитары,

---

\* Пумперникель – сорт хлеба из ржаной муки грубого помола с цельными зернами, распространенный в Германии.

\*\* Калебас – тыква-горлянка.

и теперь при глотании даже мельчайшее рисовое зернышко причиняло Гермине невыносимые страдания; пришлось убрать рис из меню. А с чем я буду курицу подавать, скажите на милость? я приношу курицу, варю, а потом мне еще картошку жарить, даже в выходные из-за этого работать приходится! О! не ценим мы здоровье, пока имеем. Ну уж я-то, ну уж я-то, я им, этим крестьянам, покажу, что такое померанская пруссачка! Она, молча, не жалуясь, наблюдала, как растет ее рак. Рентген? Операция? На какие деньги?

– Да что с вами, Гермина? вы должны обратиться к врачу.

Он неловко побрызгал остатками «Neure bleue» от Герлена ее подушку. По ночам он не спал, вставал и ходил: ночью я ловчее их, ночь – мое время, мое пространство, она делает меня похожим на других, те тоже передвигаются, вытянув перед собой руки, наталкиваются на мебель, но с воркованьем вихрей на заре к ним возвращается свет. Вот, наконец-то, я нашел себе название: природный паразит, живое ископаемое, латимерия\*, морской еж из Каспийского моря, о! Прогоните эти отряды муравьев, бегущих вереницей по двору мимо гаража, прогоните летающих ящеров. Уже рассвет? – он принимался ухать совой. Гонтран! – испуганно шептала Гермина. Она, закусив губу, лежала в крова-

---

\* Латимерия – рыба, живое ископаемое, практически не изменилась за 400 миллионов лет.

ти, качавшейся на волнах: кто мог подумать, что парк Поссесьон на самом деле – огромное озеро, впрочем, давно пора было бы догадаться, хотя бы по гладким отвратительным жабкам, скачущим в сырой траве, и по угрю, которого принес Оноре и который спрятался под камнем в пруду, маленьком Мертвом море, находящемся в ста лье от настоящего, а в тот момент, когда все угри на свете, поменяв кожу, поплыли в Саргассово море, выпрыгнул из воды и заполз в траву, Гермина на него наступила, у нее случился выкидыш, наверняка родился бы мальчик. Теперь она радовалась приступам рвоты: зачем есть, если вырвет, можно экономить на еде, в тумбочке возле рулона гигиенических салфеток лежал спрятанный после завтрака кусочек хлеба с тонким слоем масла. Роза ставила колена на кровать, поправляла одеяло; пот, неиссякаемый источник которого находился где-то в ее крупном теле, бил под мышками и расплзался круглым пятном на красивом шелковом зеленом платье. Вечером Гермина тащила на кухню, вынимала из мусорного ведра салатные листья, забракованные Розой, чужое добро разбазаривать легко, промывала их холодной водой, на следующий день они были жухлые, прозрачные, но, если смешать со свежими, вполне съедобные. Служба по вывозу мусора еще не работала, приходилось все самим таскать на свалку, раньше это делал садовник, но теперь Роза отправлялась на озеро с груженой до краев тачкой. Веками

на берегу жгли мусор, пожелтевшие фотографии горели в коробках из-под обуви. Кровать трясло как самолет, попавший в воздушную яму в грозу. Гермина упрямо сжимала губы, чтобы удержать рвоту, Роза кормила ее из поильника и подносила судно с ледяными, как северные льды, краями. И умерла Гермина именно в тот вечер, когда случилось северное сияние.

199

– Мсье, мсье, – кричала Роза, – идите посмотрите! Скорее!

– Посмотреть?

– Как глупо, – сказал доктор, – почему она молчала? обычный рак желудка. Мы могли бы ее спасти или по крайней мере продлили бы ей жизнь.

Она бы, конечно, предпочла умереть в Померании, родственники ехали на машине, строго следуя дорожным знакам, но ночью сильный восточный ветер гнал песок по трассе, тормозной путь стал длиннее, как раз чтобы сбить странствующего с нужного направления, из-под земли торчала рука то ли мертвеца, то ли бога. Может, мой ребенок увяз в песке? Мать тащила за собой собаку. Гермина покинула Поссесьон, оставила свои шкафы с бельем, пахнувшим туманом и мертвой рыбой. Гонтран сидел один на первом ряду в церкви, старший брат Гермины случайно застрелился, когда чистил ружье, другого непонятно где ноги носили. А где же Жюль, где Валери? Роза села на второй ряд, куда ни пойдешь, везде она окружена мужским

вниманием! о, может, я немного располнела, но ведь фигура – не главное. Красивое зеленое платье пришлось перекрасить в черный. Почему Гермина не лечилась? Из экономии. Но этот секрет она унесла в могилу, надо же хоть как-то развлечься. О! Боже мой, сохранилась ли еще *ее* черная шерстяная шаль? с тех времен? с тех времен? Гонтран вернулся в пустую гостиную, Барбара снова куда-то уехала, он слышал гудок клаксона, на каминной полке из розового мрамора бронзовый Барбедиенн\* натягивал лук рядом с небольшим красным подносом с изображением какого-то берега, наполовину заляпанного чернильными пятнами, единственного берега, куда могли бы причалить скитающиеся корабли. Гермина! где вы сейчас, друг мой? вы помните? мы поднимались с вами к леднику, вы шли, как обычно, тяжело ступая, вы ели медвежью ягоду, заяц выскочил прямо у вас из-под ног, а, когда вы присели на камень, твердолобые козы пытались снять у вас с шеи красный платочек. Гермина, неужели вы покинули меня? Оставили одного в крошечной темноте? Роза готовила ужин: нужно было все-таки устроить поминки и позвать людей, говорю, как есть, я и пирожные купила. Гермина... она всегда говорила, что влюбилась в будущего мужа по фотографии, стоявшей на пиа-

---

\* Бронзовый Барбедиенн – миниатюрная скульптура из бронзы. Фердинад Барбедиенн (1810–1892) – французский литейщик и промышленник.



нино в пансионе, хозяйкой которого была его кузина. Его кузина? никакая это не кузина, разве у него, у Гонтрана, может быть кузина – хозяйка пансиона? в любом случае, когда та с ее поношенной вуалеткой осмелилась называть его «кузен»... он широко зевнул и поспешил удалиться, сейчас уже не вспомнить был он на лошади или пешком, в ботинках на резиновом ходу... Да и неважно. В общем, Гермина на полном довольствии жила в пансионе кузины и посвящала Гонтрану вальсы Шопена. Мы с семьей в Померании выезжаем только на машине. Да, действительно, у них был *Gut*, в сентябрьском тумане у самого берега скользили парусники, Гонтран несколько удивился, увидев большой квадратный дом, погружавшийся в те слои песчаной почвы, где лежат останки мамонтов, дом, который эти люди упорно называли замком: умывальники в розовый цветочек, по утрам Гермина сама себе приносит таз с теплой водой. Конюшня, да, но, как Гонтран подозревал, на рассвете лошадей впрягают в плуг. «Мы сами провели электричество»: с потолка на проводе свисали лампочки. Отец Германы... Заткните уши, не об ее отце тут речь, и не о расположенной по соседству Польше, и не об Эгоне, чья смерть уже у порога... а о разорении Гонтрана, о разрухе в Поссесьон и в парке... Ее отец... женился на русской, вот почему Гермина приглашала за стол по двенадцать персон, в том числе своего пилигрима, поднимается бывало по улице и теребит

мясистый нос. Ее отец... носил в спальне вышитые домашние туфли. Ее отец... Гонтран изо всех сил старался отделаться от него, и так забот по горло: легко ли слепому Самсону держать на своих плечах стены готового обрушиться замка. Кто это сейчас сказал? кто заговорил? кто рассказывает о грозном поясе мира, о фёне Гермины, о хамсине тети Урсулы-Поль и о Гонтроне, сидящем в саду, который уменьшается на глазах, что же будет со статуями, поющими среди строительного мусора и тачек?

– Мсье Будивиль, что вам угодно?

– О! Роза, вы здесь? ответьте мне, черт возьми! вы разве не знаете, что у меня глаза выколоты?

– Мсье, но вы же пару минут назад сказали, что больше не хотите меня видеть.

Он медленно провел рукой под подбородком, копируя Гермину, сосредоточенно резавшую ножом хлеб, оставив в сторону мизинец.

– Седая? щетина у меня? скажите?

– Давайте, мсье, Роза вас побреет, сделает вам личико на загляденье.

– Что за шум?

– Гроза собирается. Я вас все-таки побрею, нельзя же в таком виде ходить.

Она-то думала, что всю жизнь придется быть кастеляншей! Терпеть всегда и везде домогательства мужчин. И вот тебе на, прибрала к рукам владельца замка, владельца замка без замка. Мадам умерла и лежит в могиле.

А где все-таки Жюль и Валери? нельзя же просто взять и исчезнуть, если только ты, конечно, не живешь на корабле со стеклянным дном. Жюль... Последнее, что было известно о Жюле, что он, сильный как бык, задушил старого врача с седыми усами к вящему удивлению последнего. Так значит, – кричал он хриплым, странным, слов почти не разобрав, голосом, – ни вина, ни мяса, ни женщин?! – Да он с ума сошел! На помощь! я знал его с самого детства, мать его, моя любимица, сидела вышивала под секвойей, ему, такому нервному, требовался щадящий режим. Признаю, я кормил его макаронами и чаем. Но разве я виноват, что методы изменились?

Потом Жюль еще кричал и, кстати, довольно разборчиво:

– Хватит! мясо, дичь, устриц, женщин и все остальное...

– Как? именно сейчас, когда я ему сообщаю хорошую новость, что теперь согласно последним медицинским открытиям он может больше не соблюдать диету и пить «Монтраше» и «Шваль-блан»... Вся жизнь, вся моя жизнь испорчена именно сейчас, когда мы разорены... что с ним? похоже, он хочет меня задушить, руки у него как клещи, все же иметь дело с немым очень опасно, на помощь, он сумасшедший, на помощь!

Красивые наивные голубые глаза выкатились из орбит: Жюль и вправду задушил доктора. Теперь Жюль, наверное, в тюрьме или в психиатрической лечебни-

це, что вполне объясняет его отсутствие. Но Валери? где наша Вали? правда, что она Гонтрану не сестра? Валери возвела вокруг себя воображаемые стены, тяжелая дверь, монастырский колокол, спала на тонком волосяном матрасе, просыпалась по три раза ночью и молилась, стоя на коленях у кровати на коврике из лоскутов, знаете, такие вяжут в приютах для душевнобольных. Никакая она мне не сестра, – говорил, немного раздражаясь, Гонтран, искоса поглядывая на Валери, темные морщины, волосы, похожие на губку из проволоки. Где она сейчас? После того, как Гермину зарыли в землю, осталась только Роза, Розетта. Ах! мой муж был очень хорошим человеком, я открыла дверь, а он на полу, сидел на унитазах и упал, я всегда говорю, как есть, самые лучшие рано уходят. Иногда Гонтран хватал что-нибудь из мебели, и в его руках кресло Людовика XV, доставшееся от бабушки по отцовской линии, превращалось в ослиную челюсть\*. Он на вытянутых руках держал свой разрушавшийся замок. Роза в первый раз увидела красавца Гонтрана, друга королей, когда тот зашел в бельевую: он будет моим, я всех их вокруг пальца обведу, замок с пятьюдесятью двумя окнами, как роскошное платье, ему

---

\* *Книга судей* 15:15 Нашел он свежую ослиную челюсть и, протянув руку свою, взял ее и убил ею тысячу человек. 15:16 И сказал Самсон: челюстью ослиною толпу, две толпы, челюстью ослиною убил я тысячу человек.

очень к лицу, но *они* уже тронулись в путь, *они* уже решили сравнять его замок с землей, младший в семье – глухонемой, искалеченные войной дети, циклон Европа, китайцы, молча ехавшие на мулах, хоть бы что-нибудь говорили, пусть между собой и на своем языке, но нет, немые, страшные, хватали детей, матери шли следом, падая в дорожную пыль: оставьте, оставьте – будете сопротивляться, перестреляем, и ведь не соврали... Луи следил в погребу за своим еще мутным вином: нет, не буду я туда всякую гадость подмешивать, всякие сульфиты, надо, чтобы оно само стало прозрачным, если бы биза подула, я бы открыл ворота погреба и...

– Я бы, Луи, на твоем месте больше не ждал, твое вино само по себе не осветлится.

Они сидели на балках в погребе со сводами, вымощенном маленькими круглыми булыжниками.

– Нет, осветлится. И не надо ничего туда мешать. Нужно только, чтобы биза подула.

– А ты знаешь, что люди прячутся по домам? Открывать ворота опасно. Прислушайся, *они* идут, и *они* вооружены.

– И ты прислушайся! вот и биза!

Биза, бороздя волны, пришла, как и *они*, с востока. Скорее распахнем ворота, раздался выстрел, без промаха, Луи упал как подкошенный, а тем временем в огромном чане вино стало прозрачным и вода в горных озерах тоже.

Теперь владелец замка, хоть и гол как сокол, принадлежит ей. Роза прильнула к двустворчатой двери:

– Ужин подан.

Взяла трость, прислоненную к креслу, раздавила осу, воспользовавшуюся лучом зимнего солнца, чтобы, помогая себе прозрачными крыльями, поизвиваться и поползть на пыльном, в волосах и нитках, восточном ковре.

206

– Почитайте мне заглавия книг в шкафу.

Она водила пальцем по корешкам: «Гражданское право»... «Психология»... Да что на вас нашло, мсье Будивилль?

– Оставьте меня в покое, и чтобы я вас больше не видел.

Она с гордым видом удалилась, поплыла по длинным, выложенным плиткой коридорам. Гонтран высунулся из окна: замолчите вы все, ветер в листьях, бой часов, совы с белым ободком вокруг глаз, вы мешаете мне слышать журчанье фонтана. Я что не только ослеп, но и оглох уже? но ведь чего-то не хватает? Роза! Он меня зовет! вдруг у него удар! кровоизлияние в мозг или что другое? Она нацепила стоптанные тапки, зеленый плащ, ничего, скоро в гардеробе мадам она выберет себе наряды получше.

– Фонтан!

– Но, мсье Будивилль, фонтан не слышно, потому что теперь вместо него трубу проложили, вы прекрасно это знаете, воду пить нельзя, и в парке полно рабочих.

Она купила себе бархатные брюки и про-

хаживалась перед мужчинами, покачивая бедрами и грызя яблоко.

– Как бы нам еще платить не пришлось, один рабочий, говорят, тифом заболел.

Теперь в толпе только у двоих, у Гонтрана и Розы, лица обведены белым овалом, нет, с ними еще сова, ухающая на ветке каштана. Гонтран, путаясь в веревках и тяжелых фиолетовых шторах, которые он еле раздвинул обеими руками, пытался убить Крысу, Крысу, своей палкой слепого.

207

– Что вы натворили, мсье Будивилль? Посмотрите! Идите присядьте. Сюда. Нет, не мимо стула. Вот ваша салфетка. Сейчас я вам ее на шею повяжу.

Свинья за столом, как на рекламных плакатах колбасников. Ах! боже мой, ведь когда-то я видел! Теперь я живу на необитаемом острове, где, чтобы не потерять счет времени, каждый день надо делать зарубку на доске, если, конечно, повезло и нож остался при вас после кораблекрушения. Я иду по чужой стране, я – иностранец, турист, меня водят, берут за руку, по тому, как солнце вдруг припекло, я чувствую, что погода изменится. Увы! бедный Гонтран, он даже покончить с собой не мог. Как, как ему это сделать? Увы! В Мостаре теленок подох, увы! попадьи теперь пьют только черный кофе, весь Мостар в трауре – вот что вертится в голове, когда шарить перед собой белой палкой – увы! теленок в Мостаре подох. Как, как вспомнить имена девяти муз? Видишь, Гермину, а ты бы сумела. Попро-

ситель словарь у Розы? Она прибежала, вытирая руки фартуком: у меня порей на огне – ну, иди следи за своим пореем, черт возьми! Она слюнявила палец, переворачивая страницы, водила по строчкам: *Pro Juventute*\*... Хватит!

– Конечно, я не училась и все такое, зато я из честной, хоть и бедной семьи.

208

Она тоже, она тоже была бедной, та, что поднялась на корабль Матерей, кутавших плечи в черные шерстяные шали, Жозеф бежал по берегу, протягивая руки к кораблю, ферма горела у него за спиной.

– ...из бедной, но честной семьи. Я и за доктора могла бы выйти замуж! Он часами со мной беседовал. Квартиру свою показывал. И свою спальню. На комодке под стеклянным колпаком – веноч невесты.

Трубочист тоже хотел на ней, на Розе, жениться, красавец, в цилиндре: да чтобы я вошла под низкие своды убогой церквушки в черных колючках вместо украшений? я и трубочист? я, которая за доктора могла бы выйти? По воскресеньям она навещалась в гости к опекуну, всегда в платье с глубоким вырезом, обхватывала суповую тарелку полными, в коричневых пятнах руками, Розины руки гнилые, пятнистые, словно битые фрукты, которые, как мячики, катят под деревья, чтобы потом сделать наливку

---

\* Роза неправильно прочла название фонда *Pro Juventute*, издававшего знаменитый «Альманах Песталоцци».



чистую, прозрачную... Смотри, малыш, посмотри в рюмку, видел ты где-нибудь что-то подобное? чистое как родники Толёр, как озеро ангелов? Роза, воня сухой кровью и потом, шумно хлебала суп.

– Я прямо говорю, я беру заместительницу на воскресенье. Я не хочу концы отдать. Я, вообще-то, за доктора могла бы выйти.

– Или за мсье Гонтрана? почему бы и нет?

– О! я всех их обведу вокруг пальца.

– Конечно, особенно теперь, когда он ослеп.

– О! да все они, вы слышите, все эти мсье без исключения, наведывались в бельевую, то под одним, то под другим предлогом. Оно-ре...

Жозеф резко поднял голову, она что-то шептала на ухо кузине. Я знаю, что они говорят... если они думают... Мама! Мама! Покойница в синем фартуке встала. Она умирает, она же умирает, разве вы не видите? молния ударила в озеро, опекун взял к себе Жозефа, двенадцать лет, веснушки. Кузина была женщина честная, никогда бы никого на грош не обманула, но каждое утро в пять часов, прежде чем отправиться в школу, Жозеф выгребал навоз. Роза приходила по воскресеньям, лицо как у древнего идола, но глаза не для того, чтобы просто смотреть, а для того, чтобы шнырять направо-налево, торгуясь на рынке у прилавка с кабачками и огурцами. Она садилась на табуретку бочком, потому что жирные ляжки не поме-

щались под столешницей и зад свешивался по краям. Пустую вазу с нарисованными камышами переставляли на швейную машинку. Помощницу Розетту брали с собой на все праздники, на спортивные, на кавалькады в Отон, на винные ярмарки, разворачивающиеся до самого Макона; повсюду вокруг нее толпились мужчины, но она благоволила певцу из Нью-Йорка, да и Жозеф, славный парнишка, Жозеф, толком не промытый в маленьком тазике, который никто не выльет, так до вечера и стоит с водой, покрытой грязной пеной, ждет Жозефа, а рядом тетрадь в клеенчатой обложке, где стеклом выжжено на солнце его имя. Озеро бьется о берег, неужели близко та, чье имя она называла с трепетом и робостью, Королева Ночи? Вечером на озере встал корабль с парусами и высокими бортами, птицы, спавшие в кустах роз, проснулись и полетели ему навстречу, но, когда встало солнце, ничего уже больше не было, кроме розово-голубой воды и неподвижной горы. Почему она умерла? на кровать установили бортики, изо рта у больной медленно текла слюна, глупые упрямые часы звонили каждые четверть часа, Жозефа выгнали, и он в убогих грубых башмаках слонялся по больничным коридорам. «Нужно часть твоей земли сдать в аренду в счет оплаты пансиона», и вот человек, который арендовал земли Жозефа, отдает их школьникам под футбольный стадион, чтобы произвести благоприятное впечатле-

ние на муниципальные власти. Наше поле! Жозеф, черная русская рубаша с застешкой на плече, улыбаясь, стоял у барьера: и зря, в игру его не принимали. Скоро сбор винограда, дрозды и мужчины уже пьяные. Виноградари, случайно или нарочно толкнули Жозефа, он зацепился за стертый порожек виноградного пресса, покатился по полу, мощенному маленькими круглыми булыжниками, потом дальше вниз по земляному и оказался на самом дне, едва освещенном согнутыми сквозняком свечами, которые из-за тумана зажгли рано.

– Две с половиной тысячи литров Комбевальер.

Прежде чем написать «Комбевальер» на стене, работник, считавший ящички\*, машинально послунывил кусок мела, глянул на него с досадой и принялся ругать Жозефа.

– А ты что здесь делаешь? у тебя каникулы в честь сбора винограда? ну-ка, хватит бездельничать.

– Я жду, когда привезут урожай с Лэ Гер. Они сегодня вечером там?

– Конечно, вон они едут, уже закончили на Комбевальер, вечером еще соберут на Лэ-з-Иль и Сен-Денэ.

– Ведь Лэ Гер, ведь Лэ Гер, это мой виноградник.

---

\* В тексте *partisseur* – водуазский диалектизм – работник, считающий ящички с виноградом. Портрет типичного *partisseur* и его работа подробно описаны в новелле Ш.-Ф. Рамю «Сбор винограда».

Сын опекуна с гордым видом намотал веревку на большой блестящий винт и затянул крепкий узел, как всегда по воскресеньям, когда пришвартовывал лодку к дебаркадеру. Конечно, Лэ Гер наши, мы пойдем туда, нарвем корзину винограда, – мама обнимала его за талию, вешала черную шерстяную шаль на подпорку. Едут, наконец-то! Лошадь, казавшаяся огромной в тумане, с усилием втащила во двор украшенную георгинами повозку. Как? это еще не Лэ Гер?! нет, Сен-Денэ. «Ан Кроза» написано мелом на круглом боку бочки с виноградом. Ему надо подождать, придет и его очередь, сейчас полк виноградарей работает для него, для Жозефа, они нарвут георгинов, украсят повозку, работник запишет тысяча семьсот? тысяча семьсот литров? Лэ Гер, владелец Жозеф.

– Пошел отсюда, сопляк, мы закрываем. Ты понял? думаешь, мы здесь будем сидеть, пока сусло течь не перестанет?

– А когда же уберут Лэ Гер?

– Послушай, вот Лэ Гер, – работник, стоя у повозки, натягивал куртку, – видишь, с одного бока Ан Кроза и Сен-Денэ, с другого – Лэ-з-Иль и Лэ Гер. Сусло с твоих Лэ Гер течет вместе с остальным виноградом. Какая разница, если все принадлежит одному владельцу?

– Неправда! Лэ Гер наши. На помощь!

– Не кричи так, может, Лэ Гер и твои, но опекун забрал весь урожай. Сусло всю ночь будет течь, принеси стакан и выпей сусла с твоих Лэ Гер.

Ребенок на попечении общины – это, в общем-то, мертвый ребенок, у него ничего нет, кроме убогой одежды и школьного ранца, мальчишку пристроили, – говорили они; да лучше бы сразу отправили на кладбище, где вянет грязная герань, если вскроешь вену, шершавые листья останвят кровь. А она? ее не пристроили? куда *она* пойдет, если вернется? покойницы быстро теряют место, у нее забрали часы, перину, кастелянша напялила ее туфли, а другие, которые никто не захотел, медленно горели на озере, по всему берегу тянулся дым, и на противоположной стороне горели старые туфли графини Вандомской. Корабль Матерей пытался причалить, но на каждой пристани *они* поставили немого в синей с золотом форме, который флагом подает сигнал: «нет, нет». Забота о сиротах лежит на общине, трясется община под тяжким бременем, погружается в недра земли. На деревенской улице кружатся листья, пляшут во круг невидимой палочки в руке ангела, вот идут паломники в монашеских рясах, если бы они знали, Боже мой, если бы они только знали! И *она* тоже, та, что гниет теперь в могиле, шерстяная шаль вся в огромных дырах. Вечером разразилась ее последняя гроза, следующая, которую она услышит, будет перекапываться со звезды на звезду.

*Не только лицо свое омой, но и от греха себя очисти.*

Кузина, смеясь, положила на тарелку Помощницы картофелину в форме зада, на-

турально две половинки. Скоро дневная помощница... О! я их обеих убью, утоплю в прозрачной воде, там за домом течет ручей, треплет, не срывая, темно-зеленую, гладкую траву. Вода такая же прозрачная как вишневая водка в рюмках. Видишь, малыш, чистая, как родники Толёр, как озеро ангелов. Прочь ваши овощи, ваши фрукты, – сгоревший отец смёл одним точным движением все, что было на столе, разве пьяный может ошибаться? О, блаженное состояние, о, святое сочувствие! – все гниет, портится мгновенно, посмотри на рюмку, какая прозрачность, и через тридцать лет не помутнеет. Старая помощница квохтала, словно курица, придерживая грудь, норовившую выскочить из зеленой с оранжевым рисунком блузки под креп жоржет: к картофелине в форме задницы она придвинула тонкую вытянутую картофелину.

Жозеф! подожди! куда ты? я с тобой.

– Иди ко мне, малыш, – позвала она, присаживаясь к Жозефу на кровать, – я сразу за ужином заметила, что тебе грустно, ты совсем один с тех пор, как твоя мама умерла. Да, да, поплачь.

Как хорошо положить голову на ее пышную грудь, есть все-таки добрые люди в этом мире, например, старая Помощница. Он примет ее в отряд, когда грянет революция, мир должен принадлежать детям, равным, чистым, вот они стоят на баррикадах, их спрашивают: «Да здравствует что?» – «Водуазская революция!» – отвечают они и падают замертво.

– Что вы делаете?

Почему я не сразу закричал?! о, лучше бы я умер!

– Оставьте меня, уберите руку.

Вот паршивец! грязный мальчишка! ты, наконец, перестанешь орать? Замолчи уже! Что ты вообразил? вот паршивец! да любой был бы мой, если бы я захотела! если бы я захотела, ты слышишь? доктора, владельцы...

Он убежал, черная вода плескалась у озерного пала, они отвязали лодки из древесной коры, подняли кожаные паруса и медленно поплыли по волнам, волосы грязные, даже ветру их не растрепать.

– Что с тобой, Лилия-мартагон? ты словно привидение увидел.

– Как же вы не понимаете? главное, чтобы воцарилась Чистота.

– Равенство.

– Равенство тоже, но чистота прежде всего. Убьем Виктора, который бегает за каждой юбкой. И эту Розу, кастеляншу из замка...

– Зачем тебе это надо?

– Вы не поймете, никто не поймет. Мой Отец... Клянитесь... дайте каждый каплю крови. Клянитесь.

– Он сумасшедший.

– Слушай, Жозеф, мы хотим одного, перемен. Чтобы замок был наш. Во-первых, почему у них слуги?

– Слуги?! со слугами покончено...

– ...и со словом «давать» тоже, вместо него будем говорить «вернуть».

– Мы вернем себе замок.

– Будем пить их вино.

– Надо написать товарищу Бабину, он нам советовал создать ядро.

– Но сначала клянитесь быть чистыми, неподкупными.

– О! надоел! оставь нас в покое. Мы должны кое-что обсудить, я получил письмо.

– Я тоже.

– Я тоже.

– А ты, Жозеф?

– Я нет.

– Вот видишь, тебя оставляют в стороне, ты со своей чистотой даже на расстоянии всем надоел.

Они ошибались, потому что в тот самый момент товарищ Бабин жаловался старому рыбаку: «Жизнь – клоака, трясина, везде грязь, и во мне нет чистоты...» – «Поешьте», – ответил рыбак, вытащив осетра из реки. Жозеф ушел под улюлюканье и смех. Брел медленно, с трудом передвигая ноги, словно в воде против течения, если и дальше так идти, догонит ли он маму? Ничего, в один прекрасный день или вечер он всех птиц-пересмешников переманит на свою сторону.

– Ты был с ним слишком груб, видишь, он уходит. А ведь это он все затеял, вспомни.

– О! Он осточертел мне со своей чистотой.

Жозеф, проданный братьями! Где ангелы, обещавшие ему помощь, ангелы, которые, он видел сквозь бледно-зеленую листву липы, по вечерам качались на волнах?



Убаюканные мерным шумом их мощных крыльев спят на кладбище счастливые покойники.

– Мне, правда, письмо не приходило?

– О! так ты знал, что должен получить письмо? и спрашивается откуда?

Кузина мокрым пальцем подвинула к себе лежавшее на столе письмо.

– Отдай. Я открою.

217

– Ты у нас на попечении, я должна вскрывать твои письма.

О! интересно! Письмо отпечатано на машинке, это циркулярное, куча людей такие получили, а ты вообразил, что оно настоящее? о! дурачок! кто тебе напишет? ведь у тебя, паршивец, больше нет никого.

Опекун злорадно уставился на Жозефа, сыр из супа потек на бороду, он опомнился, облизнулся, стукнул по столу.

– Больше никого. Да, забавно.

Жозеф в отчаянии протягивал обмороженную с красными пятнами руку, сено уже заготовили, канистра с керосином стояла в углу кладовой, облицованной плиткой.

– Что это значит? «Я рыбачка, ловлю рыбу на удочку»?

– Отдайте мне письмо. Дурак, тиран, хам.

– Но что все это значит? Какие-то дыни, огурцы... Допрыгаешься у меня, в полицию твоё так называемое письмо отнесу.

На следующий день Опекун орал на кухне так, что Жозеф слышал его уже с улицы, спускавшейся от церкви к дому, Жозеф шел

один и дрожал: обычное июньское похолодание, после черемухового – терновое, трижды вызывали в участок родителей пропавшей девочки, в пещере и под елками обнаружили лоскут платья, мать щупала синюю саржу, собаку, соски до земли, от старости на бок заваливается, она притащила с собой: нет, нет, это не ее, на дочке был хлопковый комбинезончик, знаете, ведь лето, она проводила папу до автобуса, нет, нет, это не ее. Жозеф вошел в теплую кухню, кузен-опекун за столом рассматривал его Театр теней.

– Забавно, – бормотал он. – Ты бы такой хотел, Эмиль? Бери, он твой.

– Вы не имеете права. Это мое.

– До чего же ты надоел. Ты вообразил, что будешь жить как во дворце, не иначе? Папагено! Королева Ночи! скажите, пожалуйста! Хватит с меня. Я работаю больше всех в кантоне, никто мне не помогает. Я один.

Опекун обнимал тарелку в ожидании супа. Суп опаздывал, подождав еще немного, опекун развернулся и бросил декорации и фигурки в огонь, с особой радостью встретивший Королеву Ночи. В ту ночь Жозеф вновь почувствовал отвратительный запах горящих пластмассовых венков, синяя бусина так и осталась в волосах покойника. Скоро уже появятся на холмах кони и огненные колесницы, скоро зажгутся круглые примулы, такие свежие, яркие, пока не начнут увядать и на желтых лепестках не появятся коричневые, похожие на брызги грязи, пятнышки.

После Лэ Гер, после сожженного театра произошла еще история с бричкой. Вozy с сеном, шаткие в своем величии, с трудом заезжали в амбар, канистра с керосином по-прежнему стояла в кладовой, облицованной плиткой, было воскресенье: можно и развлечься, мы заслужили, поехали ужинать во Францию, бричка ждала у дверей, лошади, громко хрупая, объедали листья с фуксии. Эй! Жозеф, ты что это? зачем ты нарядился? решил, что едешь с нами? Два приятеля Жозефа пришли, причесанные, напомаженные. Не может быть, кто-нибудь мне махнет, скажет садиться, они же без меня не уедут?! Жозеф, переоденешь ребенка и не забудь нагрудник повязать, дашь ему бутылочку, я все приготовила; бричка с грохотом покатила по мощеному двору: они вернутся, они сейчас вернутся за мной, не может быть, они сейчас у церкви повернут обратно. Но они поехали с песнями вдоль высокой стены. Всегда ему говорили, что он недотепа, ни на что не годится. Но благодаря канистре с керосином, со времен сенокоса оставшейся в кладовой, облицованной плиткой, огонь в доме разжечь легче, чем в печи, когда собрался обед приготовить... Жозеф, без конца оборачиваясь и спотыкаясь, бежал по ручьям.

– Где это, о, господи? этот запах! горим! Помогите же мне, ради бога. Роза! Где пожар?

Роза примчалась, плащ поверх ночной рубашки, он ее ощупал... Как в жмурках, пять лет продолжают эти жмурки, и он всегда

водит. Что горит? Скажите мне, черт возьми. Замок? сейчас на меня рухнут огромные стены, которые я держу из последних сил, и ведь подумают, что это я, несчастный слепой, совершил поджог из-за страховки: Гермина получила гостиную из цельного красного дерева от *Gutsbesitzer*, своего шального братца, и прямо перед смертью повысила сумму компенсации!

– Нет же, мсье, это не замок, это ферма кузена.

– Какого кузена?

– Да моего!

– Уф! значит, все не так страшно.

– Он – опекун Жозефа. Надо же, а вот и сам Жозеф. Что ты тут делаешь, руки в брюки, смотришь, как горит?

– Какой еще Жозеф, сына аптекаря?

– Ну Жозеф, который отца потерял, нам еще липу приносил, вспомнили, мсье?

Блистательный день! Арлет, пока еще просто кузина, и королева в траурной вуали! Боже мой, боже мой, по кому она носила траур?

– Пахнет керосином, да?

– Это от моих рук, я чистил косилку от ржавчины.

– Но сенокос уже закончился?

Они стояли, прислонясь к стене, до самой смерти на лопатке у Жозефа останется белое пятно.

– Кто поджег, Жозеф?

Жозеф! останься! Куда ты?

Трефовый король щупал воздух, зацепился ногой за колючую проволоку, свалился в ручей.

– Жозеф! помоги, я ничего не скажу.

– Чего не скажете? вы меня даже не видите.

– Нет, но я чувствую твой круглый затылок, и твои веснушки, и твои оттопыренные уши. Жозеф, куда ты, не уходи, я ничего не скажу.

221

От пожара несло подгоревшим кофе и мусором, который уже столько лет жгут на берегу озера. Жозеф бежал в темноте, оставив позади Папагено с Папагеной и старую Розу, древнего идола, скрестившего руки на животе в насмешку над церковью, ты выходишь замуж за барона? – конечно, я за него выйду, нарядная бричка с красными занавесками, старая Роза заговорщицки смотрит на кучера, неужели они и вправду уедут без меня? а вот и они, возвращаются, господи, у Эжена горит, нет, дом Эжена стоит как стоял, темный, его огонь обошел стороной, тогда у Эрнеста? Боже мой! Это у нас! лошадь свернула в поле, мать прыгнула на землю, подвернула ногу, сына аптекаря, умытого, причесанного, они пригласили: а ты, Жозеф, зачем нарядился, чтобы сорняки полоть и за ребенком ухаживать? лошадь тянула шею к фуксии. Они только и успели, что отвязать скотину, одна из коров всадила рог опекуну в живот. Жозеф в зале ожидания запускал музыкальную шкатулку: бернские девушки подпрыгивали в такт, сапожник дико вращал глазами

и бил своего подмастерье. Менестрелю понадобился бы целый день, чтобы рассказать подробно, подражая голосам птиц, реву водопада, звукам в трех тональностях, которые издавал ехавший в гору автобус, о путешествии Жозефа к озеру ангелов. Воздушный змей качался в небе, далеко-далеко, на высоте часовен, куда несут покойников, чтобы больше не возвращались. О! умоляю вас, не надо относить ее в часовню, я буду ждать ее каждую ночь. Чем дальше Жозеф шел, тем больше становилось расстояние между ним и воздушным змеем, напрасно он надеялся, что вот-вот увидит веревку и держащего ее китайца... Наконец, он добрался до земли ангелов и синих вулканов, недра земли здесь больше не черные, мертвецы, сорвавшиеся в бездну, покоятся в лазури. Ты достал нас со своей чистотой! Там на берегу озера огромная жаба играет на тростниковой флейте, и Роза, древний идол, кладет вытянутую картофелину на другую в форме задницы. И смеется с кухиной! Но здесь! зеленый песок, никаких старых тувель, никакого мазута, ни этих жутких существ без кожи, волос и зубов, населяющих морское дно, вода меняет цвет и превращается в воздух; мощный водопад мог бы убить овцу, быка, но омытая пеной альпийская роза крепко уцепилась за каменный выступ. Ты со своей чистотой! последнее живое существо – крушинница с ледников, желтые крылья-лепестки анемона, последнее растение – оранжевый лишайник на камне. Если меня

поймают, я знаю, куда меня отправят: там дети, если хотят пить ночью, идут в туалет и пьют из бачка унитаза. Кто-то поднимается по склону, неужели придется прыгнуть в водопад? К счастью, довольно скоро он увидел, что это не жандарм, а заблудившийся китаец с воздушным змеем, сложенным в кожаную сумку, китаец с длинными черными усами и в синем колпаке. Зря Жозеф боялся, его не искали, несмотря на пожар, и без него дел было по горло. Под белыми, ослепительными, нестерпимо сияющими облаками, громоздившимися как горы из ваты по краям почти черных небес, в грозном поясе мира плыла земля, нити огромной бобины сшивали озеро с опустившимся к нему небом, корабль, заблудившийся в тех сферах, пропал навсегда, в городе люди воздевали руки, защищаясь от летящей черепицы и каминных труб. Буря родилась у золотого прииска, сожгла девочку, оказавшуюся в ловушке между огнем и горой в форме сахарной головы, глухонемой из последних сил старался удержать одного из своих стреноженных мулов, но тот вырвался и, с размаху ударившись о секвойю, раскроил себе череп, пока другие, похожие на птеродактилей, кувыркались в воздухе. Как мы ее назовем, эту бурю? как назовем шторм, лавину, рак Гермины? Пожар на ферме кузена назвали Оскаром. Оскар жрал стены, алевшие на фоне темных елей. И буря, которую, долго выбирая между Аньес и Эрнестиной, нарекли Европой, была ему в помощь.

Европа, широколицая, в красных одеждах, прошла фронтом за тучей с градом, не глядя ни вправо, ни влево, словно пушечное ядро, прорывающее траншею, задела боком и утопила шорника, рыбачившего в лодке – его дом и магазинчик смотрели на озеро, лодка, привязанная к ржавому кольцу, качалась на воде, он с порога почувствовал странное движение воздуха, отвязал зеленую лодку, в сумрачном магазинчике остался сидеть манекен, склонившийся за столом над кожаной сумкой. До нас Европа добралась уже в конце своих славных дел, в конце воздушного пути, отмеченного летающими мулами и левиафанами, всплывшими на поверхность вод. Церковные петухи впервые покинули насиженные места, оборотень из трактира передал врагам секретные бумаги, оказалось, у него еще были пособники, хотя он всегда клялся, что скорее даст руку себе отрубить, чем станет предателем. Потом Европа встретилась со светящимися существами, спускавшимися, как ангелы, к озеру по косым лучам заходящего солнца, и напоследок разворотила кладбище. На самом высоком месте, наслаждаясь прекрасным видом, стоял памятник Будивиллям, ангел тростниковой палочкой записывал в книгу из мрамора их имена, Европа с корнем вырвала цоколь, ангел упал и сломал ребро, полураскрытый гроб Гермиды, последний корабль, кренился на земляных волнах. Я очень тебе благодарен, Барбара, за то, что ты занимаешься этим вопросом,



я со своими слепыми глазами... но ты, особенно теперь, когда у тебя столько дел... Ах! если бы твоя бедная мама была жива, она бы так радовалась! Видишь, Гермина, как все прекрасно уладилось в конце концов. Барбара, пропадавшая вечерами... не так уж была неправа. Барбара – невеста! и мало того! обручена с сыном Блеревиллей. Которых не разорили ни автотрасса, ни банкиры, мать из Оверни, отец порядочный, никаких похождений, скромный, добрый человек, говорит, что на охоту ходит только наблюдать за лисами и косулями. Слишком прекрасно, чтобы быть правдой. Барбара сложила в корзинку письма любовников, но не решилась сжечь их у себя в камине, не дай бог, черный пепел разлетится по комнате, а на кровати белое платье, двадцать метров органзы с вышивкой. Позвала Розу, та сначала вошла, а потом постучала, и отдала ей корзинку, Роза отнесла корзинку в бельевую – горело так, что хоть баню топи. В замке батареи больше не включали, разжигали камин несколькими поленьями, которые Роза покупала и по вечерам обертывала газетой.

– Ах! если бы твоя бедная матушка была жива! ты бы стала женой посла, дочь моя. Но какой очаровательный молодой человек! Какой вежливый! Пригласил меня на деревенский праздник! жаль только, я его не вижу. Почему ты не хочешь мне его описать, Барбара? Я уже давно тебя прошу. Барбара! куда же ты, Барбара?

Виктор, часовщик, сидел за липким столом под широким навесом, слава богу, Гонтран, при одном упоминание о нем впадавший в ярость, ничего не видел: почему я, а не он? он с его бесчисленными любовницами и я, один раз! один жалкий разок и то без удовольствия... О! опять лето, ужасная пора! Прекрасная и мучительная: все эти девицы в пышных юбках до колена, эти звонкие колокольчики на каждом углу улицы, эти груди, выпрыгивающие из корсажей... Виктор вытер пот со лба: о! я счастлив, что оно заканчивается! Прекрасное, ужасное лето! Духовой оркестр вытряхнул слюни из труб, папа собрался сказать речь, бедный папа! Моя семья вынуждена остаться, мы за два столетия ни разу не пропустили деревенский праздник. Роза предложила стать достойной заменой хозяйке дома... я закажу бутерброды и еще что-нибудь, Роза уже купила со скидкой остатки продуктов в лавке Поссесьон, которую через пару недель закрывают. Жаль, маленький магазинчик под боком на улице дю Лак был куда лучше, чем этот огромный холодный ангар. Ты выходишь замуж за своего барона? В общем, – как она, кутаясь в шерстяную шаль, рассказывала на палубе, с улыбкой оглядывая других матерей, сидевших в шезлонгах, – в общем, мы сыграли отличную свадьбу в замке, вся родня моей невестки за границей, да, у них необъятные владения по соседству с Польшей, и она там, бедняжка, одна одинешенька.

Но где же Валери? так просто взять и исчезнуть нельзя, если нет корабля со стеклянным дном. Оноре отдыхал на песке рядом с яркими разноцветными рыбами, до смешного напомилавшими его старого учителя французского.

– ...да, поэтому у нее такая своеобразная внешность, удлинённые глаза, непослушная шевелюра. Впрочем, неплохое приобретение для нас, вырожденцев... – А ее отец? – Увы! несчастный случай на охоте, друг по неосторожности... – Но такой благородный, правда? само благородство! – Ну да, ну да, напрасно вы отрицаете, последние представители рода, вырожденцы – вот мы кто... Внимание! мой муж хочет произнести тост в честь невесты. Бедный!

Он встал, трясаясь всем телом, неуверенно держась на кривых ногах, из голубых глаз текли крупные слезы.

– За красоту! – сказал он очень тихо и сел.

– Мой отец просто влюбился в вас, милый, бедный папа! – сказала Барбара свекру.

Каждое воскресенье после церковной мессы в одиннадцать часов он навещал невестку, приносил ей в замызганном медицинском чемоданчике, доставшемся в наследство от прадеда, самые лучшие фрукты из собственного сада и садился напротив нее в кресло у горящего камина. Была зима, но впервые в жизни Барбара не мерзла и ходила по дому в вязаном жилете. Только ведь я – шлюха... Я скоро больше не смогу

выносить ни честного взгляда голубых глаз моего свекра, ни этих яблок из чемоданчика деревенского доктора, уже полгода каждое воскресенье он садится напротив меня и вертит в старческих морщинистых руках наш фамильный поднос. Под чернильными пятнами еще можно разглядеть темно-красное озеро, длинный колониальный дом, туда, туда *она* причалит на корабле Матерей. А я однажды вечером сяду в «Данаю» и скользну за борт, как дядя... его звали? ну да, Гастон, жених тети Валери. Валери бесследно исчезла. Что до пилигрима, он неизменно возвращался, поднимался по улице в длинном, когда-то белом, но пожелтевшем от многочисленных стирок и последствий вегетарианских диет одеянии. Что? кузен нашей дорогой Барбары? добро пожаловать, пусть погостит в ее новом доме, проходите, вам надо подкрепиться, какой шик, моя дорогая, длинное белое одеяние, черный шелковый плащ на случай дождя, и ест он только Бирхермюсли и груши «Адвокат», забавно иметь невестку из совершенно другого мира! А ведь я всего лишь шлюха. Видеть больше не могу эти голубые глаза, наполненные слезами радости, но как пойти и утопиться в холодной воде, когда ты только согрелась и впервые в жизни не мерзнешь в ванной и туалете. До чего же стыдно продолжать жить из-за того, что заднице тепло. То ли дело раньше на острове в тростниках: «Вы не понимаете... надо быть чи-

стыми, как родники Толёр, как озеро Ангелов»... Жозеф исчез, погиб во время пожара или бури? вовсе нет, перед ним расстилась половина обитаемого мира, он уверенно шел к цели, внизу в долине одна за другой загорались деревни, опять начались виноградники, вот липа и зеленая скамейка, снова деревня и, наконец, последняя, где шале из рыжих бархатных бревен погружаются все глубже в землю. Ковчеги. Скрипки. Озеро ангелов лежит за львиной лапой, лапой ледника. Оно так называется не потому что ангелы живут поблизости, а потому что старые орлы окунаются в его воды, чтобы омолодиться, потому что вуивра, сняв на берегу алмазное ожерелье, в нем купается и потому что только ангелы знают, где оно расположено. Тучи уже не перекатывались, гроыхая, в небе, а стлались по земле, молния била в снег, и горные реки, пенясь, устремлялись вверх, не встречая на своем пути ни препятствий, ни ветра, бешеный поток опрокидывался через скалу и шестью струями проливался по склону, образуя бирюзовые озерца, по которым пробегала легкая зыбь, каскад падал прямо с неба, из воздуха, два мощных пенных колеса крутились испокон веков в его водах. На земле больше не было ни травинки, ни цветка, в воздухе – ни одной птицы. Жозеф приближался к львиной лапе, следу ледника на земле, выступ в скале, остров в тумане, соляная долина, последнее пристанище. Бедный Жозеф!

*Не только лицо свое омой, но и от греха себя очисти.*

Стыд какой! Сегодня же вечером она отвяжет «Данаю». Она вдруг резко села: странное ощущение, что-то шевельнулось в животе, тонкие лапки паучка, очнувшегося от спячки в зыбкой паутине теплым апрельским утром. Утопиться, когда ангел с широким лицом из папье-маше опустился рядом с вами на диван и протянул вам золотую пальмовую ветвь? Но отец, он кругом виноват... Представьте себе, дорогая, его к себе забрала одна из их верных служанок, и в сущности он неплохо устроился – знаешь, мой дорогой Жак, в его возрасте часто влюбляются не на жизнь, а на смерть, все наладится, нужно только настоять, чтобы он переехал к молодым. Опиши мне его, Барбара, я тебя об этом уже целый год прошу, что ж я умру, так и не узнав, какого цвета у него глаза? Барбара, выслушай меня, куда ты, Барбара? Ты вернулась? Вытянув руки перед собой, он ходил, натываясь на картонные коробки и мотки шерсти. Ну, приветствую! хозяин, хорошо вам в лавке?

– Сиприен, ты?

– Вы, кузен, теперь, значит, здесь живете после просторного великолепного Поссе-сьон?

– Оставь меня, Сиприен.

– Только сначала малыш Сиприен должен открыть вам один секрет, который мог бы изменить ход событий. Я хранил его ради

забавы долгие годы. Ну, правда, видеть вас здесь в лаке в люстриновых нарукавниках и фартуке садовника... Есть у вас свободная минутка? я сейчас встретил вашу Розу, колышущуюся задницу, на рынке. Кажется, у ящериц крошечный мозг компенсируется необыкновенной подвижностью задней части туловища? Да, точно. А как вы запоете, кузен, если я докажу ваше право на это пресловутое наследство? – Видишь, Гермина, я, наконец, нащупал шнурок. С утра его искал, видишь, Гермина. – Вы слушаете меня, хозяин?

Но мой секрет дорого стоит. Жизнь тяжела, хозяин, вам не понять, вы-то как сыр в масле катаетесь. Хотя я и переехал в две комнаты родового замка, доходы мои не выросли. И вы знаете Жермен, она меня запилила. Молочник возле двери не оставляй, носи мусор на озеро... Вам уже известна участь библиотеки и библиотечной винтовой лестницы. Теперь Жермен завела песню о том, что скоро нам будет не по карману швартовать лодку в маленьком порту. Кстати о лодке... Раньше я все вечера проводил на озере, вы понимаете, что это значит, кузен?

Несколько сотен франков смогли бы держать меня на плаву. Ежегодно, разумеется. Вот. Я вам раскрываю секрет и с полученного наследства вы мне выплачиваете, скажем, двенадцать сотен франков в год. Достаточно скромно. Я даже не прошу у вас расписку. У вас, конечно, есть недостатки,

но вы же Будивилль, черт возьми! Хоп! оркестр – марш, вертится шляпа на кончике трости. Ну и?

– Придурок!

– Но кузен...

– Идиот! Неудачник! Что ты тут пытаешься мне рассказать? Что Оноре – не сын нашего несчастного Гастона? И что это меняет? он родился в законном браке, этого достаточно. Более чем.

– Законный брак! Не смешите меня!

– Нет! я тебя не смешу, брак – великое дело... Моя бедная Гермина!

– Да что ты об этом знаешь? что ты знаешь о браке? ты до смерти довел жену, от тебя дочь уехала, живет в чужой семье, носит корзину на палке как служанка, якшается с женой садовника, а ты стоял на пороге замка и рукой ей вслед махал.

– Неудачник! Придурок! вечный шут!

– Ладно, ладно! Хорошо. Допустим. Но все же вы вступите в права наследства через семь, десять лет, я еще буду в строю, через семь лет...

– Идиот! забудь о наследстве. Мы не наследники. Он все оставил «Маленьким японским рыбакам».

– Через десять лет они вырастут.

– Я что тебе сказал? твоему секрету, десять лет пройдет или тридцать, грош цена, не знаю, кто вообще это выдумал. Мы – не наследники, точка. Ты понял наконец?



– Ладно. Ладно, я только подумал... Впрочем, ты можешь быть доволен. Твоя дочь высоко взлетела... как сыр в масле, вроде тебя. Свекровь, свекор, муж... теперь вот наследника ждет.

– Слушай, Сиприен. Ты видишь, я здесь, в крошечной тьме, вытягиваю руки перед собой, ощупываю коробки с пуговицами. Но у меня есть карманные деньги. Окажи мне услугу, Барбара отказывается мне описать... нет, ни в какую... своего мужа. А я же не могу ощупать его лицо, верно? Скажи мне, какой он? Я заплачу тебе, Сиприен.

– О! я, знаешь ли, не слишком силен в описаниях. Почему ты не переедешь к ним? Буквально вчера эта старуха, белая кость, голубая кровь, мне говорила... Тебе у них было бы очень хорошо.

– Вряд ли ты меня поймешь... она меня любит. Больного, старого, такого, как есть. Забавно. Вот и она...

– Что угодно, мсье Сиприен?

Он схватил шляпу.

– Мсье Будивилль, – сказала она, еле отдышавшись, – ты дашь мне сантиметр?

Рыжая кошка зевала и шаловливой лапкой пыталась зацепить бархатные брюки через прутья табурета. В рамке на стене за прилавком висела фотография Розы, Розетты в полный рост, нарядной, в шляпе, внутри искусно сделанного огромного яйца. Пасхальный сувенир. Что до ребенка, он родился в сентябре. Осенних котят никог-

да в доме не оставляют, но это был маленький человек, Барбара разглядывала сына, крепко сжатые кулачки у сморщенного личика, рыжие волосы до шейки, худые цыплячьи ляжки, строгий вид. Он еще не умеет смеяться как птица, как пони, как утка, он только плачет горькими чистыми слезами. Берегитесь, есть опасность, что все повторится, Барбара переживала первые дни творения мира! Ее, как и всех молодых матерей, пригласили ненадолго погостить в Эдемском саду, она ушла после первого кормления, в тот час, когда на заре становятся прозрачными и розовыми уши заснувших сов. Виноград в раю созрел, на подпорке висела черная шерстяная шаль. У ворот стоял маленький ангел с веснушками, большим ртом и оттопыренными ушами.



Издательства «Kolonna Publications»  
и «Митин Журнал» представляют

*Эрве Гибер*

**СЛЕПЫЕ**

Однажды Гибер приехал в учреждение для слепых, чтобы написать о нем репортаж. Потом устроился туда чтецом. В результате получился настоящий роман ужасов, безжалостные герои которого ужасы обожают. Это фантазмагорическое и в то же время документальное исследование доселе неизвестных нам наслаждений и страхов. Что может принести радость человеку, с детства лишенному зрения? Совсем не то, что способен представить зрячий, поскольку визуальные образы не имеют здесь никакого значения. Чудовища в этой книге становятся лишь игрушками, а обыденные мелочи обретают циклопические масштабы, углы означают горести, а округлости таят в себе покой и уверенность.

*Эрве Гибер*

**Я И МОЙ ЛАКЕЙ**

Не часто встретишь слугу, который был прежде кинозвездой. Лакей главного героя – актер, то есть актеришка, пародия, тиран, прогнавший остальную прислугу, размахивая ножом. Он выдворил хозяина из его спальни, запрещает ему смотреть телевизор и диктует, как одеваться. Что это, голая правда или настоящий дневник? Действие происходит в 2036 году, когда автору исполнилось бы восемьдесят. Книга вышла за несколько месяцев до смерти писателя.

Издательства «Kolonna Publications»  
и «Митин Журнал» представляют

*Эрве Гибер*

## **ИЗ-ЗА ВАС Я ПОВЕРИЛ В ПРИЗРАКОВ**

Толпы зрителей собираются на трибунах. Скоро начнется коррида. Но только вместо быка — плюющийся ядом мальчик, а вместо тореадора — инфантеро. 25 июня 1783 г. маркиз де Сад написал жене: «Из-за вас я поверил в призраков, и теперь желают они воплотиться».

*Герард Реве*

## **ПИСЬМА К ВИМИ**

Герард Реве познакомился с Вимом Шумахером в 1952 году. Они провели вместе 10 лет. В 1963 году Вим встретил молодого англичанина М. и ушел к нему. Реве не раз предлагал примирение, но разрыв стал окончательным. Письма Виму приходили из разных стран. Реве посетил Восточный Берлин и нашел его отвратительным, хотел перебраться из амстердамского холода в Испанию или Марокко, но разочарованный вернулся домой. «Письма к Вими» – свидетельство страстной любви и рождения нового литературного стиля, который писатель называл ревизмом.

**Издательства «Kolonna Publications»  
и «Митин Журнал» представляют**

*Марсель Жуандо*  
**МОЙ БЕСТИАРИЙ**

Тесные, дружеские и при этом искренние, лишенные всяких недомолвок отношения у нас складываются только с животными. Они осыпают нас ласками, не отмеряя их, и дарят нам поцелуи без счета.

Те, кто отказывают себе в обществе собаки или кошки, даже не сознают, сколько они теряют возможностей по-настоящему познать себя, соизмеряя с этими маленькими существами, гораздо менее отличными от нас, чем нам кажется. Во многих случаях они имеют право гордиться собой гораздо больше, чем мы.

*Марсель Жуандо*  
**ШКОЛА МАЛЬЧИКОВ**

В 1948 году шестидесятилетний Марсель Жуандо познакомился с двадцатилетним солдатом Робером Коке. Их любовный роман продолжался 12 лет. В книге "Школа мальчиков" собраны письма Робера и поклонника Жуандо Анри Роде (1917-2004), раскрывающие тайны этой истории. Лишь после смерти Жуандо открылось, что письма Робера писал Анри, подстроивший встречу своего кумира с юношей.

**Издательства «Kolonna Publications»  
и «Митин Журнал» представляют**

*Марсель Жуандо*

## **НЕПРИСТОЙНЫЕ ПИСЬМА**

Во мне метр семьдесят шесть сантиметров роста. В нем – метр девяносто. Мне нравится узнавать размеры его тела, его объем и вес. Я спешу обежать взглядом весь этот необъятный континент, задерживаясь там, где захочется. С ним – как осознать, где я, где здесь я, когда мы оба задыхаемся от непрерывных наслаждений, сплетаемся, отвечаем друг другу, понимая друг друга без слов. Мы словно движемся под сводами необычного храма, перемещаясь с места на место по всем его коридорам и тайным уголкам – чтобы в конце концов неизбежно оказаться перед входом в метро на площади Клиши.

*Марсель Жуандо*

## **ДНЕВНИКИ ДОН ЖУАНА**

«Дневники Дон Жуана» принадлежат к циклу тайных сочинений Марселя Жуандо, опубликованных после смерти философа. Чувственные удовольствия – вот сердцевина мира, только ради них и стоит существовать. Жуандо наблюдает за тайной жизнью рта и рук, изучает зашифрованный язык страсти и рассказывает о людях, которые дарили ему свою любовь.

**Издательства «Kolonna Publications»  
и «Митин Журнал» представляют**

*Марсель Жуандо*  
**ЭТИ ГОСПОДА**

В 1911 году Андре Жид написал эссе «Коридон», посвященное очарованию однополый любви. Через 40 лет философ Марсель Жуандо ответил ему своим «Коридоном»: размышления о природе гомосексуальности в его книге соседствуют с историями тех, кто знает толк в удовольствиях, непонятных большинству и ошибочно считающихся пороком.

*Ладислав Клима*  
**СЕЛЕН**

Аморализм, хулиганство и безумие проповедовал в своих сочинениях Ладислав Клима (1878–1928), и его рассказы при жизни автора не могли найти издателя. В сборнике «Селен» объединены философские тексты, в которых Клима говорит о своем презрении к свинскому обществу обыкновенных людей, духовных рабов, гнид рода Homo sapiens, пылающих бессильной ненавистью к душам вышестоящим, то есть свободным.



Издательства «Kolonna Publications»  
и «Митин Журнал» представляют

*Франсуа Ожье́рас*

## **ОТРОЧЕСТВО В ЭПОХУ МАРШАЛА**

1941 год. Юг Франции, находящийся под управлением маршала Петена. Юный Франсуа Ожье́рас вступает в организацию молодых фашистов, но вскоре разочаровывается. Он хочет стать язычником, первым, кто сделает шаг навстречу деревьям и светилам. Он оказывается в армии, монастыре, сумасшедшем доме. Он путешествует по Африке и вступает в любовную связь со своим дядей, полковником французской армии. Он пишет скандальный роман "Старик и мальчик". Он флиртует с Андре Жидом. Он упивается молодостью, ничего не боится и готов к дерзким экспериментам с человеческой природой.

*Пьер-Себастьян Евдо*

### **НАШИ УТЕХИ**

Ничто не мешает Беарну представить себя беременной бабой, которую насилюют рукояткой лопаты на груди навоза, или собакой, которую трахает миллиардер, пока она истошно лает во время войны 14-го года, он даже способен вообразить себя стройным великаном, у которого в заднице обитают другие мужчины.

Книги издательств «Митин Журнал»  
и «Kolonna Publications»  
можно приобрести в Москве:

«Фаланстер» Тверская, д. 17  
«Циолковский» Пятницкий переулок, д. 8, стр.1  
«Московский Дом Книги» ул. Новый Арбат, д. 8  
«Библиоглобус» Мясницкая ул., д. 6/3, стр. 5  
«Индиго» Ветошный пер., 9, «Никольский пассаж»

в Петербурге:

«Порядок слов» наб. Фонтанки, д. 15  
«Свои книги» Репина ул., 41  
«Все свободны», Некрасова ул., 23  
«Подписные издания», Литейный пр., 57

через Интернет:

«Ozon» [ozon.ru](http://ozon.ru)  
«Читай-Город» [chitai-gorod.ru](http://chitai-gorod.ru)

в Украине:

«Либра» [librabook.com.ua](http://librabook.com.ua)

По вопросу оптовых продаж обращаться в  
ооо «Медленные Книги», тел. (495) 971-47-92

Почти все книги издательства можно заказать  
на сайте редакции [kolonna.mitin.com](http://kolonna.mitin.com)

Катрин Колом  
**ВРЕМЯ АНГЕЛОВ**

Kolonna Publications,  
Труdolюбия 45, 1, Тверь, Россия, 170006.  
Сдано в набор 22.02.2020 г., подписано к печати  
16.05.2020 г., формат 72X104/32, объём 15 п.л.,  
тираж 500 экземпляров. Бумага офсетная, картон  
целлюлозный, одностороннего мелования.  
Отпечатано Калининским полиграфкомбинатом  
Главполиграфпрома Комитета по печати при Союзе  
Министров СССР, г. Калинин, пр. Ленина 5.